

ДЕМОН В БЕЛОМ

КРИСТОФЕР
РУОККИО

Пожиратель солнца

Кристофер Руоккио

Демон в белом

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Руоккио К.

Демон в белом / К. Руоккио — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Пожиратель солнца)

ISBN 978-5-389-20702-8

Без малого век Адриан Марло сражался с пришельцами – жестокими и воинственными съельсинами, стремящимися уничтожить человечество. После громких побед его личность возвели в культ, и теперь министры Империи нашли способ избавиться от неудобного выскочки. Адриан отправляется на далекую планету, чтобы разыскать в секретных имперских архивах сведения о Тихих – полумифических существах, посылающих ему видения. Приходится спешить, ведь съельсины под началом нового вождя перешли от беспорядочных набегов к систематическому уничтожению опорных постов Империи. Враги лучше обучены, лучше вооружены, и ходят слухи, что у них появился новый необычный союзник. Адриан оказывается между молотом и наковальней: впереди ждет решающая битва, за спиной строит козни имперская знать. Впервые на русском! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20702-8

© Руоккио К., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	59
Глава 11	65
Глава 12	69
Глава 13	74
Глава 14	76
Глава 15	82
Глава 16	87
Глава 17	91
Глава 18	99
Глава 19	100
Глава 20	106
Глава 21	114
Глава 22	117
Глава 23	124
Глава 24	131
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Кристофер Руоккио

Демон в белом

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Моей жене Джессике. За наш первый год и за все, что еще впереди

Глава 1

Конь бледный

Тишина.

Тишина вокруг Соларианского престола заполнила огромный зал, словно вода, словно тьма морских глубин. Никто не шелохнулся. Стоя среди придворных, я наблюдал за двумя преклонившими колени на мозаичном полу солдатами. Одетые в черное, они, словно скарабеи, проползли по центральному проходу через весь зал, мимо марсианских стражников. Как давно в это величественное место пускали столь низкородных? Белокаменные своды, подобно горе Олимп, высились над облаками Форума вот уже больше десяти тысяч лет. Но построивших их мастеров, несмотря на созданную ими красоту, окружавшие меня нобили ставили не выше насекомых. Я готов был поклясться своей здоровой правой рукой, что за это время перед нашим сиятельным императором имели честь преклонить колени не больше сотни сервов.

Их присутствие здесь было сигналом, подобно колокольному перезвону возвещавшим, что мир изменился. А то, что им в этом зале из золота и сердолика, слоновой кости и гагата предоставили слово, свидетельствовало о том, что перемены были значительными.

Оба коленопреклоненных солдата смотрели на нижнюю из пятидесяти четырех ступеней, ведущих к сияющему трону, охраняемому рыцарями-экскувиторами в начищенных до зеркального блеска белых доспехах.

По звездам на плечах одной из солдат я определил, что она была капитаном, но первым заговорил другой, простой и грубоватый легионер. Безусловно, логофеты и придворные гомункулы-евнухи научили его, как себя вести и что говорить, но страх взял свое, и он лишний десятый раз поклонился, уткнувшись лбом в пол.

– Ваше величество, – произнес он срывающимся голосом, – святой император. Я простираюсь перед вами. Меня зовут Каракс с Арамиса. Почти восемьсот лет я служил вам верой и правдой.

Язык солдата заплетался, было заметно, что он заучивал речь наизусть.

– Ваше величество, я был у Гермонассы. Был на «Невредимом», когда он пал.

Из докладов я знал, что «Невредимый» был флагманом оборонительной флотилии Гермонассы, но, получив повреждения, перестал быть «Невредимым» и погиб безымянным. Спутница Каракса была капитаном этого корабля. По кодексу чести после такого сокрушительного поражения ей следовало лишить себя жизни. Возможно, она намеревалась сделать это после аудиенции.

Каракс описал нападение сьельсинов:

– Бледные взяли корабль на абордаж. Вскрыли корпус и ринулись внутрь. Началась утечка воздуха, пострадала система жизнеобеспечения. Не знаю, как развивалась битва; капитан приказала отступать, и мы отошли, чтобы отцепить командный отсек...

– К делу! – рявкнул сопровождавший солдата евнух в мягких туфлях.

По команде андрогина марсианский стражник ткнул легионера древком энергокопья.

– Пусть рассказывает как хочет! – Голос императора заставил андрогина со стражником замереть.

Каракс и капитан тут же прижались лицом к полу, словно напуганные грозой дети. Слова кесаря гремели с трона, усиленные спрятанными в резных сводах динамиками, и казалось, что его божественный глас исходит сразу отовсюду.

Он доброжелательно продолжил:

– Этот солдат много странствовал и многое повидал. Нам это интересно. Не нужно его торопить.

Пробормотав слова благодарности, Каракс приосанился, оставаясь на коленях.

– Вы хотели узнать о нем. – (Я буквально услышал, как Каракс сглотнул.) – О Бледном короле.

Я предположил, что по прибытии на Форум этот солдат, наряду с другими выжившими на Гермонассе, подал рапорт и исходя из представленных сведений был избран, чтобы предстать перед императором. Я покосился на Паллино, но мой старый друг и телохранитель даже не моргнул.

Меня терзали мрачные мысли, но я продолжал внимательно слушать Каракса.

– Моя декурия осталась охранять шлюз. Мы были последней линией обороны. На «Невредимом» к мостику ведет длинный коридор, и Тайлес – мой декурион – запечатал выход. Но они пробились даже сквозь полтора фута цельного титана. – На слове «пробились» голос дрогнул, и легионер поник, опустив голову. – Разрезали дверь клинком как у наших рыцарей. Из высшей материи. Он прошел как нож сквозь масло, ваше величество, господа и дамы. Но таких клинков я прежде не видел. Он был огромным и... кривым. Рассек переборку как нож сквозь масло...

Солдат осознал, что повторяется, и заметно перепугался.

– ...погромсал людей. Я никогда еще не видел такого огромного Бледного. Ему пришлось пригнуться, чтобы пройти в коридор. Оно смотрело на нас из-за энергетического щита, все в черном и серебряном, и скалилось. Как будто ухмылялось. «Сдавайтесь!» – говорит, и, клянусь Святой Матерью-Землей, о достопочтенный кесарь, говорит на нашем языке. – Солдат потер руки. – Говорит, нам конец. Они захватили порт, уничтожили почти весь флот. Мы открыли огонь, но у них были щиты. Никогда такого не видел. Бледные со щитами. Они только посмеивались, и тут их главный назвал себя. Сказал... – Каракс не сразу смог произнести имя.

Но мне уже не нужно было его слушать.

Я и так знал это имя.

Сириани Дораяика.

Бич Земной.

Слова солдата завладели мной, и перед глазами вновь предстало видение, посланное мне дважды: сначала во тьме под Калагахом, а потом в холодных объятиях Братства на Воргоссосе. Я видел сьельсинов среди звезд, командиров за командирами, войска за войсками, корабли и солдат, царапающих мечами небосвод. А во главе – высоченный, ужасающий вождь. Черна его одежда, черен плащ, ужасны рога его, и серебряная корона, и прозрачные зубы в безгубом рту.

– На нем была корона?

Вновь повисла тишина.

Я не сразу сообразил, что сам это произнес. Нарушил покой и порядок у Соларианского престола. Придворные отшатнулись, оставив нас с Паллино в одиночестве на крошечном острове среди высоких, словно башни, колонн. Кто-то нервно хихикнул, оптические визоры на безликих масках марсианских стражников повернулись ко мне.

Каракс тоже обернулся, и наши взгляды пересеклись. Он вытаращил глаза. Узнал меня? Я был уверен, что прежде с ним не встречался.

– К порядку! – выкрикнул церемониймейстер.

Я припал на колено и поклонился, но не до самого пола, не как солдаты, поскольку был палатином и дальним родственником императора. Глаза кесаря смотрели на меня – два изумруда на алебастровом лице, что он называл лицом. Мне показалось или уголок его рта изогнулся в ироничной усмешке?

Вокруг зашептались:

– Это же Марло?

– Адриан Марло?

– Сэр Адриан Марло, Викторианский рыцарь.

– Полусмертный?

– Правда, что его невозможно убить?

Церемониймейстер стукнул фасциями о плиточный пол; латунные наконечники лязгнули.

– Порядок! Соблюдайте порядок!

Чтобы восстановить тишину, хватило поднятой руки императора.

– Отвечай на вопрос нашего слуги, – произнес спустя мгновение его императорское величество Вильгельм Двадцать Третий из дома Авентов. От его голоса веяло огнем и старым деревом.

Все перевели взгляды на Каракса и его капитана. Легионер же продолжал глазеть на меня, игнорируя сидящего в золоте и бархате кесаря.

– Корона? – повторил солдат машинально, словно забыв, что означает это слово. – Корона? Да, была. Серебряная.

Само по себе это свидетельство ничего не доказывало. Князь Араната тоже носил серебряную корону. Среди сьельсинов были десятки, если не сотни князей, и все они командовали флотилией-нацией, странствовавшей по безводным космическим морям. Не было никаких причин считать, что Сириани Дораяика, коего Капелла нарекла Бичом Земным, было существом из моих видений.

Но я это знал.

Каракс еще не закончил.

– Он назвал себя королем, – добавил он и нарушил протокол, осмелившись взглянуть в глаза императору. – Сказал, что придет за вашей короной, о достопочтенный кесарь...

При виде его величества, восседающего на возвышенном троне, солдат запнулся и вновь распростерся у престола, почти расплющившись по полу. На меня больше не обращали внимания, и я, поднявшись, выглянул из-за спин окружавших меня богато одетых персонажей.

– Ваше величество, – сказал Каракс, – он отпустил меня, но убил всех остальных в моей декурии.

Воздух наполнился ароматом благовоний из золотых курильниц, но я чувствовал запах огня и горелой человеческой плоти. Я ясно представил себе коридор из рассказа легионера. Король сьельсинов – если он действительно был королем – невозмутимо шагал, размахивая бледным клинком. Я видел отскакивающие от его щита плазменные заряды и пули, видел, как, подобно молнии, разил его меч. Как сверкал этот клинок! Как страшна была стеклянная улыбка! Когда все было кончено, он взял Каракса за горло и одной рукой поднял с залитого кровью и усыпанного отрубленными конечностями пола. Я видел все как наяву: Каракс один против врага. Мне стало его жаль. Сьельсинский вождь держал солдата, не прикладывая никаких усилий, и тот мог лишь беспомощно болтать ногами, стуча сапогами по полу.

– «Скажи своему хозяину, что я иду», – дрожа, повторил Каракс слова Бледного.

Сьельсин швырнул его на пол, словно куклу, и, развернувшись, скрылся среди искореженных обломков.

– Адр, мне это совершенно не нравится, – сказал Паллино по окончании аудиенции.

– Мне тоже, Пал, – согласился я и, почесав подбородок, прислонился к колонне.

Огромный трон с императором вынесли из зала Короля-Солнца на плечах сотни чело-
век в сопровождении рыцарей-экскувиторов, и теперь марсианские стражники выпроваживали отсюда задержавшихся придворных. Вестибюль снаружи тронного зала был просторнее многих дворцов, а его высоченный, расположенный на уровне пятидесятого этажа сводчатый потолок можно было принять за настоящее небо. Я слышал, что в потолке были встроены механизмы, поглощающие из воздуха всю влагу, чтобы не допустить образования облаков и защитить нобилей от дождя.

– Эти сволочи поумнели, – заметил мой ликтор, скрестив руки. – По крайней мере, один из них.

– Дораяика.

– Да, он, – подтвердил Паллино и повторил: – Мне это совершенно не нравится. Бледные – звери. Всегда нападают без предупреждения, беспорядочно жгут города и жрут людей. То там, то сям. А этот монстр... Он неспроста выбрал своей целью Гермонассу. Саму планету даже не тронул, просто взорвал верфи и почти уничтожил флот. Бьюсь об заклад, базу на Гран-Коре разнес он.

– И Эринию тоже.

Паллино побывал там со мной и видел как съельсинов, так и машины, построенные экстрасоларианцами в недрах гор этой засушливой и безвоздушной планеты.

– Вероятно. Думаешь, он в сговоре с экстрасоларианцами?

– Оно, – поправил я, ведь у съельсинов не было деления по половым признакам. – Надеюсь, что нет.

Альянс между съельсинами и живущими среди звезд варварами был бы разрушительным. Меня передернуло. Я бодрствовал уже почти сотню лет, но воспоминания о заключении в подземелье Воргоссоса по-прежнему обволакивали меня, как нефтяная пленка.

– Вождь, – продолжил я, – понимающий наши методы ведения войны, сам по себе опасен. Не хватало еще вmeshать сюда Кхарна Сагару и ему подобных.

Паллино фыркнул. Я пристально посмотрел на этого человека, прошедшего со мной весь путь из бойцовских ям Эмеша, одного из немногих, кто помнил меня как Адра, Адриана, а не сэра Адриана, самого молодого кавалера Королевского Викторианского ордена, и не как Полусмертного.

Мой друг.

Когда мы познакомились, Паллино был уже стариком – убеленным сединами, одноглазым. Глаз он потерял в сражении со съельсинами при Аргиссе, целую вечность назад. Но несмотря на возраст, он был силен, как любой старый солдат. И когда я позвал его с собой, попросив променять жизнь мирмидонца на жизнь наемника, он даже глазом не моргнул.

Теперь глаз у него было два, а волосы вновь стали темными, пусть и не совсем черными, как мои. Кожа на лице и руках, некогда грубая и покрытая старческими бляшками, снова обрела молодость и упругость. Ее пронизывала сетка тонких, как серебряные нити, шрамов – следы хирургического скальпеля и ген-тоников, перестроивших тело и возвысивших Паллино до патриция. Он получил новую жизнь и обрел вторую молодость – по моей просьбе. Когда император произвел меня в рыцари, я назначил Пала своим кутильером и принял его в свой дом.

Услышав имя Кхарна, Паллино прищурился и осенил себя защитным жестом.

– Думаешь, нас снова отправят?

– Скоро узнаем... – мрачно произнес я, разглядывая ярко разодетых нобилей, скопившихся у невероятно высоких колонн. В черной тунике, сапогах и шинели со стоячим воротником, я на их фоне выглядел бедно.

Сложив руки за спиной, я прислонился к колонне.

– Лорд Марло? – окликнул меня низкий голос.

Я оглянулся, ожидая увидеть слугу в имперской униформе. Но человек передо мной имел не белое одеяние слуги, а черное, еще более поношенное, чем мое.

Каракс.

– Это правда вы? – Солдат отшатнулся прежде, чем я успел ответить. – Бог, Земля и император... – Он очертил в воздухе знак солнечного диска, поспешно дотронувшись до лба, губ и груди. – Это вы. – Его рука задержалась на груди, нащупывая сквозь форменный мундир

какой-то амулет. – Значит, я не ошибся. Когда вы со мной заговорили, я... не сразу поверил, что вы настоящий.

Он окинул взглядом окружавших нас нобилей, черно-серых логофетов, белых стражников и ярко-алых марсиан. Казалось, ему хочется стать невидимым, исчезнуть. Но в Вечном Городе это было невозможно. За нами наблюдали даже не десять тысяч глаз, а десять раз по десять тысяч. Камеры, микрофоны, воздушные дроны, «шпионская пыль» и всевозможные датчики неусыпно следили за всем, что происходило вокруг, защищая императора и сливки Соларианской империи от гибели и вероломства.

Спрятаться не мог никто. Даже простой легионер.

– Вполне настоящий, – ответил я, отходя от колонны.

– Настоящая заноза в заднице, – пробурчал себе под нос Паллино.

Я исподлобья взглянул на старого друга, и он виновато улыбнулся в ответ.

– Мне понравилась ваша речь, – сказал я Караксу. – Не каждый лорд справился бы.

Мы в молчании постояли друг против друга, не решаясь продолжить. Легионер был выбрит наголо, как положено, на смуглой коже шеи чернели идентификационные татуировки. Он то и дело порывался открыть рот, но всякий раз пресекал себя. За то время, что я был рыцарем, его терзания стали мне хорошо понятны.

Одарив солдата своей лучшей, самой кривой улыбкой, я спросил:

– Ваше имя Каракс?

– Да, сэр! То есть ваша светлость. – Он выпрямился почти по стойке смирно. – Каракс с Арамиса, сэр. Триастр. Вторая когорта Триста девятнадцатого легиона Центавра, сэр. Ваша светлость. Сэр.

Он спохватился и отдал честь, прижав кулак к груди.

Я ответил тем же.

– Каракс, просто «сэр» достаточно. Мы оба солдаты.

И когда это случилось? Когда я стал солдатом? Я вовсе не собирался им становиться. Я покинул дом, чтобы учить языки, стать схоластом. Не сражаться и уж точно не убивать.

Не умирать.

– Это правда? – спросил он. (Я сразу понял, о чем он, но позволил продолжить.) – То, что вас невозможно убить.

Помня о камерах, я не мог сказать ему всей правды. Даже если бы мог, он все равно не поверил бы. Если бы я ответил «да», Каракс счел бы меня аферистом. «Нет» – лжецом.

– Так считают.

Каракс кивнул, удовлетворенный моим ответом.

– Говорят, вы голыми руками убили одного их короля.

– Князя, – поправил его я и поднял два пальца. – Не одного, а двоих. И не голыми руками, а мечом.

Я машинально покрутил кольцо на левом большом пальце, которое забрал у князя Аранаты после его убийства. Руки невольно задрожали, и мне пришлось сжать их в кулаки. Я отрубил князю голову после того, как оно отрубило мою. Я до сих пор помнил, как смотрел на свое обезглавленное тело, пока тьма не окутала меня. Пока я не вернулся.

Паллино заерзал. Он тоже видел. Он знал правду.

– Сэр, война скоро закончится? – спросил Каракс, потупив взгляд, словно боялся смотреть на меня. – Я на императорском пособии еще с довоенных времен. Почти всю жизнь во льду, понимаете? Дома не был... даже не знаю сколько. Лет семьсот? У меня, наверное, уже сотня внуков. Если вернусь, меня не узнают. Нас таких много. Ребята не возвращаются домой. Закончить бы эту войну.

Его ладонь снова сжала предмет, который он носил под формой.

Несчастный меня растрогал. Сколько ему приходится спать в крионической фуге среди звезд? Такова была судьба большинства солдат – быть запертыми в морозильнике, дожидаясь пробуждения, в час по чайной ложке отбывая положенный срок службы. Месяц-два за десять лет. Это было несправедливо, но, в конце концов, что во Вселенной справедливо?

– Не знаю, – ответил я, приближаясь к нему на шаг.

Он отпрянул как от огня.

– Но ведь говорят, что вы можете заглядывать в будущее.

– Много чего говорят, – усмехнулся я.

Видеть будущее я не мог. Мне его иногда показывали, но сам я не имел над этим власти.

Считается, что людям лучше никогда не встречаться со своими кумирами. Я чувствовал, что не оправдываю ожиданий этого солдата, но сказать правду не мог. Благоклонность императора давала мне защиту, и все же говорить в этом месте начистоту грозило катастрофой.

– Каракс, война непременно закончится. Когда-нибудь. Может, и мы еще снова встретимся, когда это случится.

Я полагал, что солдат поникнет, огорченный моими уклончивыми ответами, но он, напротив, просиял и расправил плечи.

– Сэр, я хотел бы кое-что вам передать, если позволите.

Казалось, эта мысль только что осенила его. Он мгновенно снял с шеи тонкую цепочку и протянул мне маленький серебряный медальон:

– Сэр, я был на Аптукке пятьдесят лет назад. Это, конечно, пустяковина, но больше у меня ничего нет.

Это был медальон-молитвенник с изображением иконы Стойкости. Я взял его и положил на раскрытую ладонь, стараясь не выдавать эмоций. Я не верю и тогда не верил в религию Капеллы. Но я улыбнулся:

– Спасибо, солдат. Я рад, что вы были на Аптукке. Я...

– Как вам это удалось? – вырвалось у него. – Как вы убедили Бледных отступить без единого выстрела?

– Я... – перевернув медальон, я запнулся.

Он был маленьким, примерно с мой ноготь, и круглым, как монета. На обратной стороне изображено имперское солнце с двенадцатью лучами, поверх которого грубо нацарапан ножом трезубец вроде тех, что рисуют в руках дьявола. Вроде того, что был вышит алой нитью на моей шинели. Древко пересекало солнце посередине точно так же, как древко трезубца на моей груди проходило сквозь пентакль. Я сжал вещицу в кулаке и притянул к себе.

– Я убил их князя, – улыбнулся я, хотя сказанное было правдой лишь отчасти.

Бледные пустили меня на борт своего корабля, и я вызвал князя Улурани на дуэль. Оно приняло вызов, решив отомстить за смерть другого вождя, Аранаты. Пока шла дуэль, Паллино с лейтенантом-коммандером Гароне заминировали весь корабль. Сьельсины оказались в нашей милости и вынужденно бежали.

Сьельсины отнюдь не люди. С ними невозможно дискутировать, как с людьми. Я понял это почти три сотни лет назад, когда встретился с Аранатой на Воргоссосе.

Каракс смотрел на меня в предвкушении интересной истории. Я лишь развел руками, стараясь не думать об изменническом богохульном амулете, что он мне передал.

– У сьельсинов нет законов. Во главе всего правители – убей одного, и они не будут знать, что делать. Когда я одолел их вождя на Аптукке, они отступили, чтобы избрать нового.

– Бескровная победа, – улыбнулся до ушей солдат.

– Почти бескровная, – поправил я, вспомнив Аранату и черную кровь на блеклой траве в саду Кхарна Сагары.

– Сэр, благословите меня? – запинаясь, попросил Каракс. – Ваша светлость? Я каждый день возношу хвалу Земле за то, что она послала нам вас. Я бы погиб на Аптукке. Моя смерть снилась мне не одну неделю. Но вы спасли меня. Спасли всех нас.

Солдат встал на колено и склонил голову, как при посвящении в рыцари сложив руки над макушкой.

– Ух, поднимайся, – буркнул Паллино, но Каракс ему не внял.

– Защити нас, о Полусмертный сын Земли.

Гурт медальона врезался в мою ладонь. Я давно уже слышал, что есть легионеры, которые меня превозносят, но встретился с таким впервые. Все, кто был у меня на службе, знали меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что я обычный человек, пускай и видели своими глазами мою смерть. Но легенды обо мне давно ушли в народ, разнеслись по легионам благодаря Бассандеру Лину и его солдатам.

Солдатам всегда было свойственно создавать культы, несмотря на то что поклонение кому-либо, кроме Матери-Земли и Бога-Императора, было под запретом. Давным-давно в Риме воины почитали Митру и Непобедимое Солнце, а наши легионеры возносили молитвы Сиду Артуру или, как, например, мой друг Эдуард и многие римляне задолго до него, – древнему Христу.

Склонившийся передо мной одинокий солдат обожествлял меня, но не в моей воле было раздавать благословения и дарить надежду. Я вдруг почувствовал, что смертельно устал.

Я взял его за руки. Он вцепился в меня со страстью, которой я совершенно не ожидал и не чувствовал в последние годы ни от кого, кроме Валки.

– Встаньте, – сказал я, вкладывая вещицу обратно в ладонь Каракса, всем видом давая понять, что теперь, после того как я подержал медальон, он стал наделен некой особой силой.

Теперь он превратился в реликвию.

Солдат поднялся со слезами на глазах:

– Господин, говорят, что все безнадежно. Вся эта война.

«Господин». Слово несколько раз прозвучало в моей голове.

– Много чего говорят, – повторил я, отстраняясь. – Нельзя терять надежду.

Я хлопнул солдата по плечу и отослал его. Он долго оглядывался, задевая на ходу придворных логофетов и ярко разодетых дам, пока его не поглотила толпа.

Больше я его не встречал.

Глава 2

Первородный сын Земли

Рядом со мной шагали две полные декурии рыцарей-экскувиторов, по десять с каждой стороны. На фоне их ярких зеркальных доспехов и красных плащей я выглядел неуместной мрачной тенью. По традиции они несли мечи из высшей материи активированными, держа их двумя руками перед собой, готовые убить меня, если я позволю себе резкое движение или неподобающий жест. Сам я был безоружен. Мой меч остался на корабле, а Паллино не позволили меня сопровождать. Неудивительно.

Мы проходили коридор за коридором, топча пестрые ковры вековой толщины, минуя орнаменты в стиле рококо и барочные картины, старые, как сама Земля. Золотистое сияние лилось сквозь прозрачные окна, открывающие вид на блестящие башни и бесконечное, бездонное небо.

Может, вы видели его, пусть даже только во сне? Вечный Город с его изящными, сверкающими в лучах солнца шпилями. Громады его зданий, внушительно проступающие сквозь розоватую дымку. Величественных колоссов, нависающих над продуваемыми ветром улицами и просторными площадями. Висячие сады в цвету, как в Вавилоне, спускающиеся с высоты в десяток тысяч миль. Вечный Город, старый, почтенный, как мудрец, горделивый и прекрасный, как король. Он был сердцем и глазами Галактики. Стержнем, вокруг которого обращались все остальные планеты.

Мы прошли под стрельчатым окном, и я заметил внизу кинжалоподобные силуэты патрульных кораблей. Они кружили в тени белокаменного акведука, несущего воду с одного парящего острова на другой.

Я бы остановился, если бы позволили экскувиторы.

Но они не позволили.

Император ждал.

По пути к императорским апартаментам в Перонском дворце мы попали в Облачные сады, где серебристые фонтаны искрились под подернутыми дымкой кронами деревьев, даже днем подсвеченными фонариками, похожими на звезды. Я бывал здесь лишь однажды, в день своего посвящения в рыцари, когда его императорское величество вернул мне статус и права нобиля. Прежде я был изгоем без рода и племени, от которого отрекся родной отец.

Воспоминания о том дне преследовали меня по пятам. Тогда я только прибыл на Форум и еще не пришел в себя после сражения с князем Аранатой на «Демииурге». С тех пор прошло почти триста лет, а для меня – восемьдесят. Так давно это было, но я по-прежнему как наяву слышал голос его величества, разносящийся под куполом Георгианской часовни:

– Во имя Святой Матери-Земли и света ее солнца, я, Соларианский император Вильгельм из дома Авентов, Двадцать Третий наследник этого имени; Король Авалона; Властелин Королевства Виндзоров в изгнании; князь-император рукавов Ориона, Стрельца, Персея и Центавра; Магнарх Ориона; Завоеватель Наугольника; Великий стратиг Солнечных легионов; Верховный правитель городов Форума; Путеводная звезда констелляций палатинской крови; Защитник детей человеческих и Слуга слуг Земли, приказываю тебе преклонить колени.

Я опустился на колени перед алтарем, как было велено. Кругом курились благовония, горели церковные свечи, а в нише над алтарем возле скульптуры Бога-Императора, ногой попирающего мраморный куб, плясали волшебные тени. Его живой потомок стоял передо мной, держа в руках древний меч – не из высшей материи, а из простой стали. Настолько почерневший от времени, что я даже принял его за чугунный.

Еще не отзвенела помпезная пышность его титулов, как кесарь поднялся, а панегирист в черно-золотом одеянии принялся распевать на классическом английском:

– Во имя Святой Матери-Земли и света ее солнца, помолимся! Да благословит Мать слугу своего!

Собравшиеся позади меня солдаты и придворные, друзья и враги, хором пропели:

– Благослови нас, о Мать!

Тогда заговорил император:

– Адриан Марло, присягаешь ли ты на нашу службу сейчас и на веки вечные? Клянешься служить императору и его Империи?

– Клянусь, – как положено, ответил я.

– Веруешь ли ты в нашу создательницу Святую Мать-Землю? В Бога-Императора, ее первородного сына и наследника, нашего предка? Того, кто победил мерикани с их машинами и вверил Вселенную в руки человека.

– Верую, – сказал я, хоть и не верил.

– Обещаешь ли ты защищать нашу Империю мечом и всеми имеющимися средствами и силами, ценой своей жизни?

– Обещаю.

– Клянешься ли ты искать истину ради истины, а не ради награды?

Все это время я держал голову опущенной как можно ниже, опасаясь, что выдам его величеству свои сомнения.

– Клянусь.

– Соблюдать умеренность в достатке и бедности?

– Клянусь.

– Проявлять благоразумие в делах больших и малых?

– Клянусь.

– Стойко сносить невзгоды?

– Клянусь.

– Защищать честь равных себе?

– Клянусь, – ответил я, но подумал: «Если она у них есть».

– И тех, кто выше тебя?

Я замешкался лишь на мгновение, подумав об отце, о лорде Балиане Матаро и нобилях, которых встретил в приемной дворца на Воргоссосе. Но затем я вспомнил о Валке, Паллино и остальных своих друзьях – о моей семье. И ответил без обмана:

– Клянусь.

– Клянешься ли ты уважать достоинство любого человека, будь то мужчина, женщина или ребенок?

– Клянусь.

– Защищать его?

– Клянусь.

– Всегда отвечать на вызов равного?

Клятв было много. Слишком много. Признаюсь, мне пришлось найти их полный свод, чтобы заучить.

– Клянусь.

– Клянешься ли ты презирать жестокость, обман и несправедливость?

– Клянусь!

– Клянешься всегда доходить до конца начатого пути?

– Клянусь. – Относительно этой клятвы я чувствовал больше угрызений совести, чем относительно всех остальных, вместе взятых.

– Клянешься хранить верность клятве с этого дня до дня твоей смерти, во имя императора, Бога-Императора и Земли, нашей Матери и нашей Жертвы?

Его величество изобразил знак солнечного диска, поднеся клинок ко лбу, губам и груди. Я повторил жест и почувствовал, как это же сделали все собравшиеся. Звяканье украшений и шорох ткани нарушили торжественную тишину.

– Клянусь, – сказал я одновременно с жестом.

Тогда император опустил меч и дотронулся им сначала до моего левого плеча, потом до правого.

– Теперь вы рыцарь, сэр Адриан, и лорд Марло по праву. Поднимитесь.

Он протянул мне левую руку, и я поцеловал перстень с двенадцатилучевым солнцем, символом императорского дома, на его большом пальце.

Церемонии и ритуалы обладают большой силой, и не важно, верим мы в принципы, на которых эти ритуалы зиждутся, или нет. Несмотря на мой скептицизм, я все равно почувствовал, поднимаясь, прилив тепла, любви и гордости. Я стал рыцарем, и не простым, а рыцарем Королевского Викторианского ордена, приближенного к самому императору.

В Галактике сыщется не много людей, способных похвастаться тем, что они побывали в Перонском дворце, этой расположенной внутри большого дворца Вечного Города вотчине императорской семьи. А тех, кто бывал здесь неоднократно, еще меньше.

Во время моего второго визита массивные двери открылись беззвучно. Внутри пробили часы. Переступив через порог, экскувиторы перешли с бодрого марша на медленный, ровный шаг. Их каблуки стучали в такт с тиканьем часов, могучий маятник которых свободно раскачивался над стрельчатыми арками поверх наших голов.

Наконец после множества поворотов мы пришли в сад воды, весь из белоснежного мрамора. Яркие фонтаны били среди прудов, в которых цвели бледные лотосы и лазурные водяные лилии. В углу две женщины тихо перебирали струны арф. Его величество восседал в скромном кресле у небольшого столика. Рядом стояли четверо экскувиторов, наблюдая за мной сквозь зеркальные маски. Мои сопровождатели отсалютовали, я поклонился, положив правую руку на сердце, а левую отставив в сторону.

– Ваше величество, – произнес я, – для меня честь вновь предстать перед вами.

Император Вильгельм поднялся, отложив маленькую черную книжицу, которую читал, и подошел ко мне с теплой улыбкой и радостным приветствием:

– Сэр Адриан! Приятно снова вас видеть.

Я потупил взгляд:

– Ваше величество, я хотел бы извиниться за несвоевременную реплику на аудиенции с солдатами.

– Дорогой кузен, все это уже забыто! Пожалуйста, выпрямитесь, чтобы нам было лучше вас видно.

Я поднял голову. Император улыбнулся и жестом отослал мой эскорт. Экскувиторы отошли за раскрашенные колонны, и мне показалось, что они не совсем покинули нас, а скрытно остались ждать среди этих высоких столпов.

– Нам до сих пор не представилось возможности поблагодарить вас за службу на Аптукке. Теперь на вашем счету два сьельсинских вождя.

– Вы льстите мне, ваше величество, – ответил я с поклоном.

– Вы даете мне повод. – Император взмахнул рукой в бархатной перчатке, усеянной блестящими перстнями, приглашая меня прогуляться. – Если бы все наши придворные были столь полезны...

На это у меня ответа не было. Я молча шел за его величеством вдоль прудов. Впереди бежали наши тени. Император был выше меня и в четыре с лишним раза старше – а мне уже было сотни лет, – но в его рыжих волосах не блестело ни единой седой пряди. За исключе-

нием красных бархатных перчаток и туфель, он носил ослепительно-белые шелка, расшитые золотом. Если при дворе я чувствовал себя неподобающе одетым, то в присутствии кесаря и вовсе показался полным оборванцем. Одни его перстни стоили как целая планета, и дело было не в ценности камней или искусстве ювелиров, ведь заказ подобных украшений обходился, в общем-то, недорого, а в их древности. Я не сомневался, что все они были изготовлены еще на Старой Земле до ее разрушения.

– Вы знаете, что вам возносят хвалу по всей Империи? Вы победили Бледных на Аптукке, не пролив ни капли крови.

– Если бы только это было так, – честно ответил я.

Император прервал свой размеренный шаг. Я чувствовал, как его взгляд выжигает мне щеку.

– Это так. Так мы решили, и вам следует придерживаться официальной версии.

– Как пожелаете, ваше величество.

Я не отважился посмотреть ему в глаза, лишь покосился в его сторону. Его императорское величество Вильгельм Двадцать Третий хмурился, над переносицей проявилась довольно заметная морщина. Но она быстро исчезла, и его лицо вновь обрело спокойствие, достойное лика древних фараонов. Я до сих пор впадаю в задумчивость, вспоминая это выражение. Победа на Аптукке была блестящей, но ложь пропагандистов из министерства народного просвещения приукрасила ее многократно.

– Вы убедились, что князь в самом деле мертв? – спросил император, возобновляя обход пруда.

– Вне всякого сомнения, ваше величество, – заверил я кесаря, попутно заметив между колонн экскувитора, наблюдающего за нами сквозь пустые глазницы маски. – Я ведь сам убил Улурани.

Его императорское величество кивнул, проведя вдоль подбородка облаченным в бархат пальцем. Что-то несомненно тяготило его, но еще некоторое время мы шли в тишине мимо изящных фресок с изображением фантастических нимф и ангелов, украшавших стены перистильного двора.

– Скажите мне, Адриан, – произнес император заинтриговавшим меня тоном, и я повернулся к нему. – Вы со мной?

Он отказался от статусного «мы», представ (каким бы святотатством ни было даже писать об этом) простым человеком, утомленным короной и всеми тяготами того положения, что он нес на своих узких плечах.

– Ваше величество? – переспросил я, не зная, что ответить.

– Не прикидывайтесь. Отвечайте, кому вы служите?

Неужели он видел преступный медальон, который пытался всучить мне Каракс? Решил, что я строю козни против престола и императорской семьи? У меня подкосились ноги, и я мысленно выругался. Преклонение колен явилось бы признаком раскаяния и признания вины, поэтому я не стал этого делать. Но от моего ответа зависело многое, да что там, жизнь.

– Я верный солдат Империи.

Что еще я мог ответить? Я стал солдатом вопреки своей воле, но мало кто может похвастаться тем, что живет, как ему заблагорассудится.

– Империи... – повторил его величество. – Хорошо. В таком случае у меня для вас задание.

Раздражение сменилось веселостью, и он отвернулся, обратив взор на ближайшую к нам фреску. На ней золотоволосая, пышногрудая икона Красоты поднималась из волн морских.

– Вам известно о событиях на Гододине?

– Гододин? – переспросил я, не сразу разобрав название.

Раньше я никогда его не слышал. Такое имя носила планета, которую я позднее уничтожил. Тогда я даже не придавал этому значения. Это было просто слово, ничего для меня не значащее.

– Это главная база легионов между рукавами Стрельца и Центавра. Оттуда мы распределяем войска по Центавру для отражения нападений сьельсинов. Последний легион отправился в Немаванд, в провинцию Раманну, но так и не прибыл.

– Мы потеряли еще один легион?

Внутри меня все перевернулось. За последние сто лет было полностью уничтожено более десятка легионов; на конвои нападали даже в варпе, солдат убивали или забирали в рабство прямо в криокамерах. Несколько лет назад меня посылали на поиски Триста семьдесят восьмого легиона Эринии, но я смог обнаружить лишь горстку выживших.

– Сьельсины? – спросил я.

На Эринии виновны оказались вовсе не ксенобиты, а экстрасоларианцы.

– Вероятнее всего. Провинция Раманну крайне нуждается в продовольствии и подкреплении, и потеря каравана станет для них тяжелым ударом. Кузен, мы не хотим лишиться целой провинции. Мы желаем, чтобы вы как можно скорее отправились на Гододин, выяснили, что случилось с легионом, и пришли ему на помощь, если возможно.

Я почувствовал, как надо мной смыкаются челюсти капкана. Задание из ряда непосильных. В непосредственной близости от Эринии была планета, где я смог организовать поиски. Несмотря на невысокие шансы на успех, у нас была зацепка, след, по которому можно было идти. Да, по всей Империи мне возносили дифирамбы, но гораздо громче, чем я заслуживал. Я подлетел слишком близко к солнцу – стоял слишком близко к императору, Первородному сыну Земли – и это вызвало улыбку на моем хмуром лице.

Да уж, солнце.

Я должен был потерпеть неудачу, вернуться пристыженным и распластаться перед Соларианским престолом, проползти по бесконечно длинному коридору под нервные смешки высокопоставленных лордов и леди с полумиллиарда планет.

Но что-то меня смущало. Для такого поручения императору вовсе не нужно было вызывать меня на приватную беседу. Можно было передать приказ со слугой или логофетом. Я окинул взглядом сад, лотосы, водяные лилии и икону Красоты, опирающуюся на огромную раковину. В тених таились экскувиторы и евнухи, дожидаясь момента, когда можно будет подойти и услужить императору.

– Как прикажете, достопочтенный кесарь.

Его императорское величество остался стоять ко мне спиной.

– Война идет уже семьсот с лишним лет, – ответил он не сразу, поднимая руку с двумя выставленными пальцами, как священник при благословении. – Сэр Адриан, мы должны кое-что вам рассказать. То, о чем не должны узнать за границами этого сада. – Он повернулся, не опуская руки, и прищурился. – Разумеется, если вы в самом деле со мной.

Я знал, что не должен перебивать столь могущественную фигуру. Однако его величество взял паузу, ожидая ответа. Мне довелось побывать у трона Вечного на Воргоссосе, где часы были уподоблены секундам и пролетали незаметно. Я мог перетерпеть самого Кхарна Сагару – что говорить об императоре?

На его бесстрастном лице появилась едва заметная улыбка.

– Хорошо. – Он опустил руку и продолжил без преамбул: – Кузен, я уже стар. Я хочу, чтобы война закончилась прежде, чем я покину престол. – Он снова не сказал «мы», но быстро поправился: – Вам может показаться, что мы выглядим молодо, но вы палатин. Вам должно быть известно, как быстро для нас наступает конец. Пришло время подумать о том, какой мир мы хотим оставить нашим детям. А кроме того, мы хотим оставить нашим детям еще и наших подданных. Поэтому у нас к вам просьба, которую вы не обязаны выполнять...

В это верилось слабо. Даже самая малая просьба императора была равна приказу.

– Отправляясь на Гододин, возьмите с собой нашего сына Александра. Он ваш большой поклонник. Ему не помешает набраться опыта.

«„Возьмите нашего сына“, – подумал я. – Просьба, ничего не скажешь».

– Как пожелаете, ваше сиятельное величество.

– Немаванд находится на границе Центавра и Пространства Наугольника. Сэр Адриан, нам нельзя допустить потерю этой провинции и позволить сьельсинам ринуться от границ к центру нашей Империи, – сказал кесарь, оглядываясь через плечо. – Он сложил руки за спиной; красный бархат длинных перчаток ярко выделялся на фоне белых фалд его одеяния. – Мы рассчитываем, что Полусмертный герой Аптукки не подведет.

– Разумеется, ваше сиятельное величество, – ответил я, захлопывая над собой ловушку.

Теперь потерпеть неудачу означало обмануть императора. А обман императора карался смертью. Я поклонился, надеясь, что опущенная голова и густые черные волосы не позволят прочитать выражение моего лица. Император угрожал мне? Или издевался?

– Тогда ступайте, – махнул он усыпанной золотом рукой. – Наши логофеты проинструктируют вас относительно Гододина. Позже к вам пришлют гонца, который сообщит, где забрать Александра. Обходитесь с ним осторожно, но не давайте никаких привилегий, каких нет у простых оруженосцев.

– Как будет угодно вашему величеству... Могу я задать вашему сиятельному величеству один вопрос? – отважился я, не забывая о затаившихся экскувиторах.

– Конечно, кузен, – ответил император священной Соларианской империи.

Я набрал в грудь побольше воздуха:

– Еще пятьдесят лет назад я отправил запрос на допуск в Имперскую библиотеку на Колхиде. – Точнее, пятьдесят три, но для педантизма было не время. – Мне бы очень хотелось наконец попасть в архивы.

– Архивы? Зачем? – слегка нахмурился его величество.

Допуск в библиотеку Нов-Белгаэра был разрешен только местным схоластам. Даже Викторианскому рыцарю он был заказан; исключения делали лишь по письменным разрешениям Имперской канцелярии.

Что я должен был ответить императору? Сказать правду о том, что я хотел найти объяснение произошедшему со мной на «Демиурге», я не мог. О Ревущей Тьме за границами смерти. О Тихих. Кхарн Сагара рассказывал, что мериканские машины верили, что древнему Богу-Императору помогали те же силы, что вернули меня с того света. Логично было предположить, что где-то в закромах древнейшей в мире библиотеки хранились ответы или хотя бы малейшие указания на то, где мне продолжать поиски. Но заявить, что во Вселенной есть древние чужеродные силы, более могущественные, чем человек, означало совершить смертный грех. Даже просто признаться в том, что мне известно о Тихих, означало навлечь кару не только на себя, но и на Валку, Паллино, Бандита и на всех, кто знал, что легенды об Адриане Полусмертном были не просто выдумкой.

Но брови императора продолжали ползти вверх с каждой долей секунды, и я был вынужден ответить.

– На Воргоссосе Вечный сказал мне, что сьельсины совершали набеги на наши планеты гораздо дольше, чем принято считать. Что война – лишь первое крупномасштабное вторжение после вековой череды мелких нападений вроде того, что случилось у Крессгарда. В Колхидской библиотеке должны храниться копии всех текстов, существующих в Империи. Возможно, есть упоминания о тех давних набегах, в которых сьельсины не описаны подробно, и потому эти упоминания остались без внимания. Ваше величество, я не только рыцарь, но и ученый. Если я смогу найти заметки, способные помочь положить конец войне, думаю, это стоит нескольких потраченных мною лет.

– Вот как? – произнес император, снова сложив руки за спиной. – Сэр Адриан, нам решать, чего стоят годы вашей жизни...

Он резко прервался, и на его похолодевшей маске лицо промелькнула тень.

– Однако... мы впервые слышим о таком запросе! В последние годы к нам по этому поводу не обращались, – сказал он и, очевидно, солгал.

Запрос Викторианского рыцаря, тем более самого молодого и активного, наверняка попал к нему моментально. Император его просто проигнорировал.

– Мы рассмотрим его по вашему возвращении, – добавил он.

Глава 3

Облачная империя

– Господа министры, при всем уважении, эта информация практически бесполезна, – заявил я, складывая руки перед собой на отполированном до блеска черном стеклянном столе.

Передо мной восседало пестрое собрание военных и министерских сотрудников, среди которых были и distinguished палатины, и возвысившиеся крестьяне.

– Не сомневаюсь, что знаменитому Дьяволу Мейдуа задание окажется по плечу, – высокомерным аристократическим тоном парировал сэр Лоркан Браанок.

Среди старших членов правительства, между которыми я к своему сожалению, но без всякого удивления увидел лорда Августина Бурбона, министра военных дел собственной персоной, раздалась смешки.

– Сэр Адриан, – продолжил Браанок, – мы все будем спокойнее спать по ночам, зная, что вы сторожите дверь.

«Кто бы сомневался», – подумал я, но в ответ лишь сдержанно улыбнулся.

Браанок уже более трехсот лет был начальником Разведывательной службы легионов, и, несмотря на еще заметные на шее и руках шрамы, его искусственно продленная патрицианская жизнь подходила к концу. В его каштановых волосах виднелись седые пряди, виски и челка серебрились, а лицо напоминало изъеденный эрозией камень. Он, полагаю, был из тех выбившихся из самых низов людей, кто презирал таких, как я, отпрысков древних родов, занимавших должности, которых не заслуживали.

– Сэр, мне приятно слышать, что при таком количестве важных дел вы вообще находите время спать, – заявил я.

Это было не слишком красиво с моей стороны, однако, будучи Викторианским рыцарем, я не нес ответственности перед сэром Лорканом.

Браанок заскрежетал зубами, но ответить ему помешал один из младших помощников.

– Данные с передатчика каравана, – сказал он, – еще не попали в инфосеть. Когда попадут, мы сможем сузить зону поисков.

– При условии, что передатчик вообще сработал, – заметила Отавия Корво, стоявшая по правую руку от меня.

Мой норманский капитан указала на голографическую звездную карту, отмечая алую линию, протянувшуюся от Гододина к Немаванду на самой границе с норманской территорией.

– Нам придется с точностью повторить их маршрут и надеяться, что наши датчики что-нибудь засекут. – Она выразительно уперлась кончиками пальцев в столешницу. – Простите, но зачем мы вообще этим занимаемся? Это работа для межзвездного патруля, а не для частной военной компании.

– Капитан, потому что таков приказ императора, – ответил я прежде, чем это успел сделать Браанок или кто-то другой.

– И вы обязаны исполнить свой долг! – рявкнул лорд Бурбон.

– Вне всякого сомнения, – сказал я, желая перевести гнев советников на себя. – Однако, господа, вам следует понять: ваших разведанных недостаточно. Прошу тишины.

Я выставил вперед руку и вновь присмотрелся к карте. Соларианская империя расширяла границы вот уже более шестнадцати тысячелетий. Ее влияние распространялось до самых краев Галактики, вдоль спиральных рукавов, пока отважные первопроходцы не совершили однажды скачок через бездну, отделявшую один рукав от другого. Вот, на самом краю, Персей, а вот Орион, колыбель человечества, где остались дымящиеся руины Земли. Вот Стрелец, Центавр и, наконец, ближе к центру рукав Наугольника, где мы впервые столкнулись со сель-

синами. Гододин сверкал одинокой красной точкой среди пустоты между берегами Стрельца и Центавра. Я проследил за маршрутом потерянного легиона. Яркая нить тянулась через бездну к Центавру и сквозь него, почти по прямой направляясь к ядру и галактическому северу. Конечный пункт, Немаванд, располагался на дальнем краю рукава Центавра, ближе к центру, ближе к фронтиру и границе норманских фригольдов, где я провел значительную часть своей молодости. Где-то в тех краях, почти в двадцати тысячах световых лет от Форума, был Эмеш – аванпост на краю имперских владений. А за ним лежали Фарос, Рустам и Награмма.

Даже на «Тамерлане», одном из быстрейших кораблей, мы потратим на путь туда несколько десятилетий, возможно и целый век. Даже если я справлюсь с этим убийственным заданием, то останусь вне придворной жизни и вне внимания Империи настолько долго, что возвращение можно будет приравнять к новому рождению. За сто лет может поменяться очень многое, особенно если сам ты почти все это время спишь в глубокой заморозке и не меняешься. Все мои друзья, все преимущества и известность, которую я завоевал на Аптукке, исчезнут. Я так и не получу доступа к архивам библиотеки, и любые мои усилия на благо Империи будут потрачены впустую.

Это был своего рода смертный приговор, и я не сомневался, что его предложил императору один или даже несколько из этих достопочтенных господ. Может, Бурбон? Я представил, как луноликий министр нашептывает на ухо его величеству. Я не понимал, как Бурбон, будучи палатином, умудрился стать таким жирным. Его тело было столь же круглым, как и лицо с густыми бакенбардами и еще более густыми усами, благодаря которым он напоминал моржей и ламантинов, резвившихся в королевском аквариуме. Репутация у него была скверная, он слыл предателем и коррупционером. Я даже слышал, что несколько столетий назад во время раскола в доме Бурбонов Августин предал отца и помог своему дяде, принцу Шарлю Пятьдесят Четвертому узурпировать его титул. Сейчас Бурбон что-то тихо говорил тощему помощнику, старшему логофету, имени которого я не знал.

– Немаванд чрезвычайно важен для обороны границ Центавра, – откашлявшись, произнес сэр Фридрих Оберлин, младший логофет, ранее перебивший Браанок. – До Гермонассы сьельсины четыреста лет не пересекали бездну большими силами, с тех пор как проникли далеко на юг, в Стрельца. – Он обвел рукой системы, достаточно близкие к Форуму и сердцу Империи.

Я помнил те набеги. Тогда я был еще мальчиком и жил на Делосе. В результате одного нападения была уничтожена Цай-Шэнь, шахтерская колония консорциума, и мой отец еще больше обогатился.

– Теперь они в основном появляются в Пространстве Наугольника, и мы подозреваем, что они контролируют там часть территории, – сказал Оберлин.

Я кивнул. К этому сводилось общее мнение, несмотря на то что за семьсот лет мы так и не обнаружили ни одной сьельсинской колонии. Ксенобитам колонии были не нужны. Они жили на мигрирующих кораблях, бороздя тьму и безводные межзвездные моря, задерживаясь в солнечных системах лишь для того, чтобы накачать из звезд энергии и захватить побольше мяса на наших планетах. Затем они уходили, скрываясь во тьме, как волки в туманном ночном лесу.

– Это мне известно, – сказал я.

Нельзя было исключать, что где-то в Пространстве Наугольника или Вуали Маринуса у сьельсинов все-таки были планетарные колонии. А может, в этих регионах просто базировались основные силы кочевых орд.

– Это не все, – ворчливо и как-то неохотно произнес Браанок. – Фридрих, выкладывайте остальное.

– Слушаюсь, сэр.

Молодой офицер откашлялся и вызвал голографический набор схем, изображавших полдюжины звездолетов: два транспортно-десантных корабля и четыре меньших по размеру линкора, изящных и остроносых, как наконечники стрел.

Он пояснил:

– Конвой, который отправился к Немаванду, насчитывал пятьдесят тысяч солдат. Два легиона: Сто шестнадцатый и Триста тридцать седьмой легионы Стрельца. Но они были не первыми, кого мы потеряли в том регионе.

От Гододина по карте протянулись две красные линии, пересекли бездну и разошлись в разные стороны в дальнем рукаве Центавра.

– Как вы можете видеть, – продолжил Фридрих, – за последние сто лет мы потеряли еще две группы. Одну сорок лет назад, другую – около девяноста. По прибытии в Центавр и до заправки на станции «Дион» их пути сильно расходятся.

– То есть вы думаете, что на них напали где-то между Гододином и «Дионом»? – заключил я за логофета.

– Если бы сьельсины нашли заправочную станцию, то уничтожили бы ее, – заметила Корво.

– Еще бы, черт побери! – согласилась одна из высокопоставленных легионеров, почти не уступавшая Корво в росте.

– Если только они не знают, где именно находится «Дион», – сказал я, глядя в точку на столе. – Если только они специально не ждут наши конвои. Зачем вы посылаете новые, если уже потеряли там четыре легиона?

Ответ пришел ко мне прежде, чем его выпалил Бурбон:

– Потому что на тысячу световых лет вокруг нет другой дороги в Центавр. Ты на карту-то посмотри, юнец!

Уже не в первый раз я порадовался, что держал руки опущенными. Я лишь бросил хмурый взгляд на толстяка и покрутил на пальце кольцо князя Аранаты.

– Как бы то ни было... – сказал я и, выдержав паузу, продолжил: – Выходит, вы считаете весьма вероятным, что конвой пропал где-то между Гододином и «Дионом»? – Я присмотрелся к галактической карте. – Это немного сужает область поисков. Но даже в таком случае, пока мы добираемся, там не останется никаких следов. До Гододина несколько десятков лет, и кто знает, сколько еще потребуется, чтобы пересечь бездну. Господа, я боюсь, что в живых мы никого не найдем.

– Весьма вероятно, – согласился Браанок. – Но вы – самый подходящий человек для этой миссии.

Рядом с ним Августин Бурбон издал низкий хлюпающий звук, лишь отдаленно похожий на смех.

– Просто попробуйте, если возможно, вернуть хоть кого-нибудь живым. Мы были разочарованы тем, что произошло на Эринии... так мало выживших. И варварам удалось скрыться. Такая досада.

Я невольно сжал кулаки. Солдаты, для спасения которых мы отправились на Эринию, погибли до нашего прибытия. Экстрасоларианцы превратили их в механических кукол.

«Ярость ослепляет», – прошептало мое внутреннее «я» голосом Гибсона.

Мой ответ был спокойным, голос ровным. Я не спорил. Лорд Бурбон и начальник разведки были не из тех людей, с которыми стоило спорить.

– Достопочтенные господа, я теряюсь... – начал я и взял паузу, чтобы дать Браанку и Бурбону возможность снова оскорбить меня. К моему удивлению, они ею не воспользовались, – наверное, мои намерения были слишком очевидны. – На Эринии мы обнаружили свидетельства, что сьельсины сотрудничают с некоторыми организациями экстрасоларианцев. Эти сведения вас чем-то не устроили? Или вы предпочли бы узнать об этом, когда враг оказался

бы прямо у наших ворот? – Набравшись смелости, я встал, положив руки на стол. – При всем уважении, никто из вас не был на Эринии. Никто не видел, что стало с теми людьми, и никто больше меня не желал бы, чтобы они остались живы. Так что не оскорбляйте меня.

Браанок тоже встал, чтобы возразить мне, несмотря на то что Бурбон удерживал его за руку.

– Марло, вы закончили?

Толстый министр не зря пытался урезонить щербатого начальника разведки. Если бы тот не потерял самообладания, этот вопрос, скорее всего, осадил бы меня.

«Еще нет», – подумал я.

– Император приказал мне отправиться на Гододин, и я туда отправлюсь, – сказал я прежним спокойным тоном. – И с вашего позволения, сделаю это прямо сейчас.

Я отсалютовал и взял со стола кристаллический накопитель данных.

Дождаться разрешения уйти я не стал.

– Они хотят, чтобы мы потерпели неудачу, – сообщил я своим спутникам, когда мы оказались в относительном уединении на шаттле.

Я переводил взгляд с Паллино на Отавию и обратно, не обращая внимания на пилота и четверых солдат Красного отряда, сопровождавших нас в качестве своего рода почетного караула.

– Политиков напугал наш успех на Аптукке. Они боятся меня, – заключил я и снова покрутил кольцо Аранаты.

Сквозь крошечные иллюминаторы было видно, как отдаляются здания разведслужбы, белые колонны, окрашенные крыши и сверкающие на солнце купола. Под нами простирался Вечный Город. На Форуме был весьма умеренный для газового гиганта климат, а ветры – не столь сильными, как должны были быть, и любые их выкрутасы контролировались погодными спутниками, не допускаящими бурь и ураганов.

С высоты нашего полета казалось, что Вечный Город вырастает прямо из облаков, словно дворец сказочной королевы фей или древний Олимп. Здесь люди так давно примерили на себя одеяния богов, что почти забыли о своей звериной сущности, пускай и продолжали рычать друг на друга и кусаться.

– Думаешь, все действительно настолько плохо? – спросил Паллино. – Может, они тебя отпустят.

– Отпустят? – Я едва не рассмеялся. – Куда, Пал?

– Куда тебе захочется, – ответил он, скрещивая руки. – Назад в Вуаль. Позволят снова быть простым наемником. А может, и схоластом получится стать, если до сих пор не передумал. Вместе с Валкой.

Валка. В этом был резон. С тех пор как мы два года назад вернулись на Форум после выполнения задания, Валка ни разу не сошла с борта «Тамерлана». Она была тавросианкой, и устройство, имплантированное в ее череп, – секрет, о котором знали лишь немногие в нашем отряде, – могло навлечь на нее серьезные неприятности. Инквизиция Капеллы не жаловала тех, кто приносил зловещие машины в самое сердце Соларианской империи. Здесь, где безопасность была важнее справедливости, ей мог не помочь даже дипломатический статус.

«Защити нас, о Мать, от разрушения плоти».

Но если бы меня с позором изгнали с императорского двора, мы смогли бы отправиться куда угодно: к Шагающим башням Садальсууда, в горы, к храму Атхтен Вара. Посетить все оставшиеся в Галактике руины Тихих. Забыть о войне. Это было весьма заманчиво.

– Сам знаешь, что это невозможно, – сказал я.

Из памяти никак не желал стираться образ Райне Смайта и ее солдат, растерзанных на части сельсинами. Я отчетливо помнил, как один вскинул ее оторванную руку, прежде чем

впитаться в нее зубами. А мои видения... съельсины, выжигающие все среди звезд, и миллиарды мертвых и поработанных людей.

Я сжал левую кисть правой, нащупав едва выступающие края искусственной кости. Руки я лишился тогда же, когда и жизни, на борту «Демиурга», и даже спустя почти сотню лет новая рука так и не стала для меня своей. Она была подарком Вечного правителя Воргоссоса, самого Кхарна Сагары. Я спас ему жизнь – две жизни, ведь его сознание переселилось сразу в двух клонов, которых он выращивал, чтобы обеспечить себе бессмертие. Рука стала вечным напоминанием о том, что я потерял, что положил на алтарь борьбы.

– А я жду не дожусь, когда получится убраться отсюда, – сказала капитан Корво, глядя на город из-под капюшона.

Не знаю, что она видела в этих золоченых шпилях, воздушных куполах, водопадах, льющихся с небес на висячие сады. Ничего подобного не было больше нигде во Вселенной. Ни одного столь же прекрасного... и столь же ужасного города.

Мы обогнули белый палец ратуши, возвышавшейся над площадью Рафаэля. Я ощутил невольную тоску по дому, по черной крепости Обитель Дьявола на приморском холме. Несмотря на все недостатки – а их было множество, – я вдруг почувствовал, что люблю Империю, люблю Делос, где я родился, и даже Вечный Город. Какой катастрофой для мира станет падение этого удивительного города! Как мир обеднеет! Пусть люди, правящие здесь, были жестокими, злыми и продажными, не правители – или не только они – определяли величие городов и государств. Древний Рим полюбили не за величие, как писал поэт¹. Рим стал великим, потому что его любили. Так и я сейчас любил свою Империю.

– Когда полетим за принцем, которого с нами посылают? – спросил Паллино.

Я прекратил теребить пальцы и посмотрел ему в глаза. Мне по-прежнему было неприятно видеть его молодым и двуглазым.

– Дня через три, – ответил я, откинувшись в кресле. – Как я понял, ему нужно время на сборы. Пройти медосмотр, перестройку РНК и тому подобное.

– Значит, хотя бы шнурки ему не придется завязывать, – вставила Корво, откидывая с глаз пышную крашеную челку.

– У него, наверное, сапоги на застежках, – пошутил Паллино. – Странно, что с нами на заведомо провальное задание отправляют принца.

– Ничуть, – возразил я. – Так ему ничто не будет угрожать.

– Уж простите, но на это я жаловаться не стану, – чуть нахмурившись, сказала Отавия. – Неплохо хотя бы иногда ни с кем не воевать.

Паллино наклонился, не разнимая рук:

– Значит, в архивы тебя так и не пустили?

– Нет.

Отвернувшись к иллюминатору, я подпер подбородок кулаком.

– Я даже самого императора об этом попросил, но... – не закончив, махнул я рукой, и без слов было понятно.

Мы полетели в тишине, наблюдая, как движется город внизу и как снуют среди башен воздушные суда.

– Если вернемся ни с чем, император может распустить Красный отряд, – сказал я, по-прежнему не глядя на товарищей, и облизнул губы. – Вы уверены, что этот шаттл не прослушивается?

– Айлекс лично все проверила, – кивнула Корво. – Даже доктор разок осмотрела.

«Что ж, раз Валка дала добро...» – подумал я.

¹ Речь идет об английском писателе, поэте, философе и теологе Г. К. Честертоне, который писал так в книге «Ортодоксия».

– По-моему, император или кто-то весьма близкий к нему считает, что я стал достаточно популярен в народе, чтобы представлять угрозу. – Я вспомнил, как Каракс попросил меня благословить его медальон. – Возможно, они решили, что я мечу в министры. Например, в военные. Может, поэтому Бурбон так меня ненавидит. Считает, что я хочу его подсадить. А может, дело не только в этом. Вряд ли им придет в голову, что я посягаю на трон. Сколько там у императора детей? Сто десять? Сто двадцать? Передо мной такая очередь, что и близко не подобраться. Даже если город вдруг обрушится с небес, на других планетах найдется половина королевских отпрысков. Да я и не Бонифаций Самозванец.

– Думаете, против вас заговор? – спросила Корво.

– Думаю, он уже увенчался успехом, – холодно ответил я, пронзительно глядя на Отавию. – Сколько лететь до Гододина?

Капитан пожала плечами, словно стряхивая с себя влияние моего дурного глаза.

– На полной скорости пересечем рукав Стрельца лет за двенадцать.

– Значит, я буду отсутствовать не меньше двадцати четырех лет. Когда вернемся, меня уже не будут воспринимать всерьез. Особенно если вернемся ни с чем, как задумано.

Теперь пришел черед Корво скрестить руки на груди. Впечатляющее зрелище, учитывая ее телосложение.

– Вы уверены, что мы заведомо обречены на неудачу?

– Все это – тщательно спланированная акция, – сказал я. – Жаловаться нечего. Я бы тоже так поступил... Другой вопрос, кто за этим стоит? Император сам все придумал или ему нашептали на ухо?

Первым приходил в голову Августин Бурбон. Военный министр заседал в Имперском совете. Кесарь к нему прислушивался. Ему бы не составило труда намекнуть, что возмутителя спокойствия Адриана Марло неплохо бы послать в бессмысленную экспедицию на край вечности, «пока все не уляжется».

– А какая разница? – спросил Паллино.

– Большая, – немного резко ответил я и, выпрямившись, протянул вперед руку ладонью вверх. – Плохо, если козни строит Бурбон или кто-то из министров. Но если это сам император... – Эту мысль тоже не было нужды заканчивать.

Я крепко сжал кулак.

Глава 4

Дети Солнца

Решетчатая дверь трамвая откатилась, позволив мне сойти. Я молча, сложив руки за спиной, следовал за слугой-андрогином. Эта вычурная громада из металла и камня была настолько гигантской, что имела собственные трамвайные линии, как на крупнейших легионских дреднуотах, чтобы слуги, солдаты и нобили могли быстро перемещаться из одного места в другое. Повсюду были изящные украшения из кованого железа, копирующие цветущую лозу, которая вилась вокруг них. Меня поражало обилие растительности во дворце. Благодаря этому он был куда больше похож на сад. Сердце замирало при мысли о том, сколько было потрачено на создание такой красоты.

За коваными оградами и лозой оказались каменные стены с арочным проемом, а за ним – коридор, богато отделанный деревянными панелями, которые впитывали теплое сияние настенных ламп. На сводчатом потолке было изображено небо: не розоватое небо Форума, а ярко-голубое, земное, с белыми и золотистыми облаками.

Гомункул остановился у двери и постучал, объявив о нашем прибытии. Дверь почти мгновенно распахнулась, и я с удивлением увидел, что ее открыл привратник. Она не была оснащена никакими механизмами, если не считать серебристого колокольчика, звоном возвещавшего об открытии.

– Ваше величество, сэр Адриан Марло, лорд-комендант Красного отряда, – возвестил андрогин высоким ангельским голосом.

– Величество? – ошеломленно повторил я и припал на колено сразу же, как осознал.

Передо мной в кресле сидела, пожалуй, самая красивая женщина, что мне доводилось видеть. Она была холодна и сурова, как снежная буря, но тепла и ярка, как осень. Ее волосы были рыжими, как у императора, – она приходилась ему двоюродной сестрой. В косу толщиной с мою руку были вплетены золотые нити. Женщина казалась высеченной из слоновой кости или мрамора. Светлое, как и ее кожа, платье было расшито красными узорами в тон волосам. Пояс и украшения в ушах, на шее и руках были золотыми. В ее теле воплотилось все искусство генетиков Высокой коллегии, а глаза излучали могущество империй.

– Ваше величество, – сказал я, – я польщен. Прошу меня простить, никак не ожидал встречи с вами.

Императрица Мария Агриппина приветственно подняла руку. Вспомнив, что глазеть не подобает, я устался в толстый напольный ковер.

– Встаньте, – сказала она. – Мы хотели встретиться с вами, прежде чем вы заберете нашего сына.

Императрица улыбнулась, но ее изумрудные глаза остались холодными. Она протянула мне усыпанную кольцами и перстнями руку. По протоколу было положено приблизиться к ней на коленях, но она же сама приказала подняться. Возможно, это была проверка, однако я ненавидел коленопреклонение и потому встал и просто нагнулся, чтобы поцеловать руку.

– Александр скоро выйдет. Мне хотелось до него увидаться с героем Аптукки с глазу на глаз. Прошу, садитесь! – указала она на стоявшее напротив пустое кресло. – Чая?

Я не слишком любил чай, но отказывать императрице было нельзя.

– С вашего позволения.

Она взмахнула рукой, и другой андрогин появился из-за занавеса, чтобы разлить чай в кобальтовые чашки. Я с благодарностью принял чашку и сделал глоток, после чего отставил ее, зная, что по правилам этикета этого достаточно.

– Лорд Марло, у вас есть дети?

Я удивленно моргнул. Вне всякого сомнения, императрица прекрасно знала, что у меня их нет.

– Нет, ваше величество. Моя... спутница – тавросианка.

Я мог бы уточнить и объяснить, что Валка даже замуж за меня не хотела, не то что детей, но подозревал, что Высокая коллегия в любом случае не одобрила бы союз имперского пэра с чужестранкой.

– Мы слышали, – произнесла императрица так, будто я сообщил ей невероятно скандальную новость, – но не думали, что это правда. Тавросианская ведьма? А еще в вашей команде гомункулы и прочие дегенераты. Потрясающе.

– Боюсь, ваше величество, что в слухах обо мне больше правды, чем выдумки.

– Ясно... – протянула она. – Вы редкая птица. Большинство людей куда мельче, чем рассказывают о них легенды. Будьте осторожны. Вырастете слишком большим – и кому-нибудь непременно захочется вас подрубить.

Предупреждение? Или угроза?

Мария Агриппина откинулась в кресле, поразив меня идеальной осанкой. Каждая линия ее тела была ровной, каждое движение – отточенным, как у балерины, как у эльфийской королевы из древних сказок. Пожалуй, она пугала меня больше, чем сам император.

– Однако так гораздо интереснее! – воскликнула она и снова улыбнулась одними губами. – Сэр, будьте аккуратны с моим сыном.

– Разумеется, ваше величество.

– Если с ним что-нибудь случится, – она подняла свою чашку с блюдца, – то мне придется сделать так, чтобы что-нибудь случилось и с вами. Ясно?

Я тоже взял чашку, чтобы чем-то занять руки.

– Абсолютно, – ответил я. – Там, куда мы отправляемся, должно быть вполне безопасно. У нас поисково-спасательная экспедиция.

– Не важно. – Ее величество опустила чашку. – Он – принц Империи. Дитя Солнца и мой сын. Не сводите с него глаз.

– Слушаюсь, – кивнул я и улыбнулся, хотя мысленно представлял себе пытки и прочие ужасы, вне всякого сомнения творившиеся в казематах под этим священным небесным городом.

Я обеспокоенно покосился на слугу-андрогина, стоявшего у античной красной вазы на каменном столике. Андрогин всячески старался прикидываться мебелью, потупив яркие глаза. Вся дворцовая прислуга выглядела одинаково – или почти одинаково. Они были умны, но лишены воображения, верны и покорны. Лица и тела у них были худыми и вытянутыми. Они пугали меня, но в то же время я чувствовал к ним жалость, ведь они родились такими не по своей воле.

Чайный столик императрицы стоял под верхушкой стеклянного купола, нависавшего над Облачными садами. По стеклу и железу тихо скребли темно-зеленые, почти черные листья.

– Не припомню, чтобы у обычного рыцаря было столько поклонников, – сказала она, и я почувствовал, что сейчас меня ждет какой-то вывод или заявление. – Так низко пасть... стать изгоем и вновь подняться... Я имею в виду, вы ведь фактически патриций.

Она произнесла последнее слово таким тоном, как будто патриции были едва выше скота. На меня нашло почти схоластическое забытие, что случалось редко, и я держался невозмутимо. Императрица была продуктом тончайшей генетической настройки во Вселенной, живой иконой. Если бы я показал ее портрет какому-нибудь ахейскому пастуху, он бросился бы на колени, приняв ее за Деметру. Немудрено, что она презрительно относилась ко всем, чья кровь была менее благородна. С чего богине проявлять симпатию к козлу?

– Тем не менее у вас много последователей. Вы настоящий герой.

Она насмеялась надо мной? Как и ее муж-император, она прекрасно управляла мимикой, и на ее лице невозможно было прочесть никаких эмоций.

– Мама! – раздался за моей спиной голос, и, отставив чашку, я обернулся к вошедшему на солнечную веранду юноше.

Он выглядел в точности как я представлял. Мальчик тридцати стандартных лет от роду. Рыжеволосый и зеленоглазый, как его родители, с высокими скулами и широким подбородком. Я ожидал, что одет он будет в имперские белые одежды, но белым был лишь полуплащ, брошенный на левое плечо, а туника и брюки – черные, как у меня.

– Александр! Входи! – Императрица поднялась, шурша юбками. – Познакомься с лордом Марло! Он тебя ждал!

– Надеюсь, не слишком долго, – сказал принц, входя в комнату, и лишь тогда я заметил, что он не один.

За ним следовала девушка, настолько похожая и фигурой, и лицом на императрицу, что я сразу догадался: это одна из ее дочерей.

Я не мог сказать, видел ли принца прежде. Во всех имперских принцах и принцессах доминировал один и тот же архетип, и их невозможно было различить невооруженным глазом. Преклонять колено я не стал. В обычной ситуации протокол этого требовал, ведь я был простым рыцарем и безземельным лордом, а передо мной стояли двое детей императора. Но я также был, по императорскому указу, рыцарем-наставником этого юного принца и потому поприветствовал его кивком и встал по стойке смирно.

– Сэр Адриан Анаксандр Марло к вашим услугам, – сказал я, глядя в стену.

– Да, это вы, – взволнованно улыбнулся принц и вдруг, к моему изумлению, поклонился. – Рад знакомству с вами, сэр Адриан, сэр.

– Ваш отец попросил и потребовал, чтобы я стал вашим наставником, – формально сказал я. – С разрешения вашей царственной матери мы отправимся с Форума в пятнадцать ноль-ноль по стандартному времени. Полагаю, вещи принца уже доставляют на борт моего корабля? – Последний вопрос я адресовал слуге.

– На «Тамерлан»? – спросил Александр. – Отец сказал, что мы летим на Гододин. Я раньше никогда не покидал планету. А вы? Бывали когда-нибудь на Гододине?

Его язык заплетался, и он опустил взгляд.

Я помотал головой:

– Возвращаясь из Вуали, я чаще пользовался старыми центральными путями. Это будет новым приключением для нас обоих.

Юный принц шагнул вперед, вскинув подбородок, и вновь удивил меня. С торжественным выражением он сделал то, чего никогда не делали при мне члены императорской семьи. Он по-крестьянски протянул мне руку. Я был настолько ошеломлен, что машинально пожал ее.

– Я с раннего детства слышал истории о вас, – серьезным тоном произнес принц.

Что я должен был на это ответить? В какой-то мере этот диалог был не менее удивительным, как и встреча с Караксом в тронном зале. Мои губы невольно растянулись в кривой марловской улыбке.

– Надеюсь, вы не во все из них поверили, – сказал я.

Александр коротко усмехнулся и отпустил мою руку.

– О! Я должен вас представить! – Он отступил в сторону. – Сэр Адриан, это моя сестра Селена.

Принцесса протянула мне руку. На тонких белых пальцах не было ни одного кольца, поэтому, взяв ее, я поцеловал собственный большой палец.

– Ваше высочество, – произнес я, поднимая глаза.

Больше мне сказать было нечего. Все потому, что я уже видел Селену Авент. Мне показало ее Братство в темных водах под Воргоссосом. То было видение, оставленное для меня

Тихими. Видение моего будущего – или один из его вариантов. В нем я восседал на Соларианском престоле, а эта принцесса в платье из живых цветов сидела у моих ног. Видел я и другие версии будущего, в котором мы были вместе. И хотя мы раньше ни разу не встречались, я помнил аромат ее духов и волос, вкус ее губ и то, как она двигалась подо мной. Борясь с нахлынувшими воспоминаниями, я опустил глаза, чтобы мое поведение не сочли непристойным. Я еще долго чувствовал ее прикосновение, но, вспомнив о Валке, сжал руку в кулак. Мне не хотелось думать о таком будущем или любом другом, в котором для Валки не находилось места.

– Мой брат высоко ценит вас, сэр рыцарь, – произнесла принцесса голосом, звучавшим словно полузабытая мелодия из отдаленной комнаты. – Нам несказанно повезло, что нас защищают такие, как вы.

Ее улыбка была подобна первому лучу солнца, появившемуся из-за края планеты, и я вновь отвел глаза.

– Это весьма любезно с вашей стороны, ваше высочество.

– Сэр Адриан, мы уже отбываем? – спросил Александр. – Прямо сейчас?

– Таков план.

– Хорошо, хорошо.

Он окинул взглядом веранду, как будто никогда прежде здесь не бывал. Его состояние было мне знакомо. Он боялся сильнее, чем можно было предположить. Боялся того, что мы – пусть путешествие наше однажды и завершится в том же месте, где началось, – никогданастоящему из него не вернемся, ибо станем совсем другими людьми.

Я не мог винить принца. Мне самому довелось пережить подобные метаморфозы. И я улыбнулся:

– Во время путешествия мы будем бодрствовать всего год или два. Постарайтесь провести их с пользой. Не пренебрегайте занятиями.

Принц заметно повеселел, услышав мои слова, а вот императрице не понравился мой фамильярный тон.

– Присматривайте за братом, сэр, – сказала Селена, сложив руки перед собой.

– Непременно, ваше высочество, – с поклоном ответил я. – Будьте уверены.

– Отправляемся? – спросил принц, все еще озираясь по сторонам.

Я сказал, что время не ждет, и позволил юному Александру попрощаться с родными. Он преклонил колено перед матерью, взял ее за руку и поклялся, что вернется. Такая галантность заставила меня улыбнуться. В этот миг он выглядел образцовым имперским принцем. Как мало я знал тогда о ноше, взваленной на его плечи. Он был поздним, сто седьмым ребенком императора. Живой запасной деталью, чьим уделом было провести всю жизнь в Перонском дворце, изучая политику и дипломатию, даже не мечтая при этом сесть на трон, который должны были унаследовать либо кронпринц Аврелиан, либо принцесса Ирена, старшая дочь императора. Высокой коллегией и собственным отцом ему было запрещено жениться и иметь детей, дабы не допустить чрезмерного разрастания императорского рода. Еще давным-давно, когда жизнь палатинов измерялась годами, а не столетиями, кровные войны преподали жестокий урок и оставили шрамы на миллионах планет.

Александру было жизненно необходимо как-то себя проявить. Стать значимой фигурой. Все мужчины таковы. Пока мы чего-то не добьемся – мы ничто. Так было и для юного принца, пускай его и худо-бедно определял статус. Вспомнив молодого Адриана, униженного и презренного отцом, я мысленно посочувствовал юноше.

– Вы отправляетесь один? Без слуг и телохранителей? – уточнил я, спохватившись.

– Разве вашего меча не достаточно, сэр Адриан? – спросила меня императрица, приподняв идеально ровную бровь.

Ее тон напомнил мне интонации Бурбона. «Неужели великий Дьявол Мейдуа не защитит одного маленького мальчика?»

Ледяной взгляд императрицы я встретил твердо, как кремь.

– Не сомневайтесь, ваше величество.

– Не будем, – ответила она с сарказмом и царственным высокомерием.

Не помню, о чем мы еще говорили. Помню, как смущенно улыбалась принцесса, как свысока смотрела императрица. Они были так похожи внешне, но совершенно не похожи по своей сути. А что же мальчик? Мужчина? Его выправка была совсем не воинской, манера держаться – не властной.

Тогда я и подумать не мог, каким он в итоге станет.

Наши тени бежали наперегонки впереди нас, когда мы спускались по ступеням дворцовой лестницы. Моя шинель и его плащ трепыхались на ветру. Марсианские стражники встречали принца воинским приветствием. Я поднял воротник, прикрывая лицо.

Проходя мимо фонтана, принц остановился, и я успел сделать еще три шага, прежде чем это заметил.

Он оперся рукой на край мраморной чаши и сказал:

– Сэр Адриан, я знаю, что отец не оставил вам выбора, но... я благодарен, что вы меня взяли. – Он отвел взгляд. – Я не подведу.

– Хорошо.

Я сложил руки на груди.

Что он видел во мне? Героя Аптукки? Воина, убившего двух сьельсинских вождей? Для него я был не человеком, а персонажем книги. Он смотрел на меня, как будто я был драконом, сошедшим со страниц и обвинившимся вокруг древа Галат.

– Я хочу стать рыцарем, как вы.

– Мы летим не на экскурсию.

Не дожидаясь ответа, я повернулся и пошел дальше, к причалу с шаттлом, который должен был доставить нас на орбиту и на «Тамерлан». Не услышав за спиной шагов, я остановился и обернулся. Принц Александр стоял на том же месте, сжав кулаки. Каким он казался маленьким! Какими узкими были плечи, на которых должна была держаться мантия Империи! После Гододина, спустя столько лет мне непривычно вновь представлять его тем юношей.

После того, как он приговорил меня к казни.

– Вы идете? – окликнул я.

– Я... да! – встрепнулся принц.

– Хорошо, – сказал я, отворачиваясь. – Уходим. – И тут же остановился.

Мое внимание привлекло нечто белое как снег на покрытых мхом камнях. Я наклонился. Это был лепесток Галата, яркий, сверкающий. Должно быть, ветер сорвал его со священной ветви, ведь утверждалось, что цветки древа Галат никогда не опадают сами. Я не суеверен, но когда я взял в руку этот светлый лепесток, по коже пробежали мурашки, как будто я узнал, что Империя пала.

Или звезда.

Глава 5

«Тамерлан»

Под нами сиял розово-золотой Форум, настолько огромный, что заполнял собой половину Вселенной. В боковой иллюминатор я наблюдал за океаном облаков. Вечный Город уже исчез из виду, его высокие башни и сверкающие купола скрылись за эмпиреями. Впереди одинокими свечами во Тьме вспыхивали дюзы. Когда люди представляют себе космос, то нередко рисуют в нем множество кораблей, пролетающих столь близко друг к другу, что экипажи могут перекрикиваться.

Это не так.

В Вечном Городе поговаривали, что вокруг газового гиганта дислоцировано десять Марсианских легионов. Они всегда начеку, а их общая огневая мощь достаточна, чтобы стереть в порошок планету в десять тысяч раз бóльшую. Однако лично я никогда их там не видел. Раз или два я замечал свечение ионных двигателей и вспышки термоядерных ракет, но красно-золотой шар Форума так и висел молча, горделиво среди архипелага своих спутников.

– Вон он! – прижавшись к стеклу, указал я на сияющий в темноте одинокий наконечник стрелы. С такого расстояния он выглядел не больше ногтя, но быстро увеличивался.

– «Тамерлан»? – спросил Александр, вытягивая шею.

– Дом, – ответил я.

Он прищурился и протянул руку, дотронулся пальцами до стекла и развел их, чтобы увеличить изображение. Ничего не изменилось.

– Это просто алюмостекло, – со смехом сказал я. – В пассажирских шаттлах не нужны тактические экраны.

Я откинулся на гладкую спинку кресла, позволив юноше ближе рассмотреть корабль, вот уже несколько десятилетий бывший моим домом.

«Тамерлан».

Линкор класса «Эриэль» был подарен мне императором вместо земельного надела, когда я стал рыцарем и был восстановлен в правах палатина. Он был более двенадцати миль в длину от кончика носа до дюз и напоминал заостренный нож, под которым дугой располагались ионные двигатели и три больших конусообразных термоядерных. Прочная надфюзеляжная броня в свете солнца отливала глянцем, орудия были скрыты за очерченными золотом люками. Ангары, топливные баки и помещения для команды прятались под броней, как перевернутый город из башен или лес, изогнувшийся от бурь. На борту постоянно проживало более пятнадцати тысяч человек, и еще почти семьдесят пять тысяч спали долгим ледяным сном в просторных трюмах.

Сквозь переборку мне не были слышны переговоры пилота, но я предполагал, что она уже получает разрешение на посадку.

– Извините, что так быстро отозвал вас из города, – сказал я двум гоплитам в форме Красного отряда, сидевшим напротив.

– По правде говоря, милорд, я рад поскорее убраться оттуда, – ответил один, поправляя ремни безопасности, и вдруг спохватился, вспомнив, что перед ним императорский потомок. – Ни в коем случае не хотел оскорбить вас, юный господин.

Не сомневаюсь, что его лицо за черным визором залила краска.

– Я ваш принц! – резко парировал Александр.

– Не хотел оскорбить вас, мой принц.

Почувствовав, что дело может принять дурной оборот, я вытянул руку между Александром и гоплитом.

– Ты ведь Баро?

Солдат выпятил грудь:

– Так точно, сэр!

Я узнал облупившуюся картинку с голой женщиной на левой бедренной пластине его брони. Твердых правил на этот счет не существовало, и я просил центурионов не обращать внимания на такие штучки, если дело не касалось парадной формы. Вокруг полного бедра женщины обвивалась змея.

– Александр, Баро никогда раньше не встречал членов императорской семьи. Простите его! Он хороший солдат. – Я опустил руку. – Тебя ведь произвели в декурионы? Кажется, я видел приказ...

– После Аптукки. Благодарю вас, сэр. – Он хлопнул по красной полоске с наружной стороны рукава, обозначающей его звание. – Приятно, что вы вспомнили.

– Ты это заслужил, – сказал я, внимательно наблюдая за Александром.

Снаружи «Тамерлан» все приближался, черный корпус блестел в желтых лучах. У борта по-прежнему висела заправочная станция, рукавом соединенная с топливным резервуаром корабля. Подготовка к отправлению еще не завершилась. В этом не было ничего плохого. Приближаясь, наш шаттл взмыл ввысь, ускоряясь, чтобы лечь на верхнюю орбиту «Тамерлана».

– Это всегда так? – спросил Александр.

Он зажмурился и втянул голову в плечи. Похоже было, что его тошнит. Я же настолько привык к нулевой гравитации, что не чувствовал никакой разницы.

– Привыкнете.

Вскоре мы приземлились в маленьком ангаре на самом верху, прямо под надфюзеляжной пластиной. Меня вдавило в кресло, когда мы оказались под действием супрессионного поля «Тамерлана». Искусственная гравитация накрыла нас, словно мокрое одеяло.

– Тяжело, – процедил принц.

– Здесь притяжение в полтора раза выше стандартного, – ответил я. – Это сделано специально, чтобы сохранять силу и не терять мышечную массу.

Александра это не убедило, и я добавил с искренним сочувствием:

– К этому вы тоже привыкнете.

Вечный Город парил над морем жидкого металла в сердце газового гиганта на высоте, где атмосферное давление было терпимым, а сила притяжения приближена к земной, насколько возможно. Принц жил в условиях, специально созданных для комфорта человека, максимально похожих на те, что были на нашей утраченной и разрушенной родине. Теперь его ждали резкие перемены.

Спустя секунду магнитные швартовочные защелки плотно схватили шаттл и потянули его в ангар. Я услышал шипение пневмоприводов и тихий свист герметизирующих атмосферных перемычек. Дверь шаттла отъехала вперед и вниз, превратившись в трап.

Поднявшись, я протянул Александру руку:

– Добро пожаловать на борт, ваше высочество.

Команда, собравшаяся у трапа, чтобы поприветствовать принца, была разношерстной. Имперские офицеры, наемники, палатины и плебеи, гомункулы и прочие отщепенцы, каких только можно было сыскать в этих краях. Впереди стояла Отавия Корво в черной капитанской форме. Несмотря на незнатное происхождение, эта норманская наемница была настоящей великаншей. Почти семи футов ростом, мускулистая, широкоплечая, с кофейного цвета кожей и вьющимися светлыми волосами, нимбом обрамлявшими голову.

Ее сопровождал старший помощник Бастьен Дюран, в проволочных очках и с привычным обиженным выражением на лице. Рядом с ним был Тор Варро, схоласт-халцентерит в зеленом сюртуке, на котором, как солдатские медали, блестели бронзовые пластины – сerti-

фикуты, подтверждающие всевозможные ученые степени. За ними собрались старшие офицеры. Бандит – Карим Гароне, – теперь произведенный в лейтенанты-коммандеры, начальник службы безопасности корабля. Айлекс, зеленокожая дриада с болотного цвета волосами. Мои мирмидонцы и кутильеры Паллино, Элара и Сиран стояли поодаль. Женщин, как и Паллино, тоже произвели в патриции, и теперь они выглядели молодыми и пышущими здоровьем – даже моложе, чем в день нашей встречи на Эмеше несколько столетий назад. С тех пор как я покинул Делос, минуло уже почти четыреста земных лет, из которых я бодрствовал около сотни.

Еще дальше собрались прочие офицеры, среди них старший медик Луана Окойо, навигатор Адрик Уайт и рулевой Коскинен. Позади всех опирался на тросточку юный Аристид.

Не было только Валки, но и немудрено. Сдался ей этот принц?

– Босс, есть приказ улетать? – лениво взмахнув рукой в знак приветствия, спросил Бандит.

– На Гододин, – бросил я и потряс его руку.

Развернувшись, я пристроился между ним и Корво. Принц следовал за мной по пятам.

– Отавия, Бастьен, Бандит, это принц Александр из дома Авентов. Мой принц, позвольте представить вам капитана Отавию Корво и коммандера Бастьена Дюрана, – указал я на каждого из них. – А это лейтенант-коммандер Карим Гароне.

– Можете звать меня Бандит, ваше... – Он покосился на меня. – Превосходительство?

– Высочество, – поправил я и объяснил принцу: – Он норманец.

Я повел Александра дальше, представляя всех по очереди.

– Принц отправится с нами по велению самого императора! – повысив голос, объявил я.

Звук эхом отразился от высокого потолка, арок и перекрытий, поддерживавших мостки, к которым швартовались шаттлы.

– Будьте с ним обходительны и вежливы. Он наш дорогой гость. – Для убедительности я положил руку Александру на плечо. – Император сказал закалить его. Он будет моим сквайром и будет квартироваться с младшими офицерами.

– Что? – вздрогнув, принц повернулся ко мне. – Вы шутите?

Я ожидал услышать подобное от юного нобиля и заранее подготовился.

– Нет, я абсолютно серьезен.

– Это... несправедливо! Безобразие!

– Несправедливо? – повторил я. – Вы мой сквайр. Сквайр – это младший офицер, поэтому и жить вам с младшими офицерами.

Александр помрачнел и покосился на команду, видимо отчасти понимая, что выставляет себя на посмеище. Несмотря на уверения, что он не подведет, этого я тоже ожидал.

– Но я принц! – заскрежетал зубами его высочество.

– Вы мой сквайр, – спокойно парировал я. – Вы говорили, что хотите быть рыцарем. Вот первый шаг. Кто сказал, что путь будет легким? Или вам хочется всего и сразу?

Уголки рта Александра опустились, и мне почудилось, что я слышу, как в его голове вращаются маленькие золотые шестеренки.

– Пожалуй, нет.

– Обсудим это потом, – кивнул я и обратился к Эларе, которая занимала на «Тамерлане» должность квартирмейстера: – Помогите ему разместиться и проследите, чтобы все его вещи доставили в каюту в сохранности.

Вещи прямо в эту минуту разгружали с шаттла. Три тяжелых композитных ящика, обитые резным темным деревом. На металлическом решетчатом полу, на фоне скромного шаттла и стен ангара они выглядели абсурдно. Казались неуместными, как и их владелец.

Не сводя с них глаз, я сказал:

– Александр, я пришлю за вами, как только мы отправимся. Нам многое предстоит обсудить.

Успокоившись, юноша позволил увести себя за тяжелые ворота к корабельной трамвайной линии. Младшие офицеры отправились следом, оставив меня с Корво, Дюраном, Бандитом и мирмидонцами. Выждав несколько секунд на случай, если мальчишка прибежит обратно, чтобы последнее слово было за ним, я выдохнул и привалился к перилам.

– Земля и император! – выругался я, глядя на грузовой отсек внизу трюма. – А с ним сложнее, чем я ожидал.

– Могло быть и хуже, – заметил Бандит, и по голосу я понял, что он улыбается, – если бы здесь была Валка.

– Не смешно, – ответил я, переводя взгляд на тройку механиков, обслуживавших двумя уровнями ниже другой шаттл.

– Смешнее некуда! – настаивал Бандит.

Я невольно представил, как Валка отвечает принцу оплеуху за неподобающее поведение, и тоже едва не хохотнул. Пожалуй, это и правда было бы смешно.

– Щупленький какой-то щеночек, – низким голосом нарушила молчание Сиран.

– Щеночки все такие, – сказал я, поворачиваясь наконец к офицерам.

Я расстегнул две серебряные пуговицы и скинул шинель и, вспомнив об императрице и императоре Вильгельме, добавил:

– Но видели бы вы волков.

– Думаете, он будет трудиться вместе со всеми? – раздался высокий аристократический голос.

Это было глупо, но на миг я решил, что вернулся Александр. Однако говоривший сидел, прислонившись к стене ангара, тонкими руками обхватив трость и серьезно глядя на нас.

Не услышав от меня ответа, юный Лориан Аристид продолжил:

– Присутствие на борту имперского принца нам на руку.

Тишина продолжалась, пока маленький офицер не понял, что все внимательно его слушают.

– Так каков план? Император скинул на нас лишнего отпрыска и мы попытаемся завоевать его расположение? – Он со знанием дела ухмыльнулся, переводя бледные глаза с меня на Корво и далее.

– Аристид, тебе нехорошо? – спросил я, намекая на его положение на полу.

– Нога подводит, ничего более, – хлопнул он ладонью по предательской конечности.

Лориан Аристид был молод, в два раза моложе меня, но проблем у него было хоть отбавляй. Его отцом был великий герцог Патмоса, а матерью – патрицианка-рыцарь. Незаконно-рожденный, он, будучи сыном палатина, был обречен на страдания. Лориан был интусом, результатом смещения закодированных родительских генов без присмотра Имперской Высокой коллегии. По правилам мать должна была убить его еще до рождения, но Лисандра Аристид отказалась. Она сохранила бедному ребенку жизнь, и Лориан выкарабкался вопреки всем прогнозам. Он был маленьким, не больше пяти футов ростом, и хрупким. Даже в стеганом форменном сюртуке казался фантомом, скелетом, брошенным гнить у стены. Хромал на одну ногу, и порой все его конечности отказывали по неизвестным даже врачам причинам. Мать умоляла его отца подыскать Лориану место при дворе, но великий герцог, боясь скандалов и кривотолков, которые могло вызвать присутствие его сына-уродца, вместо этого отправил юношу в легионы, где тот скитался по канцеляриям, пока не оказался на службе у меня.

Да, Лориан хромал, но его ум был остер как меч, и соображал он в три раза быстрее любого из нас.

– Кто сказал, что нам надо завоевывать его расположение? – спросил я, склонившись над ним.

– Иначе вы бы не стали его отчитывать, – заметил Лориан. – И уж тем более вы бы не стали его расквартировывать. Сунули бы в фугу и не трогали, пока не разобрались со всеми делами на Гододине. – Он хищно ухмыльнулся. – Я прав?

– У тебя точно нога отказала? – спросил я с такой же ухмылкой. – Или ты притворился, чтобы получить слово?

Усмешка Аристиды не померкла.

Смеясь, я перекинул шинель через перила и, сунув пальцы за пояс-щит, пристроился рядом.

– Аристид, тебе следовало пойти в схоласты.

– У моего отца плохо с чувством юмора, – ответил Лориан.

В этом мы были схожи.

– Думаете, он станет сотрудничать? – спросил старший помощник Дюран без обиняков. – Он кажется слишком... – Однако смелости у него было как у писца, и он замолчал.

– Заносчивым? – закончил за него Бандит, потирая острый подбородок. – Непохоже, что он когда-нибудь спустится с небес, чтобы влиться в ряды простых смертных.

На это я не ответил. Культурный шок Александра был мне понятен. Я и сам вырос в замке и прекрасно, как и Лориан, знал, что передающиеся по наследству привилегии – вовсе не привилегии, а клетка.

Александру нужно было повзрослеть.

Я надеялся, что его взросление, ради его же блага, будет отличаться от моего и ему, по крайней мере, не придется, как мне, побираться на задворках Боросево.

Как давно это было! Сколько лет я бегал и прятался в грязных трущобах этого мерзкого города, над которым, словно скипетр небесного судьи, возвышался шпиль замка Матаро, бросаая мне вызов, призывая подняться!

Я поднялся и с тех пор не падал.

– Он справится, – сказал Паллино. – Потренируется со мной несколько недель и сразу станет смысленнее.

– Это не повредит, – одобрил я. – Но он и сам разберется. Он всю жизнь провел на Форуме. Когда окажется далеко от дома, поймет, кто он на самом деле.

– Так бывает со всеми, – согласилась Корво. – Пойду готовиться к отлету.

– А мне пора к Валке! – воскликнул я, чувствуя, что наше импровизированное совещание подходит к концу.

Как подобает профессионалам, Корво с Дюраном покинули нас мгновенно, стуча каблуками по металлу. Сиран подвинулась, чтобы их пропустить, но сразу вернулась на прежнее место.

– Марло, я одного никак в толк не возьму, – произнес Аристид.

Никаких преамбул, никаких «простите, ваша светлость». По правде говоря, это мне в Лориане и нравилось. Он не тратил время попусту.

– Чем нам все это поможет? – спросил он.

– Александр-то? – Я поднял шинель и перекинул ее через руку.

– Не только, – покачал головой молодой офицер. – Вся эта суета при дворе. На Форуме наверняка есть те, кто считает ваши амбиции чрезмерными и задумывается, чего вы на самом деле добиваетесь.

– Аристид, я не слышу вопроса.

– Они могут решить, что вы метите на престол. Например, хотите вступить с принцем в брак.

– Брак с принцем? – опешил от такого поворота Паллино.

Но Лориан был прав. Можно было представить, что логофеты и политики фантазируют о том, как рыцарь-выскачка соблазняет впечатлительного принца, затуманивает ему голову и тот

просит у царственных родителей разрешения на брак. Затем рыцарь становится принцем-консортом и таким образом перепрыгивает сразу несколько ступенек на политической карьерной лестнице.

Лориан поднял костлявую руку и, взглянув на меня бледно-голубыми, почти белыми глазами, сказал:

– Там наверняка рассматривают такой вариант. Они не могут понять, какую игру вы ведете. Мы ведем. Что мы собираемся делать.

Я ответил на хищную улыбку молодого офицера удивленной.

– Нет никакой игры. Мы боремся, чтобы закончить войну. Так... – я взял паузу, и кровь Райне Смайт вновь расплескалась в моей голове, – или иначе. Политика тут вообще ни при чем.

– Ты это им скажи, – буркнул Бандит, глядя вниз через перила.

– Ты прав, – кивнул я Лориану. – Таковы их ожидания. – Я невольно вспомнил принцессу Селену, обнаженную и прекрасную в моем видении, и то, как мы сидели вместе на Соларианском троне. – Но я этого не хочу.

И уж тем более я не хотел никаких интрижек с Александром, пусть такой путь и был удобнее всего, – даже если бы я в самом деле оказался тем, за кого меня принимали имперские аристократы.

– Тогда убедите в этом других, – посоветовал молодой офицер, склонив голову, и положил трость на колени.

Глава 6

Одиночество

Дверь каюты с шипением закрылась за спиной, и некоторое время мне было слышно лишь гудение вентиляционной системы.

Наконец я остался один.

Я положил шинель Полусмертного Адриана Марло в ячейку у двери, а пояс Дьявола Мейдуа повесил на крючок. Наклонившись, расстегнул сапоги сэра Адриана, Викторианского рыцаря, и поставил их в нише под шинелью. То, что осталось от меня после снятия одежды, пересекло прихожую. Внутренние двери, простые, деревянные, открылись от толчка.

Дом.

Мои каюты на «Тамерлане» были больше стандартных. Комната отдыха открытой планировки, с высоким потолком, включала в себя небольшую столовую в правой части и потайной лифт, на котором слуги привозили еду из офицерской кухни четырьмя палубами ниже. За дверьми слева располагался своего рода шлюз, по которому можно было попасть в спальню и отдельную ванную. Короткая лестница вела на верхний этаж, где по кругу стояли шкафы с книгами, микрофильмами и информационными кристаллами. Иллюминаторов не было, однако одну стену полностью покрывал голографический экран, в данный момент демонстрировавший изображение медленно вращающегося под «Тамерланом» газового гиганта. Планетарное свечение отбрасывало на темную мебель и роскошные ковры розовато-золотистые блики. На пристенном столике находилась голова манекена в шлеме мирмидонца. Высоко на стене по правую руку от меня висело золотое знамя с восьмикрылым ангелом – боевой штандарт адмирала Мариуса Вента, убитого мной диктатора Фароса. Мрачный трофей. А черный череп вместо лица у ангела вдвойне заставлял задумываться о смерти.

Здесь были сотни сувениров, напоминавших о моей прежней жизни и о Валке. Керамическая чаша для омовений, подарок Джинан, треснувшая и запаянная серебряным припоем. Рядом на столе – голограмма, на которой мы с Валкой стоим над разломом в Калагахе. Снимал сэр Эломас Редгрейв. С тех пор минуло почти четыреста лет, и сэр Эломас, скорее всего, уже умер. В тот же столик был встроен пульт управления голографическим оборудованием каюты, замаскированный под обычное дерево. Резные цветы служили регуляторами громкости и освещения, а нажатием на стебель или лист можно было вызвать дополнительные панели или включить диктофон. Я часто наговаривал здесь фрагменты текста, что впоследствии стал этой книгой.

– Как там принц? – раздался голос с кресла, пристроившегося на античном ковре в уголке, и я мгновенно забыл обо всем, что меня окружало.

Валка Ондерра Вхад Эдда отложила планшет и встала. Судя по кипе бумаг на коктейльном столике и наполовину скрытой голограмме, она по уши увязла в расшифровке надписей, найденных в руинах Калагаха на Эмеше. За те долгие годы, что мы провели вместе, ей удалось найти определенные закономерности в инопланетных надписях, но даже с помощью встроенного в мозг компьютера она не могла их перевести.

– Нормально. Поныл немного, когда я отправил его жить с младшими офицерами.

Доктор улыбнулась и тонкими пальцами откинула прядь волос с моего лба.

– Ты тоже любил понуть.

Она потянулась и поцеловала меня, потом спросила:

– Ты в порядке?

Я опустил руку и, развернувшись, подошел к застекленному буфету, где хранилось вино. Достал бутылку кандаренского красного и налил в графин.

Четко расставив приоритеты, я повернулся к Валке:

– Устал. Не люблю подолгу находиться в центре внимания.

– Чушь!

– Возможно, – улыбнулся я, несмотря на усталость. – По крайней мере, среди тех людей.

– Anagryosh, – выругалась Валка на родном пантайском. «Варвары».

– Император еще ничего, а вот чертовы министры... – сказал я. – Браанок и Бурбон.

Я снял с пальца кольцо Аранаты и положил его рядом с кольцом из слоновой кости, которое вместо обручального носил на среднем пальце, в умывальник Джинан. Вспомнив о лепестке Галата, я достал его из кармана и опустил туда же.

Мы с Валкой были вместе дольше, чем многие плебеи живут, но она категорически отказывалась выходить за меня замуж. У тавросиан браки давно стали пережитком прошлого. Я убеждал себя, что никакой беды в этом нет, что я сам был палатином, а палатины никогда не женились по любви. Истинные их отношения всегда строились вне брака. Я говорил себе, что мне и так хорошо – или, по крайней мере, терпимо.

Мы постоянно обманываем себя, но крошечная часть нас где-то рядом с сердцем неустанно шепчет: «Ты в это не веришь». Когда я думал о нашей связи, эта часть не умолкала. Лишь присутствие Валки рядом заставляло ее замолчать.

Я немного постоял, держа одну руку в другой, ощупывая искусственные кости, подаренные мне Кхарном. Со дня нашей первой встречи Валка ни капли не состарилась, была такой же бледнокожей, с острыми чертами лица и высокими скулами. Ее красно-черные волосы были небрежно зачесаны назад. Длинная серая рубашка приоткрывала призрачный силуэт бедер. Четкие линии кланового орнамента фракталами сбегали вниз по руке. С тех пор как мы покинули Воргоссос, Валка гораздо больше меня проводила в фуге, и разница в нашем возрасте почти сошла на нет. Она перестала быть умудренной опытом незнакомкой, колдуньей из далекого Тавроса. Она превратилась в обычную живую женщину. Мою женщину.

Между нами не осталось никаких условностей.

– В чем дело? – улыбнулась она.

Раньше она почти никогда не улыбалась.

– Ни в чем, – ответил я, и это было правдой. – Просто я тебя люблю.

– Я тебе верю, – сказала она, отвечая на мои слова улыбкой. – Но с тобой правда все в порядке?

Я вернулся к графину и, не в силах больше терпеть, налил себе бокал и показал хрустальный сосуд Валке, но та помотала головой.

– Все нормально, – сказал я. – Честно. Просто... Императрица спрашивала о тебе.

Валка промолчала. Она давно уже изучила мою манеру рассказывать все по частям и понимала, что я просто собираюсь с мыслями, чтобы выложить то, что меня тревожило.

– Назвала тебя ведьмой.

– То есть ничего нового и необычного, – сказала Валка, желая меня успокоить.

– Но это же сама императрица! – произнес я, обращаясь к своему отражению в кроваво-красном вине. – Я... Они знают, что ты собой представляешь.

Знают, что серое вещество ее мозга пронизано запрещенным компьютерным кружевом. Я запил страх вином. На вкус оно отдавало дымом и перцем.

Я сглотнул.

– Они знают, что я тавросианка, – пожала узкими плечами Валка. – Вы, варвары, убеждены, что мы все напичканы машинами. Но они ничего мне не сделают. К тому же, – она присела на подлокотник дивана, который огибал голографический проектор, – мы покидаем Форум.

– Может, не стоит возвращаться.

– Ты шутишь.

Я сделал еще плоток. Такое утонченное вино не стоило хлебать столь быстро, но мне позарез нужно было выпить. Уснуть, возможно, увидеть сны – как можно дольше. Я подумывал о том, чтобы провести первую часть пути в фуге. Сбежать, отдохнуть, на время перестать существовать, а потом вернуться. Идея была соблазнительной. Поговаривали, что некоторые палатины, старые и уставшие от жизни, специально ложились в крионическую фугу на много лет и даже десятилетий, чтобы таким образом продлить свою и без того невыносимо длинную жизнь. Было принято считать, что они поступали так, потому что хотели пожить подольше; что эти богатеи и могущественные лорды, словно утопающие, цеплялись за соломинку. Но я знал, что все было не так. Эти люди не боялись умереть. Они боялись жить и потому не проживали больше нескольких дней зараз.

– Ты права, – согласился я. – Просто... услышать такое от императрицы... Я за тебя волнуюсь.

– Волнуешься за меня? – удивилась Валка. – Адриан, если твои имперские друзья узнают, что чудеса, которые тебе приписывают, реальны, они мигом забудут обо мне.

Валка видела, как я умер, видела, как князь Араната отрубило мне голову моим собственным мечом. Она видела, как я вернулся, как был послан обратно Тихими по неизвестным мне причинам. Я рассказал ей все: о Ревущей Тьме за границами жизни и смерти, о потоках света, текущих сквозь время, отделяющих то, что было, от того, что может быть.

Я сел рядом с Валкой на подлокотник.

– Сам я не умею творить чудеса. Это все Тихие.

Она положила руку на мое колено и прижалась ко мне. Я предложил ей свой бокал, и в этот раз она согласилась, разом выпив остатки вина. Она протянула мне руку ладонью вверх, и я взял ее, сжав своими искусственными пальцами ее настоящие, плоть к плоти.

– Тебе удалось получить доступ в архивы? – спросила она после мгновения тишины.

– Нет, – буркнул я, принимая бокал обратно. – Думаю, император использует это в качестве объекта для торга. Не знаю почему. Он сказал, что ему решать, чего стоит мое время, или как-то так. Сделал вид, что ничего не знает о моем запросе, и пообещал обсудить его после моего возвращения с этого бессмысленного задания. – Я махнул рукой, как будто выбрасывая что-то. – Извини.

– Эй! – Она сжала пальцы и, подняв мою руку, поцеловала ее. – Ты не виноват.

Я вернулся к бару, чтобы заново наполнить бокал.

– Потом придумаем, как быть дальше, – сказала она.

– Валка, смысл в том, чтобы нам нечего было придумывать. Мы должны провалить миссию, чтобы у императора появился повод убрать любимого народного героя из-под софитов. Или не у самого императора, – покосился я через плечо, – а у его старых шавок вроде Бурбона.

– Бурбон... – поморщилась Валка. – Это тот толстяк?

– Этот толстяк – потомок древних французских королей, которые были изгнаны с Земли после ее захвата мерикани.

– Почему ты его защищаешь?

Наливая второй бокал, я чувствовал, как Валка хмурится.

– Не его, – пояснил я. – Он потомок рода, чьи корни уходят глубоко в Золотой век. Это чего-то да стоит.

Я знал ее ответ до того, как она его высказала. Стоя к ней спиной, я беззвучно прошептал одновременно с ней:

– С чего бы?

– Ты же историк, – повернулся я с улыбкой, поднося к губам бокал. – История важна, разве нет?

– Нет, когда «историей» называют тупого осла.

Валка сделала грубый жест. Моя улыбка не померкла. Валка никогда не встречала министра военных дел Бурбона и знала о нем только с моих слов. Она не жаловала его из-за меня, и я любил ее за это.

– Ты правда считаешь, что нас посылают на верную неудачу? – спросила она и посмотрела на меня так, будто я сам был хрустальным, как бокал.

Никто больше так на меня не смотрел. С тех пор, как я стал рыцарем, – уж точно. А может, вообще никогда.

– Да, – ответил я и в самом деле почувствовал себя хрустальным, когда она обняла меня и прижалась щекой к моей груди.

– Что ж, – сказала Валка, – хорошо, что наша удача или неудача зависит от нас самих.

Глава 7

Пока солнце не закатилось

Яркий и сине-зеленый, как легендарная Земля, Гододин сиял в фальшокне, занимавшем переднюю часть капитанского мостика «Тамерлана». Я стоял один на смотровой площадке, разглядывая планету, на орбиту которой мы только что легли. Над поверхностью тянулись спутанные ленты облаков, белых как снег, а под ними, если не считать отдельных ржавых пятен пустынь, раскинулись цветущие пейзажи, подобные клочкам Эдема, залитого золотым солнцем.

Солнцем, которое я потом уничтожу.

Фальшокно потускнело, чтобы люди могли беспрепятственно насладиться величием планеты. Древние верили, что Утренняя звезда – это драгоценный камень, отвоеванный у повелителя подземного царства великим героем, которого боги в благодарность за это вознесли на небеса, где он остался навеки, держа сокровище высоко над головой. Земная Утренняя звезда была всего-навсего другой планетой, Венерой, но ошибку древних легко было понять. Тогда считалось, что ядра старейших звезд состоят из алмаза, и, возможно, так оно и есть. Не стоит винить предков за заблуждения. А вот я вполне заслуживаю того, чтобы быть повергнутым в подземное царство.

– Капитан, мы получили сигнал с поверхности, – раздался приятный голос лейтенанта Феррин.

– Диспетчерская служба? – спросила капитан Корво.

Я не прервал изучения планеты, лишь прищурился, пытаясь по мере приближения отыскать на орбите спутники и другие корабли.

– Нет, мэм. Форт Дин.

– Выведите на центральную камеру, лейтенант. Адриан!

Я неохотно оторвался от фальшокна. На мне была лучшая дипломатическая одежда: надраенные до блеска черные сапоги с отворотами чуть ниже колен, черные брюки с двойными алыми полосками по швам, стеганный китель с узкими рукавами и высоким воротником, на котором чуть выше сердца красовался мой герб – красный пентакль и трезубец. Поверх я надел ослепительно-белый плащ-лацерну, расшитый алым узором-лабиринтом в тон гербу. Справа на поясе на магнитной защелке висел мой меч, а рядом – плазмомет.

Взглянув на свое отражение в глянцевой черной стене у голографической камеры, я решил, что так и должен выглядеть настоящий Викторианский рыцарь. Камера представляла собой тумбу диаметром в два ярда, примерно по пояс высотой. Располагалась она в центре мостика рядом с капитанским креслом. Я перешел узкие мостки от смотровой площадки к капитанскому посту, возвышавшемуся над постами и пультами других офицеров.

Когда я подошел, над тумбой вместо схемы каркаса «Тамерлана» материализовался мужской силуэт. Он был спиной ко мне, но по прямой офицерской осанке и серебряным галунам на плече я понял, что человек этот важный.

– Капитан Корво, надо полагать? – спросил он резко, но не грубо. – Сэр Амальрик Осман, рыцарь-кастелян Форты Дин. Позвольте мне первым поприветствовать Красный отряд в системе Гододин.

Норманка Отавия Корво до сих пор не привыкла к имперской помпезности и расшаркиваниям. По лицу было заметно, что ее это забавляет.

– Благодарю вас, сэр Амальрик, – ответила она. – Я Отавия Корво, капитан «Тамерлана», прибыла сюда по приказу императора.

– Лорд Марло с вами? – спросил Осман, рассеянно оглядываясь вокруг.

Датчики захвата проекции давали ограниченный обзор, и в его поле зрения был лишь небольшой участок мостика рядом с Корво. Меня он не видел. Я жестом просигнализировал Отавии потянуть время. Мне хотелось оценить этого человека. Я рассмотрел его квадратное простое лицо и лысую голову. Осман, как мне показалось, был из тех простых легионеров, которых производили в офицеры и патриции за долгую верную службу. Некогда такие люди были в легионах редкостью, но за семьсот лет войны потомственных аристократов на службе поубавилось, и повышение за заслуги стало нормой.

Я сложил руки и слушал дальше.

– Он скоро подойдет, рыцарь-кастелян, – сказала Корво, косясь на меня.

Осман оправил мундир, словно рекрут на первом смотре. Мне было непривычно столь серьезное отношение. По правде говоря, я до сих пор отчасти ощущал себя тем же мальчиком, каким был на Эмеше. На Делосе. Точно не тем, с кем боялись встречаться кастеляны.

– Хорошо. Я сильно удивился, когда узнал, что император послал его. Мы вообще викторианцев не ждали, а тут сам Полусмертный... Скажите, капитан, это правда, что о нем рассказывают? Его нельзя убить?

– У него и спросите, – с усмешкой в янтарных глазах ответила капитан, глядя на меня сквозь голограмму.

– Замечательно! – немного глупо, а может, просто оторопело воскликнул Осман. – Жду не дожусь встречи с ним.

– Больше ждать не придется, сэр, – сказал я, по-прежнему оставаясь невидимым.

– Лорд Марло, сэр! – Осман отдал честь и встал по стойке смирно, когда я появился в поле его зрения.

Отавия уступила мне место.

Я ответил кастеляну коротким, но вежливым поклоном, таким образом давая понять, что был лордом и рыцарем Империи, а не простым солдатом. Я часто поступал так, приветствуя офицеров с аристократической учтивостью, как подобает лорду, а простых солдат – по-солдатски. Таким образом я производил впечатление на командиров, а солдаты считали меня своим в доску.

– Рад встрече с вами, – сказал я.

– Рад встрече! – повторил Осман и вновь представился, затем оглядел меня с головы до ног. – А вы моложе, чем я ожидал.

Я понимал, какое впечатление производят на возвышенного плебея мои длинные черные волосы и гладкая кожа. Я выглядел не намного старше принца Александра, которому было всего тридцать. Обычно это шло во вред моей репутации, поэтому я всегда старался сначала говорить, а уже потом показываться собеседнику. Голос у меня был хорошо поставлен – спасибо моим учителям.

– Внешность обманчива, кастелян, – заметил я. – Надо полагать, у вас есть новости о нашей цели?

Мы добирались до Гододина двенадцать лет. Достаточно времени, чтобы аварийный передатчик достиг ретранслятора в глубоком космосе.

– О конвое? Пока никаких, ваша светлость. Мы отправили «Легендию» и небольшой эскорт по их последнему известному курсу, но телеграф пока молчит.

– Ясно, – ответил я, стараясь скрыть раздражение.

– Я распорядился предоставить вам посадочную площадку в Форте Дин. С вашего позволения, милорд, я направлю вам координаты и процедуру посадки.

– Весьма любезно с вашей стороны, но совершенно не обязательно, – ответил я. – Если не возражаете, я предпочел бы сесть на городском космодроме. Я люблю смотреть достопримечательности тех мест, куда прилетаю. Если не трудно, пришлите за нами водителя.

Осман удивленно моргнул, и я понадеялся, что он не обиделся.

– Конечно, милорд. Сию минуту.

Катрает был основан уже после первой волны колонизации, и в нем не было уродливых сборных домов, созданных консорциумом для быстрого заселения. Все здания строители возвели из белого камня, добытого в горах, под крайним пиком которых и примостился город. Он возвышался над кажущейся бесконечной равниной, прозванной местными Зеленым морем.

Вдали из плоской земли торчали огромные скалы, напоминая острова и разрывая ровный горизонт под небом цвета яичной скорлупы.

Когда мы приземлились, было раннее утро и звезды только начинали прятаться за розовым рассветом. Выйдя из здания вокзала, мы увидели, что на стоянке нас уже поджидают три грунтомобиля без опознавательных знаков. Стюарды забрали багаж и погрузили с помощью нескольких наших телохранителей-гоплитов.

– Какой чистый воздух! – воскликнула Валка, поправляя растрепанные порывом ветра волосы.

– Пахнет совсем иначе, – осматриваясь вокруг, заметил Александр.

До меня вдруг дошло, что обитавший среди облаков принц в своей жизни почти не видел земли и даже скромный по размерам космодром казался ему большим.

– Мальчик, это настоящая земля! – воскликнул Бандит.

Два года бодрствования за время двенадцатилетнего перелета даже не поцарапали краску на имперской гордости Александра, и мой сквайр заметно напрягся, когда норманец назвал его мальчиком.

– Ах, совсем недавно был дождь! Чувствуете? – Бандит набрал полную грудь воздуха. – Все, что нужно, чтобы после полета вновь ощутить себя человеком. – Он хлопнул по плечу Паллино и воскликнул уже на своем родном джаддианском: – Rayissima! – «Красота!»

Он был прав.

Бастьен Дюран с Тором Варро молчали. Первый постоянно проверял свой терминал, не прекращая переписываться с «Тамерланом», второй просто стоял, закрыв глаза. Мне показалось, он что-то напевает себе под нос, и беспокоить его я не стал.

Вскоре мы отправились в путь. Снаружи светлело, мимо проносились белые улицы. Машин на дороге было мало – встававшие рано крестьяне перемещались пешком или на трамваях. Рельсы тянулись почти вдоль каждой улицы. Пару раз над нами промелькнули флаеры. Старик в белом фартуке подметал крыльцо старомодной пекарни. Чуть поодаль женщина расставляла снаружи небольшой книжной лавки дешевые книги в мягких обложках. Пока мы карабкались на холм к возвышавшемуся над городом белокаменному Форту Дин, я оглянулся на космодром. Стартовые площадки напоминали поры на лице великана. Я заметил и огромные зернохранилища, и перерабатывающие заводы, которые наглядно иллюстрировали Гододина.

Расположение планеты между рукавами Стрельца и Центавра делало ее важным перевалочным пунктом для путешественников и торговцев, но ведущей отраслью экономики Гододина было сельское хозяйство. Древние баснописцы зачастую верили, представляя межзвездную торговлю будущего, что корабли можно будет доверху загружать провизией и, скажем, овощи из Маринуса доставлять замороженными в Джадд и наоборот. Несомненно, некоторые особо редкие товары так и отправляют, но баснописцы ошиблись в главном: ни одна планета не смогла стать кормилицей нескольких других. Слишком много времени занимают подобные путешествия. Заплатив круглую сумму, можно перевезти вино, алкоголь и даже чай. В фугах транспортируют домашний скот ценных пород. Но каждая планета так или иначе должна сама заботиться о том, чтобы прокормить себя.

С одним, но весомым исключением.

Зеленое море представляло собой не луга, а сотни квадратных миль полей, где легионы выращивали бромос, генетически модифицированный злак, который не давал миллиар-

дам солдат загнуться с голоду еще со времен Бонифация Самозванца. Бромос был основным источником белка. Указав на зернохранилища и поля, в которых медленно двигалась уборочная техника, я просветил на эту тему Александра.

– Надо бы где-нибудь поесть, – хмуро заметил Паллино. – В форте, кроме сухпайка, ничего не дадут.

– Разве мы не собирались остановиться в консульстве? – спросил принц. – Я слышал, что генерал-губернатор – дальний родственник императора. Николай или как-то так.

– Сначала посмотрим на форт, – ответил я.

Возведенный на отроге горы, Форт Дин возвышался над городом. Он был из того же материала, что и все здания, но отличался простой, характерной для военных построек архитектурой: никаких колонн и арок, только голый камень и бетонные блоки. Крепостная стена служила скорее для красоты, нежели для защиты от захватчиков. Осады, столь обычные в Золотой век Земли, не практиковались со времен изобретения высоковзрывчатых веществ. Цитадель выглядела строго и чисто. Центральный шпиль был из стали и стекла и сиял, словно перламутр с кровавым отливом в лучах утренней зари. Он напоминал копье, дерзко нацеленное прямо на солнце.

Ворота охраняли легионеры в красно-белых доспехах и безликих шлемах. Они пропустили нас внутрь. Наш маленький караван остановился у ступеней цитадели. По обе стороны лестницы выстроились пятьдесят солдат при полном параде. Наверху ждал сэр Амальрик в сопровождении оруженосца и нескольких помощников.

– Приехали, – сказал я Валке, и она убрала руку с моего колена.

Носильщик открыл нам. Дверь откинулась вверх, словно створка раковины моллюска, и я шагнул на бетонированную дорожку. Полы моего плаща тут же подхватил свежий ветер.

Между нашей машиной и сэром Амальриком было, наверное, шагов сто, и я направился к нему. Мне было бы спокойнее, если бы Валка шла рядом со мной, но она предпочитала держаться в стороне во время официальных церемоний. Она не была гражданкой Империи и не хотела, чтобы ее таковой считали. Где-то высоко на стене затрубил корницен, и я подумал, что, возможно, стоило привезти своего, чтобы ответить. Но так было лучше. Я не хотел преувеличивать собственную важность с помощью показной помпезности. Напротив, скромное прибытие давало всем понять, что мне не нужно ничего преувеличивать.

Я оказался прав. Не прошел я и двадцати шагов, как небо вспыхнуло и прояснилось, как днем, и я изумленно замер, устремив взгляд ввысь. Я не сразу вспомнил, что на орбите Гододина была установлена линза, усиливающая мощь солнечного света. Я заметил над горизонтом этот сияющий шестиугольник с тремя едва различимыми в ореоле крыльями. Мне пришлось поспешно замаскировать удивление – слабость – жестом. Сложив большой и указательный пальцы, я дотронулся до лба, губ и груди, изобразив символ солнца. Выставив три других пальца, я поднял солнечный диск к небу, вознося ему хвалу.

Корницен протрубил снова.

По какому вселенскому плану это искусственное солнце засияло в тот миг, когда я ступил на Гододин? Какая ирония была в том, что этот свет отметил прибытие Пожирателя Солнца на планету, которую он впоследствии погубил? Тогда я улыбнулся, а сейчас плачу, записывая это. Я дышал воздухом, который делили со мной два миллиарда мужчин и женщин. Воздухом, который я иссушил. Мужчин и женщин смыло огненной волной. А тогда они приветствовали меня одобрительными возгласами и звуком серебряных труб.

– Лорд Марло, добро пожаловать на Гододин, – произнес сэр Амальрик, преклоняя колено, хотя этикет требовал от кастеляна лишь поклониться.

– Мы рады быть здесь, – ответил я, не протягивая руку с кольцом для поцелуя, как ожидал кастелян.

Кольцо Аранаты не было печаткой лорда, а перстень, изготовленный на замену тому, что я выбросил на Эмеше, я не носил. Несмотря на то что император вновь сделал меня легитимным палатином и пэром, а также главой нового, обособленного дома Марло, я не чувствовал себя истинным лордом.

– Прошу, встаньте, – сказал я.

Осман послушался.

– Позвольте представить вам мою спутницу. Доктор Валка Ондерра Вхад Эдда, научный советник Красного отряда. – Я повернулся, позволяя Осману поцеловать Валке руку. – А это Тор Варро. И, – я отошел в сторону, пропуская принца, – мой сквайр Александр.

Я намеренно не назвал его полным именем. Держать происхождение Александра в секрете не было необходимости, но для блага юноши лучше было не бросаться им перед каждым встречным.

– Очень приятно встретить вас всех, – сказал сэр Амальрик, отдавая честь моему сквайру и бегло осматривая телохранителей. Проведя рукой по лысине, он спросил: – Хотите, чтобы вас сначала проводили в комнаты и накормили?

Я помотал головой.

– Мы достаточно отдохнули на корабле. Если ваши люди отнесут багаж, мы сможем прямо сейчас перейти к делу.

Глава 8

Призрачное зло

Я уже плохо помню ту комнату, но мне это и не нужно, чтобы сказать, что она была унылой: серые стены, темный ковер, дешевая утилитарная мебель, стулья на колесиках. Мне не нужно помнить запотевшие графины с водой, чтобы быть твердо уверенным, что они там были, или лицо младшего офицера, чтобы знать, что он стоял в углу, готовый заново наполнить стаканы своих начальников. Я видел тысячи таких комнат на тысячах планет – все они одинаковы.

Зато я помню белые улицы Катраета, фонтаны и ярко раскрашенные двери магазинов и домов. Улицы тянулись к границе нагорья и сбегали вниз по склонам, туда, где Зеленое море шелестело у подножия гор. С высоты я мог видеть на много миль вперед, пока изгиб планеты не скрывал от глаз то, что было за горизонтом.

– Лорд Марло?

Я моргнул, возвращаясь мыслями к комнате и людям в ней.

– Да-да, продолжайте.

– Конвой, отправленный на Немаванд, состоял из пяти кораблей: «Отважный», «Старый железный король», «Длань императора», «Красный защитник» и «Беспощадный». С «Защитника» и «Длани» никаких сообщений не поступало, а вот три остальных успели послать сигналы бедствия, прежде чем связь прервалась. Никаких подробностей, что позволяет полагать, что враг первым делом уничтожил их передатчики, – рассказывала худая плебейка в черной форме с серебряным жетоном аналитика данных на рукаве. – Все три сигнала были приняты ретранслятором инфосферы вот здесь. – Она указала точку на звездной карте, спроецированной над столом.

– И где это? В пятидесяти световых годах от станции «Дион»? – спросил Дюран, снимая декоративные очки, чтобы лучше рассмотреть голограмму. – Вы сказали, что получили сигнал три года назад. Это... – задумался он, в уме высчитывая, какую территорию космического пространства нам придется обыскать.

Он мог не напрягаться.

– Это значит, что нам нужно обследовать от трех тысяч пятидесяти трех до двадцати четырех тысяч четырехсот двадцати девяти кубических световых лет космического пространства, – быстро заключил Тор Варро, напомнив мне, что арифметика была лишь побочным увлечением схоластов.

Варро взял время, за которое сигнал дошел до спутника-ретранслятора, перевел его в световые годы и умножил надвое, потому что пропавшая эскадра исчезла приблизительно в девяти световых годах от передатчика. Он также принял в расчет потенциальное смещение с курса, предполагая, что на корабли напали в варпе. На деле истинная цифра должна была оказаться ближе к меньшей из названных им. Вероятнее всего, конвой пропал в пределах небольшой сферы на расстоянии в девять световых лет от передатчика.

Но и это заставило меня пасть духом.

Территория все равно была огромной, и мы могли прочесывать ее десятки лет, не находя ничего, кроме остаточных газов и залетных астероидов. Все равно что с завязанными глазами и в рукавицах искать уголек в ведре чернил, вычерпывая их решетом размером с наперсток.

– Говорите, вы посылали разведчиков? – взял слово Варро, кладя руку на стол.

– Я посылал, – ответил серьезный темноглазый патриций с шапкой кудрявых волос, которого Осман представил как commodора Махендру Веруса, капитана «Минтаки». – Отправил на разведку курьерский корабль. Он должен вернуться в течение года.

Курьерские были маленькими, но с увеличенным варп-двигателем. Как «Скьявона», корабль, на котором Бассандер Лин прибыл за нами на Воргоссос, они перемещались существенно быстрее обычных военных судов.

– Значит, пока никаких новостей, – задумчиво произнес халцтерит.

Варро был эталонным представителем своего ордена и профессии. Острыми чертами лица и бегающими глазками он мог напомнить кому-то лукавого сатира, но на самом деле был спокойным и непоколебимым, как камень. Мне доводилось видеть, как он читал боевые сводки и помогал врачам в операционной с отрешенной четкостью робота. Распространено заблуждение – которое не обошло и меня при написании этих заметок, – что схоласты бесчувственны. Это не так. Они лишь стремятся упорядочить свои чувства, разложить их по полочкам и раскрыть все возможности удивительно гибкого, многозадачного человеческого разума, который при должной тренировке может работать не хуже запрещенных святым законом Капеллы демонов.

Варро был идеальным примером этого. Слово «беспристрастный» не до конца его характеризовало. К тому же сейчас он находился в своей стихии.

– Что-нибудь еще?

Худощавый аналитик откашлялась и сказала:

– Почти ничего. Телеметрия указывает, что на них напали, когда они двигались на предельной варповой скорости, а временные засечки свидетельствуют, что между первым сигналом бедствия с «Беспощадного» и последним со «Старого железного короля» прошло не более сорока минут.

– На предельной варповой? – переспросил Дюран, все еще держа очки в руке – признак того, что педантичный офицер был весь внимание.

– Должно быть, они, кем бы они ни были, воспользовались гравитационной сетью, – предположил сэр Амальрик.

– Или магнитным гарпуном, если знали, куда целиться, – выдвинул свою версию Верус.

– И что же это было? – адресовал я вопрос аналитику, побелевшими пальцами вцепившейся в пульт.

Нервничала? Она была еще юна, а юность и нервозность – почти синонимы.

– Нет, милорд, – ответила она, покосившись на Османа. – Сигналы были обрывочными. Это означает, что передатчики на каждом судне были выведены из строя прежде, чем смогли послать что-либо, помимо первичного импульса.

– Если не ошибаюсь, – заметила стоявшая рядом со мной Валка, – то гарпун способен оборвать связь корабля?

– Да, мэм, – ответил Осман.

– Если это действительно был гарпун, – произнес Тор Варро, – то нападавшими с большой вероятностью были экстрасоларианцы.

– Почему вы так решили, советник? – встряла одна из младших офицеров Форты Дин.

Варро с прищуром посмотрел на женщину и ответил с привычным настораживающим спокойствием:

– Рассчитать силу, требуемую для точного и своевременного пуска магнитного импульса в цель, движущуюся на сверхсветовой скорости, способен только искусственный интеллект. Имеющиеся у нас данные о съельсинах не позволяют полагать, что у них есть такие технологические возможности.

Экстрасоларианцы. Внутри меня все перевернулось.

К тому времени я сражался со съельсинами добрый десяток раз. На Эмеше, на «Демидурге», на Целле, Тагуре, Аптукке... видел, на что они способны. Города сжигали, людей кромсали и ели сырыми, головы насаживали на копья, над телами глумились. Я помнил, как одну женщину препарировали и прибили к шесту, после чего командир и чакты со смехом поднял

его, как боевое знамя, посылая свои отряды в атаку. Помнил, как скахари князя Аранаты разорвали на куски Райне Смайт и старого сэра Вильгельма Кроссфлейна. Сьельсины были воплощением зла, но они пылали огнем.

Лед был куда коварнее и опаснее.

Я вспомнил Сад Всего Сущего и дельцов со станции «Март», торговавших плотью на вес, разливавших по бутылкам сны и заменявших живые конечности механическими. Перед моими глазами встали дети-клоны Кхарна Сагары, спящие в амниотических мешках в подземельях Воргоссоса. Я как наяву услышал жуткие стишки отца Калверта. Вспомнил я и холодную комнату под горой на Эринии, где мертвецы были подключены к машине, которая извлекала разум, и армию управляемых компьютером людей, бросившихся на нас в атаку с вершины. Сьельсины были ужасны, но просыпаться среди ночи в холодном поту меня заставляли кошмарные сны об экстрасоларианцах.

– Такая манера нападения действительно свойственна экстрасоларианцам, – согласился Верус и откинулся в кресле. – Известно, что они промышляют на крупных торговых путях.

– Лорд Марло, – постучал по столу кулаком сэр Амальрик для привлечения внимания, – я читал ваш доклад...

В этом я сомневался. Скорее всего, Осману предоставили официальную версию, вычищенную и выскобленную имперской разведкой.

– По-вашему, это может быть Воргоссос? – Осман заметно робел, и я его понимал.

Я и сам считал Воргоссос лишь сказкой, чем-то вроде мифической Атлантиды, Лемурии или затерянного Сарнатха.

– Нет, – ответил я и добавил, придерживаясь официальной легенды: – Воргоссос был уничтожен.

Я держался бесстрастно, как и Тор Варро, пользуясь плодами схоластических тренировок.

– Об этом я тоже читал, – сказал Амальрик, но по его глазам я понял, что он не хуже меня знал о неполноте официальных данных.

Неужели я его недооценил? Его сомнения были вполне обоснованны. В отчете сообщалось, что после капитуляции войск князя Аранаты Первый стратиг Тит Хауптманн направил весь флот на Воргоссос и уничтожил его. Сбил планету с орбиты, и она раскололась о кольцо астероидов и космической пыли вокруг своего мертвого солнца. Но я знал, что это было не так. Хауптманн действительно направился к Воргоссосу, но, прибыв к его зловещим берегам, не обнаружил планеты на месте.

Она бесследно исчезла.

«Воргоссос выживет», – поклялся мне Кхарн Сагара при нашей последней встрече. Точнее, поклялись, ведь теперь их было двое. У меня не было причин сомневаться. Что за сила способна переместить целую планету? Бассандер Лин рассказывал, что солдаты были напрочь сбиты с толку и перепуганы. Коричневый карлик остался один в межзвездной Тьме. Планеты рядом с ним больше не было.

Кхарн Сагара не солгал.

Они выжили.

Осман дожидался ответа.

– Даже если кто-то с Воргоссоса и спасся, они в тысячах световых лет отсюда. Экстрасоларианцы разделены на множество группировок, у Возвышенных сотни кораблей, колоний, городов-станций, – ответил я, качая головой. – Это мог быть кто угодно из них.

– А могли быть и сьельсины, – резонно заметила Валка.

– Могли, – согласился Варро.

Его бегающие глазки встретились с моими. Я знал, о чем он думал и о чем не мог рассказать местным. Сьельсины и экстрасоларианцы способны действовать сообща. На Эринии мы

обнаружили признаки альянса между экстрасоларианцами и Бледными. Порочный союз сельсинов и машин. Я убил одно такое существо, незавершенный гибрид, брошенный в резервуаре. Его мозг был не до конца подключен к машине, которую для него построили.

– Но выяснить это нам не под силу, – сказал Варро.

– В последнем докладе центральной разведки сообщается, что этот их новый князь – тот, что напал на Гермонассу, – предпочитает атаковать военные объекты, – заметил Осман.

– Сириани Дораяика, – тяжело выдохнул, почти вздохнул я.

Как давно я не произносил этого имени! Наверное, с тех пор, как мы покинули Форум. Имя зловеще повисло в воздухе, как фимиам, как дым. Его привкус был знакомым, словно имя старого приятеля. Слышал ли я его до Гермонассы? Может, Танаран или Уванари упоминали этого вождя?

Я решил не слишком об этом задумываться и продолжил:

– Сельсины сообразили, что не могут воевать с нами теми же методами, что между собой. Думаю, они сжигают наши колонии потому, что привыкли полностью уничтожать флотилии своих соперников. Для них это не просто корабли, а еще и дома. Города. Они все ставят на кон и не могут позволить себе оставить хоть кого-нибудь в живых. Этот Дораяика, видимо, понял, что уничтожение планет целиком – пустая трата времени и ресурсов. – Я сложил ладони домиком, оглядывая собравшихся за длинным столом мужчин и женщин. – Скажу вам по секрету, леди и джентльмены. Император и разведка считают, что война меняется, что этот Дораяика – первый из нового поколения враждующих с Империей сельсинских князей и что впереди нас ждут тяжелые времена. – Я взял паузу и покосился на примостившегося в углу и не подающего голос, как было указано, Александра. – Я с ними согласен.

Осман и Верус разом побледнели, другие ошеломленно вытаращились на меня.

– Но, – продолжил я, – нет причин подозревать, что за этим нападением стоит Дораяика, хотя и исключать этого тоже нельзя. В данный момент мы не можем признать виновным ни князя, ни экстрасоларианцев, ни какую-либо другую организацию. Но мы потеряли людей. Людей, найти которых меня попросил его величество. Необходимо проработать эффективный план поиска. Пока его не будет, любые версии – гадание на кофейной гуще.

– Все верно. Демагогия, – ворчливо согласился Бастьен Дюран и, водрузив очки на широкий нос, обратился к Верусу: – Сэр, вы можете сказать, когда разведчики доберутся до места?

Капитан нахмурился и сверился с терминалом, вызвав на черную столешницу голографическую стопку бумаг.

– Не раньше чем через два месяца, – ответил он, пролистав их.

– А потом понадобится еще несколько лет, чтобы прозондировать этот участок, – указал на проекцию Варро.

Он имел в виду крошечные зонды, которые были настолько малы, что с помощью импульса корабельного лазера ими можно было выстреливать со скоростью, близкой к световой.

Валка забарабанила ногтями по столу, привлекая к себе внимание и не давая схоласту пуститься в пространные размышления.

– Чтобы просто долететь туда, понадобится почти столько же времени. Можем запускать зонды по пути.

Я представил, как зонды разлетаются, словно пыльца растений поутру, и медленно, в течение десятилетий дрейфуют к границам сферы.

– Да... – произнес я, хрустя пальцами.

С помощью зондов можно было экономить время.

– Вы уже отправляетесь? – спросил Осман, вытягиваясь вперед. – Вы же только прилетели! Мы еще не оставили попытки восстановить поврежденные данные с переда...

Я жестом призвал к тишине, и его доводы мгновенно оборвались. Злоупотребление статусом и полномочиями было мне не по нутру, но возможность одним жестом затыкать людей вроде Османа меня радовала.

– Еще нет, кастелян. Не волнуйтесь. У нас есть два месяца, пока ваши разведчики придут и начнут процесс. Учитывая масштабы задачи, лишние два месяца погоды не сделают. К тому же у наших с вами людей появится возможность поработать вместе. Думаю, от нас будет польза.

Глава 9

«Когорта Дьявола»

– Могло быть и хуже, – заметила Валка. – Сигнал бедствия вообще могли не отправить. Она сидела на широком подоконнике, подтянув одну ногу к груди и прижавшись головой к стеклу.

– Может, разведчики еще что-нибудь найдут, – бросил Паллино от двери.

Вся наша команда собралась в многокомнатном помещении, освобожденном для нас подчиненными сэра Амальрика. Апартаменты были скучными, с низкими потолками, но довольно просторными. Была здесь и большая гостиная, и спальня с полноценной ванной комнатой – удивительная роскошь для военной базы, – и широкий балкон, выходящий на Катрает. Не считая пары зеркал, единственным украшением серых стен был план эвакуации Форты Дин в случае нападения.

Как большинство имперских фортификаций, Форт Дин был возведен над похожим на улей комплексом бункеров, занимавшим многомилльное пространство под горой. Бункеры были способны выдержать орбитальную бомбардировку и длительные осады в случае войны между домами или взбунтовавшимися лордами. Их оснастили первоклассной системой жизнеобеспечения, гидропоническим оборудованием и хранилищами бромоса. Благодаря этому персонал мог оставаться здесь месяцами и даже годами.

– Если восстановить поврежденные файлы, полученные с ретранслятора, тоже можно что-нибудь выяснить, – добавил Дюран, возясь с терминалом.

У меня сложилось впечатление, что он не любит покидать корабль. Дюран был прирожденным космоплателем и почти всю жизнь провел на кораблях. Быть может, его пугало открытое небо?

– А не послать ли за Айлекс и другими спецами по обработке данных? – предложил Бандит, усевшийся у окна рядом с Валкой.

– Уже соскучился? – поддразнила норманоджаддианца Валка и потыкала пальцем ноги. – И дня не прошло.

Бандит почесал затылок, отвернулся от окна и смущенно покосился на остальных:

– Просто предлагаю.

– Вы с этим гомункулом?.. – скривился от отвращения Александр.

К моему горлу подкатил гневный ком, но Бандит меня опередил:

– Ее зовут Айлекс, ваше высочество.

Видя, как морщится принц, я сменил гнев на жалость. Александру, как в свое время другому хорошо известному мне юноше, предстояло от многого отучиться. Когда-то, только покинув отцовский замок, я таким же тоном задавал такой же вопрос.

Гомункулы не были целиком и полностью людьми. В частности, в геноме Айлекс было столько же от водорослей и осин, сколько от человека. Однако и я не был человеком на все сто процентов. Как любого палатина, включая принца Александра, меня вырастили в инкубаторе по плану создания идеального человека, разработанного наталистами Высокой коллегии.

Но вместо идеального человека получился я. Да, я унаследовал долгую жизнь и другие неоспоримые преимущества, но недостатки у меня тоже были. Я мог иметь детей только под надзором Высокой коллегии – если, конечно, не хотел, чтобы у меня родился уродец-интус вроде несчастного Лориана.

– Она не гомункул. Она дриада, – добавила Валка.

– Это разновидность гомункула! – парировал Александр.

– Хватит! – рявкнул я, поднимая руку, как на совещании. – Я подумаю, стоит ли ее приглашать. Нужно дать местным возможность проявить себя. Отнимать у них работу сразу по прилете не годится.

– Ясно, босс, – ответил Бандит, не сводя глаз с принца. – Просто мысли вслух.

– Дадим им неделю-другую, прежде чем брать дело в свои руки, – сказал я, опускаясь в серое кресло, которое предусмотрительно оставили для меня.

– Мы что, в самом деле останемся здесь на два месяца? – возмутился Паллино.

– Есть предложение лучше?

– А то! – хлопнул себя по коленям старый солдат. – Полететь и навалить им как следует.

– Навалить? – переспросила Валка, отворачиваясь от окна. – Пал, их уже и след простыл. Разведчики почти наверняка ничего не найдут.

– Мы не можем этого утверждать, доктор Ондерра, – сказал Тор Варро. – Не забывайте, это не первый конвой, исчезнувший на пути отсюда к станции «Дион».

После этого замечания мы все ненадолго замолкли, но я по-прежнему чувствовал закипающую между Бандитом и Александром враждебность. Мне предстояло с этим разобраться.

– Надо связаться с Корво, – предложил Дюран. – Передать новости.

Мы согласились с тем, что это хорошая мысль, и я отсоединил наручный терминал, положив его на журнальный столик у кресла.

– Бандит, окна, – сказал я.

Валка освободила место, чтобы ликтор задернул унылые шторы. Над терминалом сформировалась коническая проекция, призрачно-белая в неожиданно наступившем мраке. Под тихий перезвон в воздухе закрутился Уроборос, и спустя мгновение перед нами предстала подобная амазонке фигура Отавии Корво. Капитан сидела за столом в дежурной комнате «Тамерлана», одетая в тренировочный костюм без рукава. К моему удивлению, она была не одна. Рядом с ней находились Элара и юный Лориан. Судя по всему, мы застали их за каким-то обсуждением.

– Перезвонить позже? – спросил я, подзывая к себе остальных.

– Закончили совещание? – спросила в ответ Корво.

– Закончили, – кивнул я и пересказал его содержание.

– Два месяца? – произнесла капитан, выслушав меня. – Не так уж плохо. Большой разницы не будет; может, хоть не наобум лететь придется.

– И для команды будет хорошо побывать на земле, – добавила обычно молчаливая Элара.

– Особенно здесь, – согласился я.

На Форуме я не позволял экипажу покидать корабль. Лучше было держать «когарту дьявола» – так нобили прозвали мой Красный отряд – подальше от высшего общества. Мне совершенно не хотелось, чтобы удивительные истории о Полусмертном распространились по Вечному Городу, тем более из уст моих же солдат. Здесь было иначе. Несмотря на расположение на крупном торговом пути, Гододин был удаленной колонией, используемой не связанными с легионами путешественниками только в качестве заправочного пункта. И хотя здешние города посещало немало чужаков, отпустить экипаж погулять на неделю-другую можно было без вреда.

– У местных будет достаточно времени, чтобы разобраться с тревожными сигналами и понять, удастся ли восстановить утраченные фрагменты сообщений, – повторил я уже прозвучавший ранее вывод. – А нам нужно придумать, что делать дальше.

После моих слов и в комнате, и в передатчике повисло молчание. Я окинул взглядом товарищей. Так и не получив ответа, я вздернул брови, намекая, что хочу услышать его.

– Ожидание – лучший выбор, – решил выступить Тор Варро. – Глупо выстраивать стратегию, не имея в распоряжении всей доступной информации.

– Нам все равно придется отправиться за их разведчиками, – раздался над голограммой тягучий аристократический голос Аристида.

– Нужно организовать еще один конвой.

Не опуская одну бровь, я повернулся к тому, кто это сказал. После перебранки с Бандитом принц Александр пристроился к стене напротив моего кресла и голографического приемника и оставался вне поля зрения Корво, Элара и Аристида. Мне показалось, что он случайно произнес вслух свои мысли – так он побледнел, когда понял, что все смотрят на него.

– Это я и собирался предложить! – усмехнулся Лориан.

Я и сам об этом думал, но обрадовался, что Александр меня опередил. Это означало, что мы не зря потратили время в путешествии. Я попросил принца продолжать. Александр, возможно воодушевленный поддержкой Лориана, собрался с мыслями.

– Можно спровоцировать их нападение, предварительно к нему подготовившись.

– Подготовиться к атаке магнитным гарпуном, выводящим из строя систему связи? – перебил Бандит.

– Варианты есть, – не сдавался принц. – Можно не помещать солдат в фугу. Когда противник пойдет на abordаж, его встретит целая армия.

– Только в том случае, если противник, кем бы он ни был, берет суда на abordаж, – медленно, словно вбивая клинья в эмоциональную речь принца, заметил Тор Варро.

– Варро, – сказал Лориан, – в защиту его высочества хочу заметить, что от прежних конвоев не осталось обломков.

Капитан Корво хмуро склонила голову, спрятав лицо в тени. Я одновременно наблюдал и за ней, и за Александром. Принц как бы просвечивал сквозь призрачный голографический силуэт капитана.

– Это может быть проще, чем гоняться за врагами по всему космосу, – сказала Корво.

– У местных есть корабли и персонал, чтобы попробовать собрать караван? – спросил Лориан.

– Неясно, – ответил Тор Варро, – но обсудить можно.

– Нам не нужно принимать решение прямо сейчас, – сказал я. – Варро, вы сможете получить информацию о размещенных на орбите силах? Нужно понять, хватит ли их, чтобы снарядить конвой.

Не вставая, схоласт коротко кивнул.

Я обратился к Корво:

– Вывод из фуги проходит без происшествий?

Капитан шевельнула губами, а ее широкоплечая фигура осталась неподвижна.

– Потерь нет, если вы об этом. Все по плану.

Оставаясь в кресле, я потянулся, по-прежнему ощущая остаточный эффект разморозки и фантомную тяжесть в руках и ногах. Мне бы не помешало пробежаться или поплавать. Что угодно. Спарринг, чтобы разогнать кровь по сосудам, которые долгое время были закупорены льдом.

– В конце недели нам может понадобиться технический персонал, – сказал я, косясь на Бандита. – Будем держать вас в курсе. Сообщите, если возникнут проблемы.

– А нам стоит ждать проблем? – удивленно вскинул бледные брови Аристид.

– Нет, – ответил я с усмешкой, приподнимаясь на локтях. – Полагаю, все пройдет гладко. Только повремените с увольнительной на берег, сначала я хочу сам осмотреть город.

– Не слишком увлекайтесь, – с улыбкой сказала Элара, глядя на Паллино.

Я успел заметить, как мой друг и ликтор улыбнулся ей в ответ и, кажется, даже подмигнул. Я сам с трудом сдержал улыбку.

– Не будем, – ответил я, представив, сколько мучительных часов придется провести в конференц-зале, выслушивая доклады аналитиков о любых находках.

– Если понадобится – звоните, – сказала Корво.

– Спасибо.

Через секунду голограмма исчезла, и в комнате вдруг стало темно и тесно. Кто-то – наверное, Бандит – без команды отдернул занавески.

– Отдыхайте, – произнес я в усталую тишину. – Путь был длинным, и не скажу за вас, а меня после фуги до сих пор одолевают токсины.

Зная, что будет дальше, я закрыл глаза, прислушиваясь к звуку шагов, удаляющихся в сторону прихожей и массивных двойных дверей. Когда с моего языка слетело слово, оно прозвучало так, как будто произнес его мой отец, как будто рот, из которого оно вырвалось, онемел и находился где-то далеко.

– Останьтесь, – сказал я тоном лорда Алистера.

Открыв глаза, я увидел, что попал в цель, даже не обозначив ее. Свет из окна делил надвое спартанское помещение, падая на юного принца, который задержался за журнальным столиком напротив меня. На миг его скрыла тень Валки, и, покосившись, я заметил, что она вернулась на прежнее место у окна.

Записывая это сейчас, я осознаю необычную перемену наших ролей. Я сидел, словно властелин на троне, а принц Александр стоял передо мной как проситель, поджав губы и опустив плечи, будто боялся меня.

Сначала пряник, решил я, а потом кнут.

– Мне понравилась ваша идея снарядить новый конвой, чтобы выманить врага, – похвалил я. – Я сам собирался это предложить. А раз свое одобрение высказал и Аристид, значит идея действительно хорошая. Вы молодец. Вижу, что обучение не проходит даром.

– Благодарю, сэр. – Принц заметно расслабился и выпрямился.

– Но вам нужно уделить больше внимания манерам, когда вы общаетесь с моей командой. Ситуация с лейтенантом-коммандером Гароне не должна повториться.

– Понимаю.

Александр опустил взгляд на стол, опасаясь увидеть что-то в моих глазах. Мне было знакомо это чувство. Я ощущал то же самое в присутствии отца и даже в присутствии Валки, когда был молод – совсем молод. Он боялся, как обвиняемый перед судьей, как все сыновья перед отцами, мужчины перед женщинами, как все смертные перед лицом богов.

Я постучал кольцом по латунной кромке тканого подлокотника кресла. Раздался чистый, звонкий звук.

– Точно? – спросил я с интонацией старого Гибсона. – Скажите, что именно вы понимаете.

Если принц и хотел возмутиться моим предложением, то быстро погасил в себе этот порыв и закрыл глаза. Я узнал хорошо знакомую дыхательную технику, которой пользовались схоласты для подавления эмоций. Он сильно напоминал своего отца: скуластый, с высоким лбом и широким подбородком. Чтобы еще больше походить на него, он отрастил длинные, жидкие бакенбарды, и лишь растрепанные волосы несколько не соответствовали его царственному лику. На корабле не было свиты андрогинов, чтобы намаживать и надлежащим образом причесывать их. Я понимал, что Александру не придется сидеть на троне, но живо представлял его рыцарем, облаченным в белые имперские доспехи и сияющим, словно солнце. Однажды он поведет солдат и корабли в бой против сьельсинов, а может, даже будет стоять у Соларианского престола в качестве капитана рыцарей-экскувиторов.

Александр открыл глаза. В них больше не было прежнего страха.

– Сэр, я проявил неуважение к вашим слугам. И неуважение к вам, несмотря на то что я ваш сквайр.

– Нет, – произнес я и услышал рядом голос Гибсона: «Гвах!»

Принц вздрогнул:

– Нет?

Позади меня Валка подавила смешок.

– Вы не правы по трем пунктам, – сказал я, подняв три пальца, и, загибая их по очереди, объяснил: – Во-первых, они не мои слуги. Я их слуга. Во-вторых, вы не проявили неуважения ко мне. В-третьих, вы не просто сквайр. Вот почему это важно. – Я потряс кулаком и взял паузу, ожидая ответа. Когда его не последовало, я продолжил: – Дополнение к первому пункту: у меня нет слуг. Я никому не хозяин. Если для того, чтобы командовать, вы полагаетесь только на свой статус, то вас никто не станет воспринимать всерьез.

– Но они служат вам, – возразил Александр. – Прислушиваются к каждому вашему слову.

– Потому что я заслужил их уважение. Александр, сословия и звания лишь придают взаимоотношениям формальный статус. Не определяют их. Авторитет можно заслужить, если ты его достоин, и потерять, если недостоин. А заодно можно потерять и жизнь. Человек должен стремиться к тому, чтобы быть достойным оказываемых ему почестей, иначе его скинут, как тирана. – Я подтянул под себя ноги и машинально принялся теребить серебряную застёжку сапога. – Если я стану относиться к своим людям как к рабам, они взбунтуются. Сначала пассивно: начнут игнорировать указания, перестанут выполнять задания... затем перейдут к активным протестам. Вам известно, как ко мне на службу попала Отавия Корво?

– Я слышал об этом. – Застигнутый врасплох вопросом, Александр удивленно моргнул. – Она помогла вам победить норманского тирана на... Фаросе?

– Она десять лет служила этому норманскому тирану. – Я покосился на терминал, над которым несколькими минутами ранее висела голограмма Корво. – Но ее непосредственным начальником был капитан Эмиль Борделон, жестокий негодяй. За непослушание он бросал солдат связанными в карцер и морил голодом, пока те не начинали молить о пощаде. Некоторых он даже насиловал.

– Что?! – Александр побледнел от ужаса.

– Отавия решила, что с нее довольно. Я сделал ей предложение... и мы его убили.

Я сжал кулаки, вспомнив, как замолчали рации, когда я приказал своим людям открыть огонь. Когда я был моложе, эта тишина – и голограмма Борделона, исчезнувшая при его гибели, – преследовали меня в кошмарах. Теперь же я чувствовал лишь слабое удовлетворение от хорошо проделанной работы. Мы с Корво избавили мир от чудовища. Что это, если не доброе дело?

– *Sic semper tyrannis*², – произнес я. – Невозможно вести за собой людей, будучи тираном. Сами люди тебе не позволят. Правление – своего рода служба, обязанность перед теми, кто за тобой следует. *Noblesse oblige*³. Вы должны это понять, потому что – перейдем к третьему пункту – вы не просто сквайр. Вы принц дома Авентов и верховный лорд Империи. Если я призван чему-то вас научить, то тому, что вы должны относиться к своим людям как к семье. И если вам очень, очень повезет, то и они станут относиться к вам так же. Власть сама по себе не добродетель, и пользоваться ею добродетельно – наша святая обязанность: и тех, кому власть досталась по наследству, и тех, кто добился ее сам. Александр, вам известны восемь степеней повиновения?

– Что?

– Восемь степеней повиновения. Они составляют часть стоической схоластической традиции. – Я с закрытыми глазами перечислил: – Повиновение из страха перед болью. Повиновение из прочих страхов. Повиновение из любви к личности иерарха. Повиновение из верности

² Так всегда тиранам (*лат.*). Сокращенная версия фразы «*Sic semper evello mortem tyrannis*». («Так всегда приношу смерть тиранам»). Первоисточник неизвестен. Выражение получило распространение в Европе и США в качестве лозунга против злоупотребления властью.

³ Благородное происхождение обязывает (*фр.*). Выражение впервые встречается в произведении Оноре де Бальзака «Лилия долины» (1836).

трону иерарха. Повиновение из уважения к законам, людским и божественным. Повиновение из набожности. Повиновение из сострадания. Повиновение из преданности. Видите? Любовь выше страха.

Но Александр нахмурился и сложил руки на груди.

– Но по этой же логике верность трону выше любви к самому иерарху, – произнес он тоном ученика, поймавшего учителя на ошибке, но стесняющегося об этом заявить.

Я вспомнил, что на это говорил Гибсон.

– Случается, что иерарх сам не чтит свой трон, и в таком случае слуги должны наставить его на путь истинный. Этим я сейчас и занимаюсь, ваше высочество. Перейдем ко второму пункту.

Я взял паузу. Воцарилась тишина, и я удивился, что Валка, так внимательно следившая за нами, не воспользовалась возможностью, чтобы вставить свое веское слово. Александр приготовился слушать и не шевелился.

– Ваша кровь и родословная не ставят вас выше других людей. Они принадлежат вашим предкам, а вы, чтобы всецело их унаследовать, должны почитать предков, будучи хорошим человеком. Когда его величество произвел меня в рыцари, он заставил меня поклясться в том, что я презираю жестокость и несправедливость. Александр, вы по-прежнему намереваетесь стать рыцарем?

– Да, сэр.

Юноша сглотнул и наконец нашел силы посмотреть мне в глаза. Я наклонился вперед, косясь на Валку.

– Тогда я поведаю вам один секрет, – произнес я почти заговорщицки.

Валка ухмыльнулась и покачала головой.

– Лучшие люди, – сказал я, – не всегда живут во дворцах. Например, Паллино, прежде чем стать солдатом, был крестьянином. Семья Сиран владела наземной транспортной компанией на Эмеше. По стандартам плебеев они были богаты. Мой друг Хлыст, которого с нами больше нет, был вынужден заниматься проституцией. Корво с Дюраном – бывшие наемники и предатели. Айлекс работала в портовом складе на Монмаре, а Аристид пятнадцать лет сидел писарем в легионах. Пятнадцать лет. С его-то талантами! Если бы начальникам хватило ума перевести его хотя бы в разведку, то вышел бы какой-нибудь толк. Но ему поручили вести ежедневники стратига Беллера. Вопрос: почему?

Если Александр рассчитывал, что я сразу дам ответ, то сильно ошибался. Я хотел, чтобы он сам к нему пришел.

Принц мешкал, возможно думая, что в вопросе есть какой-то подвох.

– Потому что он интус.

– А Айлекс – гомункул, – сказал я. – Интусы, гомункулы, плебеи, патриции, палатины. Какая разница? Наши предки стали палатинами, потому что творили великие дела. Они разбили мерикани и спасли человечество. Но мы – не они. Мы должны творить свои великие дела, так? Все заслуживают возможности проявить себя. Никто не выбирает, кем родиться, и ни вы, ни я не должны их за это укорять. Чтобы быть хорошим рыцарем, хорошим лидером да и просто хорошим человеком, судить других надо по поступкам. По характеру. Понимаете?

– Да, – скованно кивнул Александр.

Я опустил ноги и сел по-императорски, положив ладони на подлокотники.

– Хорошо. Тогда идите к капитану-лейтенанту Гароне и извинитесь.

– Сэр?

– Я спрошу его, поэтому не думайте увильнуть.

– Слушаюсь, сэр, – снова кивнул принц – почти поклонился – и, без подсказки поняв, что разговор окончен, развернулся и вышел из комнаты.

Когда двери закрылись, Валка тихо рассмеялась:

– О-о-о, как ты его! Видел его лицо?

– Что в этом смешного?

– Да так, немного, – ответила Валка, улыбаясь еще шире, пока не заулыбались и ее золотистые глаза.

Внезапно она отвела взгляд и снова уставилась в окно на Катрает.

– В чем дело? – спросил я, вдруг решив, что смеялись не над принцем, а надо мной.

– В тебе, – коротко ответила она. – Ты встал на защиту Айлекс. Раньше за тобой такого не водилось.

– Водилось, – возразил я. – Просто ты хуже меня знала.

Между нами встала тень Гиллиама Васа, старого жестокого капеллана с горящими непропорциональными глазами. Если допустить, что мертвые продолжают жить, то живут они в наших воспоминаниях. Призраки существуют – они часть нас. Он был первым убитым мной человеком, несмотря на то что до этого я уже несколько месяцев сражался в Колоссо и пырнул ножом одного боросевского торговца. Я убил Гиллиама из-за Валки, но вопреки ее желанию.

– Я ненавижу Гиллиама не за то, что он был интусом, – сказал я, понимая, о чем думает Валка.

Но это лишь отчасти было правдой. Гиллиам был уродливым горбуном, с разными глазами и бесформенной головой. Он пугал меня. Лориан тоже пугал меня. Интусы были своего рода напоминанием о том, как хрупки мы, палатины, как многим мы обязаны императору и в какой степени являемся его рабами. Также они постоянно напоминали мне, почему у меня не было детей, почему я не мог стать отцом без императорского соизволения. Лориан был в этом не виноват, да и Гиллиам тоже, но простите мне мои страхи. Возможно, поэтому я по-прежнему служил императору, хотя и не осознавал этого. Возможно, я надеялся, что выслужусь достаточно, чтобы получить разрешение жениться на Валке и обзавестись семьей, о которой мечтал.

– Я ненавижу его за то, как он обходился с тобой, – сказал я.

Это была чистая правда.

– Знаю, – произнесла Валка, и ее глаза остыли, подернулись пеленой. – Но ты все равно был не прав.

– Мертвых не вернуть, – вздохнул я, вызвав между нами еще один фантом – на этот раз мое собственное обезглавленное тело.

Пальцы, подаренные мне Кхарном, дрогнули, и я сжал кулак. Искусственные кости не болели, как бы сильно я его ни сжимал.

– Это так, – согласилась Валка, подходя ко мне, – но с тех пор ты стал лучше относиться к живым.

– Тогда я был еще мальчишкой, – сказал я, подумав про себя: «И весьма глупым мальчишкой».

– Ты был полным идиотом, – добавила Валка, словно прочитав мои мысли.

Я поцеловал ее, обхватив лицо обеими руками. Когда мы отстранились, она положила щеку мне на ладонь.

– Спасибо, – сказал я спустя мгновение.

– За что? – спросила она, округлив глаза.

– За то, что не возненавидела меня. У тебя было на это полное право.

– С чего мне тебя ненавидеть? – тихо произнесла она и улыбнулась уголком рта. – Хотя ты и тот еще балбес.

Ответив такой же кривой улыбкой, я снова поцеловал ее.

– Может, пойдем выгоним с потом остатки токсинов?

В ответ она оттолкнула меня и направилась к спальне. Пока я соображал, она уже оказалась в дверях и обернулась:

– Ну и что ты копаешься?

Глава 10

Перо и коготь

Каждый день над Фортом Дин вставало яркое солнце, а горный ветер был свеж, как осенью в моем родительском доме. В моих странствиях мне редко встречались планеты, гулять по которым было так же приятно, как по Гододину. Он был словно потерянным отражением утраченной Земли, почти ее идеальной копией, если бы не туманно-белое, а не голубое небо. Я до сих пор помню шелест красных знамен над крепостной стеной и тихое трепыхание навесов над улочками Большого базара. Помню деревянный книжный магазин, куда мы заходили с Валкой, затхлый ванильный запах старой бумаги и сахарную выпечку, которую мы ели, гуляя по городу, как простые люди, незнакомые жителям этой планеты.

– И вот, – яростно жестикулируя, говорил Паллино, – я оказался посреди космопорта, весь в крови, по уши напичканный той дрянью, которую нам давали, чтобы мы не уставали и держались на ногах, а в руке у меня, на минуточку, мой чертов глаз, и нам надо как-то пройти сканеры, чтобы попасть на трамвай, понимаете? В полном обмундировании.

Поднялся ветер, зашелестела высокая трава, что росла по обе стороны тротуара, проложенного вдоль дороги к крепости. Я чуть крепче сжал руку Валки и стал дальше слушать рассказ Паллино.

– А я уже был центурионом, – продолжил старый солдат. – Короче говоря, я веду всех за собой и подхожу к гражданскому в будке охраны – а у нас есть все разрешения, мы же легион. Нам разрешено пользоваться проклятым трамваем. Вот только этот головастик оказался totally озабочен безопасностью. Даже представить не можете насколько. Я сую ему пропуск и письмо от герцога, в котором сказано, что мы только что из зоны боевых действий и нам надо на юг. А мы все в кровище, если вы вдруг забыли. Но этот засранец – сиськами Земли клянусь – этот засранец говорит, что мне надо пройти через рамку. У меня плазменная винтовка, обычный дисраптор, пара гранат... Ну, я ему: «На хрена?!» А этот мужик – этот аппарат – заявляет, что должен проверить нас на наличие оружия. Оружия! – Паллино расхохотался и замолчал, почесывая нос.

– И что же ты? – бросила Валка через плечо, шагая в тени главных ворот.

– Отстегнул винтовку, по-прежнему держа в руке глаз, от которого, правда, толку было уже мало, и говорю: «Проверяй. Вдруг у меня в пушке другая пушка спрятана?» И знаете, что он дальше сделал?

– Что? – спросила Валка, кое-как справившись со смехом.

Мы так и не узнали.

Сверху раздался жуткий вопль, высокий и резкий, словно клич охотящегося ястреба. Руководствуясь инстинктом, который, как мне кажется, был заложен в нас с тех пор, как наши предки разошлись с предками мышей, я пригнулся, вспомнив крылатых змеев, обитавших на Эмеше.

– Это еще что за чертовщина?

– Флаер? – предположил Паллино, готовясь в любой миг включить щит.

– Не флаер. – Валка даже не дрогнула и осталась стоять, вытягивая шею и приглядываясь. – Я бы почувствовала электрический импульс, – указала она татуированной рукой на голову, имея в виду свои демархистские импланты.

Вопль повторился.

– Поспешим внутрь, милорд, – сказал один из одетых в гражданское телохранителей, которых Паллино взял с нами на прогулку.

Я отмахнулся от него и включил свой щит.

– Зачем? – сказал я, несмотря на эту предосторожность. – Мы в сотне шагов от крепости. Кивком я показал на двух младших офицеров, спокойно обедавших на ступенях надворной постройки форта. Те не выглядели напуганными.

– Эй, солдат!

Бедняга аж подскочил, выронив остатки бутерброда в бумажный поддон, и поспешно отдал честь.

– Сэр!

– Что это было?

– Что было – где, сэр Адриан? – в недоумении моргал солдат.

– Этот звук...

Крик повторился, похожий на скрежет металла по камню. Я стиснул зубы, чтобы они не заклацали.

Солдат тут же сообразил и расцвел:

– А, это! Это ауксилия.

– Ауксилия? – нахмурился я.

Так назывались вспомогательные отряды, набранные не из имперских подданных. Иноземцы.

– При чем здесь ауксилия?

– Они летают, сэр, – ответил солдат, глядя через мое плечо. – Это ирчтани с Иудекки. Их здесь тысяча. Готовятся к отправке на фронт.

– Ирчтани? – переспросил я, чувствуя внутри нарастающее возбуждение. – У вас здесь отряд ирчтани?

– Да, сэр. Сэр Амальрик пригласил птичек на годичную стажировку с нашими ребятами, чтобы посмотреть, сработаются ли они, прежде чем отправляться на фронт. У них отдельная казарма на южной стороне. Удивительно, что вы их раньше не встретили. Может, потому, что они предпочитают держаться особняком.

Я отпустил бедолагу доедать обед и повернулся к спутникам.

– О Земля и император, – вздохнул Паллино, – опять у него этот вид.

Ирчтани. На Делосе, когда я был еще ребенком, мать рассказывала мне истории. О Сиде Артуре, принце Кире Безрассудном, Кхарне Сагаре, сэре Антонии Дамроше и Касии Сулье. Но больше всего я любил сказки о Торе Симеоне Красном. О том, как после столетнего путешествия он открыл планету Иудекка, на которой жили ирчтани – летающие ксенобиты, почти такие же разумные, как человек. Но команда корабля взбунтовалась, убила капитана и бросила Симеона на погибель. Они решили изловить ирчтани и продать в рабство – благородные дикари всегда пользовались успехом при дворах нобилей определенного сорта. Матросы думали, что смогут обогатиться, оставить опостылевшее ремесло и с комфортом уйти на покой на какой-нибудь далекой планетке. Но Симеон выжил и с помощью ирчтани победил своих бывших товарищей, отомстил за капитана и, когда имперцы наконец заселили Иудекку, добился, чтобы крылатых взяли под охрану. Симеон был похоронен в главном святилище ирчтани – черном храме Атхтен Вар, который стоял еще в те времена, когда ирчтани были глупыми животными. Как Калагах на Эмеше, как Шагающие башни Сададьсууда, он был построен – если «построен» верное слово – Тихими. Ирчтани прозвали Симеона Унаан Крил, Красный Червь, потому что в их глазах зеленый цвет робы схоласта выглядел красным и потому что люди не способны летать.

В детстве Симеон был моим героем. Человек науки, поднимавший меч лишь по необходимости, спасший чужеземный народ от хищников-людей. Я хотел равняться на него, считая сьельсинов такими же, как ирчтани. Благородными, но неправильно понятыми существами. Поэтому-то я отправился с Бассандером и сэром Олорином в подземелья Калагаха, чтобы спасти Уванари и других выживших сьельсинов. Я считал, что им можно помочь, как Симеон

помог ирчтани. Но съельсины оказались ни капли не похожи на ирчтани, а я не был Симеоном. Я не смог спасти Уванари. Теперь я понимаю, что оно мной манипулировало. Обмануло, чтобы получить возможность погибнуть в бою смертью воина. То, что оно сдалось мне в Калагахе, было отчаянным поступком загнанного волка, который, даже будучи одной лапой в капкане, не оставлял надежды убить охотника, когда тот появится. В конце концов оно попыталось меня убить. Съельсины слушаются только палки и не склоняются перед животными. Как люди.

Южный отрог Форта Дин был дальше всего от города, нависал над Зеленым морем и поднимавшимися из него рыжими холмами. Горный ветер пах дождем и теребил сухие ветви немногочисленных деревьев, которые легион позволил оставить на территории форта. Казарма была уродливым зданием в форме буквы L, из стали и выбеленного бетона, с плоской крышей, усыпанной антеннами и прочим оборудованием для связи. Двор между двумя крыльями здания был совершенно плоским и голым, если не считать редких клочков сорной травы.

Прямо там они и занимались.

Несмотря на свой возраст, я так и не привык видеть ксенобитов. Наверное, что-то в наших генах, что-то, оставшееся еще с Земли, подсказывает нам, какими должны быть живые существа. И когда мы встречаем кого-то внеземного, разум бунтует, пугается – примерно так же, как при встрече с чем-то, похожим на человека, но человеком не являющимся.

Похожие на людей, ирчтани не были людьми, да и были значительно ниже. Самый рослый мог бы, наверное, посмотреть свысока на Лориана, в котором было едва пять футов росту. Но они были крепкими и широкоплечими, и казалось, что они просто пригибаются и сутулятся. Все носили серо-коричневую форму, похожую на черные мундиры наших солдат и человеческих ауксилией. Главным отличием были широкие остроконечные капюшоны вместо беретов, которые многие солдаты надевали, когда не были облачены в доспехи.

Я встал на краю двора, словно ребенок наблюдая, как один ирчтани раскинул крылья длиннее его самого, как распахнулись огромные, вытянутые, будто клинки мечей, изумрудные рулевые перья. Он рванулся вверх, разгоняя крыльями ветер, и ринулся вслед за товарищем, разрезав воздух громким криком. Догнав, он взмахнул рукой, и я увидел, как на фоне бледно-серого неба сверкнула сталь.

– У него меч, – шепотом заметил Паллино.

– Они сражаются саблями, – указал я. – Длинной в наш с тобой рост. Называются «зитраа».

– А где у них руки?

– Видел когда-нибудь птерозавров? – опередила меня с ответом Валка, чьи механические глаза наверняка позволяли рассмотреть ирчтани более пристально.

– Терра... кого?

– Посередине крыла, – перебил я их и, подняв руку для наглядности, объяснил: – Оконечность крыла раскладывается от запястья, как второй локоть.

– Эй! – раздался горловой звук, и, обернувшись, я увидел подходящего к нам ирчтани.

Он приветственно вскинул крыло. На нем был капюшон, из-под которого торчал черный с красной окантовкой клюв. Грудь пересекала двойная золотая цепь, закрепленная на плечах, и я узнал символ – группу дубов, означавшую, что передо мной хилиарх. Капитан всей ауксии, всей тысячи солдат.

– Приветствую, сэр рыцарь! Добрый день! – отсалютовал мне крылом ирчтани.

Когда он говорил, его клюв не шевелился, лишь слегка приоткрывался. Существо удивило меня знанием нашего языка. Сам я ничего не мог сказать на языке ирчтани. Поразительным образом он напоминал земных птиц, и я мысленно подивился капризу природы, по которому столь привычно выглядящее создание появилось на свет под инопланетным солнцем.

– Чему обязаны честью? – спросил он.

Что мне было ответить? Никакой цели у меня не было; я просто хотел своими глазами увидеть существа из детских сказок. О том, что делать дальше, я не думал.

– Хотел лично познакомиться с Ishaan Irchtani, – поклонился я, с трудом подбирая слова. – Никогда прежде не встречался с вашим народом.

Мне лишь мельком довелось видеть одного давным-давно на корабле «Загадка часов», когда мы с Хлыстом разделились и я встретил пророка Яри.

Стараясь не вспоминать о той встрече, я представился:

– Я сэръ Адриан Марло, лорд-комендант Красного отряда.

К нам подошли еще двое.

– Мое имя Барда, – ответил старший ксенобит. – Я kithuun, то есть хилиарх.

Существо неуклюже поклонилось, и я понял, что их ноги сгибались иначе, чем наши.

– Вы Дьявол? – Барда говорил с паузами, неуверенный в своем галстани.

Услышав такое обращение, я прекратил улыбаться.

– Дьявол, он самый.

За китууном подтянулась небольшая группа любопытных ксенобитов. В отличие от умандхов Эмеша и съельсинов, у ирчтани существовало разделение по половым признакам, но я не мог определить, кто был мужчиной, а кто женщиной. На некоторых не было капюшонов, и неприкрытые головы казались удивительно маленькими. Над изогнутыми клювами блестели черные глаза-бусины.

– Прошу прощения за вторжение, – сказал я. – Я только что узнал, что вы здесь, и хотел на вас посмотреть...

– Посмотреть? – перебила другая птица, низкорослая, коренастая, с серым оперением и зитраа в чешуйчатой руке. – Человек, здесь тебе не зоопарк!

Голос этого ксенобита был ниже, чем у Барды, и напоминал воронье карканье, но его галстани при этом был чище.

– Удакс, не хами! – каркнул Барда, отвесив младшему ксенобиту легкий подзатыльник и прочитав что-то на их родном языке.

Для моих ушей он звучал как смесь отрывистых выкриков и певучих трелей, и я улыбнулся, сожалея, что не умею играть на флейте, как Симеон, и не могу выучить музыку их языка.

Удакс защелкал клювом в ответ.

– Дело в том, что я вырос на легендах о вашем народе, – объяснил я, подняв вверх руки. – Когда я был маленьким, мать рассказывала мне о Симеоне Красном, принце Файде и битве у Атхтен Вара.

– Он еще и об истории нам будет рассказывать? – возмутился Удакс. – Мы не персонажи твоих книжек, упаан. Мы живем здесь и сейчас. И мы прилетели, чтобы сражаться с этими вашими бледными червяками. – Молодой ирчтани ударил себя в грудь и принялся царапать землю когтями. – Мы боевые ирчтани! Мы здесь, чтобы убивать, а не развлекать тебя!

Несколько других ирчтани согласно закаркали и возбужденно захлопали крыльями. Совершенно не разбираясь в повадках ирчтани, я не знал, насколько опасно для меня было их поведение.

«Унаан, – подумал я. – Червь».

Тем же словом ирчтани назвал съельсинов. Вероятно, дело было в том, что ни мы, ни съельсины не умели летать.

– Тише, приятель! – воскликнул Паллино. – Мы такие же солдаты.

– Солдаты? – переспросил другой молодой ирчтани. – Если мы все солдаты, почему нас держат отдельно от вас?

– Удакс, Мораг, замолчите! – прикрикнул Барда на подчиненных. – Это один из их Bashan Iseni.

Как я позднее узнал, на языке ирчтани «башан исени» означало палатина. Дословно – «высшее существо». Божество.

Но Удакс не хотел замолкать.

– Я устал от того, что эти unaani на нас пялятся, Kithuun-Barda. Каждый день одно и то же. Мы не экспонаты! – Солдат покрутил в руке длинную саблю.

– Мы уже уходим, – сказала Валка, потянув меня за плащ, и добавила тише: – Адриан, пойдем.

Но я не понимал, чем обидел этого юного ксенобита, и чувствовал, что уходить без извинений неправильно.

– Китуун Барда, – обратился я к командиру, – я не хотел оскорбить ваших солдат.

– Он даже говорит не с нами! – вскрикнул Удакс, прежде чем Барда успел ответить.

Хор птичьих голосов отозвался на этот возглас, и вскоре я сообразил, что все они повторяют одно и то же:

– I-da! I-da!

Тогда я не знал, что это означает, но теперь знаю.

«Покажем ему!»

От неожиданности я не смог уловить движение зитраа Удакса. Я лишь услышал ее и закрыл лицо плащом. Армированная нить, вшитая в белую парчу, не позволила клинку ксенобита разрубить меня, но не помешала Удаксу пнуть меня в грудь. Бог-Император, ну и силища у него была! Падая на плоскую землю, я сбил с ног Валку. Паллино выругался и закрыл меня собой, но не успел он ударить Удакса, как на него налетели двое других молодых ирчтани. У меня шла кровь. Когти ксенобита распороли камзол и тунику, и я испугался, что они могли порвать и серебряную цепочку, на которой я носил медальон со скорлупой, полученной от Тихих. Удакс взмахнул крыльями, подняв серыми перьями облако пыли. Я включил щит и вскочил на ноги, не в состоянии решить, скинуть ли плащ для большей мобильности или оставить для защиты.

В итоге я выбрал защиту и намотал ткань на левую руку, чтобы полностью закрыть ее.

– Брось оружие, солдат! – скомандовал я, указывая на Удакса этой рукой.

– Не смей приказывать мне!

Ксенобит снова замахнулся, я вскинул руку, как боксер, кулаком ко лбу, прикрывая голову, и клинок отскочил от плаща. Я не хотел доставать меч. Высшая материя была слишком опасна. Она легко бы справилась с зитраа, рассекла бы сталь, как бумагу, но я не хотел поранить это прекрасное существо, которое все-таки сражалось за человечество и Империю. Мы не должны были драться друг с другом.

Оглянувшись через плечо, я увидел, как телохранитель помогает Валке подняться.

– Уведите ее! – крикнул я, поворачиваясь как раз вовремя, чтобы заблокировать новый удар опасного клинка.

Выхода не оставалось. Зитраа была слишком длинна, и отбиваться от когтей ирчтани голыми кулаками в любом случае было бесполезной затеей. Отскочив, я выхватил меч сэра Олорина и активировал. Жидкий металл образовал метровый голубой клинок, засиявший чище неба. Я взмахнул им, парируя саблю ирчтани, опускавшуюся по дуге, чтобы располовинить мне голову. Мой клинок прошел сквозь зитраа, не встретив сопротивления, но отскочивший обломок сабли задел мою щеку, прежде чем, вращаясь, воткнуться в землю за моей спиной. Теперь кровь текла у меня не только из груди, но и из щеки.

– На колени, – прорычал я, направляя сверкающий меч на Удакса.

Раздалась сирена. Такое же «уваа-уваа», что звучало в боросевской бастилии, когда я прижал к стенке и убил Уванари. Я ненавидел этот звук – слишком много плохих воспоминаний он вызывал.

Не опуская меча, я сказал:

– Парень, внутри тебя полыхает огонь...

Я обернулся к форту, увидел спешащих к нам армейских префектов в узнаваемых открытых белых касках и доспехах, которые они носили поверх формы даже на базе. По-имперски бледное солнце – мое солнце – смотрело на нас свысока.

– ...не позволяй ему себя поглотить.

Удакс прищурил черные глаза и распустил перья на голове. Я не двигался и не убирал меч, пока префекты не повалили Удакса лицом на землю. Неподходящая поза для такого существа. Лишь тогда я деактивировал клинок. Металл исчез, словно ночная дымка в первых лучах утреннего солнца. Один префект что-то сказал мне, но я не расслышал. Все больше людей окружало нас, заставляя ирчтани опускаться на колени и засовывать когтистые руки за голову. Один из ауксилии попытался улететь, но тут же упал на землю, настигнутый зарядом станнера.

– Прекратить огонь! – рявкнул я, выбивая станнер из рук стрелявшего.

Ткнув удивленного префекта в лицо рукоятью меча, я добавил:

– На нас напали всего шестеро. Остальные ничем не провинились.

– Мы разберемся, милорд.

– Постарайтесь, – сказал я, скидывая плащ, и спросил у вернувшихся телохранителей: – Доктор Ондерра в безопасности?

Солдат отдал мне честь:

– Так точно, ваша светлость. С ней мой триастр и их старейшина. Она не пострадала.

Я кинул ему плащ.

Заметив кровь у меня на груди и лице, он спросил:

– А вы?

– Все в порядке. – Я пригладил волосы окровавленными пальцами и тут же напрочь забыл о солдате, запер его в мысленной камере, которая не имела никакого значения. – Паллино!

– Здесь, Адр!

Мой друг, ликтор и первый хилиарх, стоял, опираясь на розовощекого префекта, рыжими волосами и веснушками напомнившего мне Хлыста.

Да уж, слишком много плохих воспоминаний.

– Ты цел? – хлопнул я Паллино по плечу, и он скривился.

На его руке были глубокие раны, требующие вмешательства медиков. В боку зияло несколько дырок – одна из птиц наступила на него когтями. Ему было плохо.

Однако старый стервец ухмыльнулся и потыкал в свой новый глаз:

– Бывало хуже.

– Я попрошу носилки.

– Да я сам могу идти!

– Стой смирно, пока тебя не уложат! Не хватало, чтобы ты истек кровью из-за того, что какой-то птенец, – презрительно бросил я в сторону Удакса, – вообразил себя бунтарем.

Я нащупал пальцами серебряную цепочку на шее. Медальон, серебряный обод, заключавший кривой обломок белой скорлупы, был на месте. Уцелел.

С облегчением выдохнув, я спросил:

– Где Осман?

Глава 11

Децимация

В итоге я не пошел прямиком к Осману, как собирался. Здравый смысл заодно с Валкой убедили меня сопроводить Паллино в медику и показать врачу собственные раны. Порез на лице был неглубоким, и на него, а также на пару не замеченных мной мелких царапин на руках просто наклеили корректирующий пластырь. А вот раны на груди оказались, как и у Паллино, достаточно серьезными. Мне повезло, что удар пришелся в ребра. Когти Удакса не проникли настолько глубоко, как когти того ксенобита, что вырвал кусок из бока моего друга.

– Паллино выживет? – спросил я, трогая мизинцем пластырь на щеке – тонкую черную полоску от носа до уха.

– Прекрати ковырять, а то шрам останется, – сказала Валка, и в зеркале я увидел, как она поджала губы.

– И тебе не понравится? – довольно резко произнес я, но тут же замолчал.

– Выживет, куда он денется? – передернула плечами Валка. – Его на всякий случай погрузили в сон. Так будет лучше. Он потерял много крови.

Я потрогал повязки на груди, почувствовал тепло там, где были защиты легкие раны.

– Ну и острые же у них когти... Но я все никак в толк не возьму, почему они напали.

– Может, им не нравится служить людям, отнявшим их родную планету.

Я зажмурился и три секунды переводил дух, мысленно радуясь, что отошел от зеркала. Спорить на такие темы у меня не было сил.

– Пожалуйста, не начинай. Не видишь, я ранен, – указал я на грудь. – Ауксилия – не рекруты. Они свободнее наших солдат... черт побери, свободнее меня.

Я попытался сложить руки на груди, но лучше бы этого не делал. Эмоции утихли, больше не притупляя боль. Пожалуй, мне тоже не помешало бы снотворное. Но у меня было еще много дел.

Не дожидаясь моей просьбы, Валка взяла медальон на цепочке и протянула мне. В кои-то веки она не спорила, лишь пристально смотрела на меня, сдвинув брови.

– Они казнят того, кто напал на меня, – сказал я.

– Думаешь? – спросила Валка.

Она даже не шелохнулась, и медальон по-прежнему свисал с ее согнутого пальца. Я не понял, говорила она всерьез или с сарказмом.

Взяв амулет, я покрутил его в руке:

– Помяни мое слово.

Большим пальцем я провел по серебряному ободу, пощупал острые углы прочной скорлупы. Она была не больше золотого хурасама, около полутора дюймов в диаметре, и, как всегда, теплая на ощупь. Зажав медальон в кулак, я будто все равно видел его. Свет от скорлупы словно проникал сквозь пальцы.

– Адриан!

Голос Валки разорвал мои туманные думы. Меня словно окатили холодной водой.

– Что?

Я повесил цепочку на шею, взял новую рубашку и черную тунику и надел их одну за другой, несмотря на боль в груди.

– Ты витал в облаках. Я спрашивала, как ты себя чувствуешь, – сказала Валка, пока я возился с одеждой.

– Нормально, – ответил я, потирая шею и вспоминая укусы меча. – Бывало хуже.

Я поднял со стола пояс-щит и нацепил на себя, завожившись, поправляя тунику.

Валка не клюнула на мою мрачную наживку. Она лишь потыкала пальцем окровавленный плащ, сложенный на другом краю стола.

– А с этим что делать?

– Пожалуйста, не трогай, – ответил я. – Кастелян скоро придет и начнет причитать. Плащ мне пригодится.

– Зачем?

– Я хочу одновременно исполнить роли Антония и Цезаря, – ответил я, и Валка непонимающе вытаращилась на меня. – Не бери в голову.

У меня был план, и я надеялся выжать хоть что-то хорошее из неудачного дня. Я попросил ее:

– Если встретишь Дюрана раньше, чем я, пускай распорядится, чтобы Паллино отправили обратно на «Тамерлан». Под присмотром Окойо ему будет лучше. Она не даст ему надевать глупостей.

В дверь постучали.

– Легко на помине, – прошептал я и встал. – Входите!

– Лорд Марло, прошу принять мои искренние извинения. Ума не приложу, почему примитивы на вас напали. Будьте уверены, что зачинщик и его пособники будут наказаны по всей строгости за это оскорбление. Предательство!

Слова извинения сэра Амальрика влетели в комнату быстрее, чем он сам вошел и рухнул на колени. Я убрал руки за спину, до того как он успел схватить их и облобызать.

– Шкуру с него спущу! – восклицал он. – Голову с плеч сниму! Все, что вам будет угодно!

Я взглянул на распростертого у моих ног патриция, этого гордого человека и солдата, кастеляна имперского форта, отвечающего за распределение войск по нескольким секторам космоса, – и он пресмыкался перед моим именем и званием.

«Палатины, – подумал я. – Башан исени».

Высшие существа.

– Сэр, поднимитесь.

Осман и не подумал.

– Милорд, эти звери были под моим командованием. Я посадил их под замок. Мои люди просматривают записи, чтобы выявить причастных. Тот, что напал на вас, уже в карцере. Премного извиняюсь. Этого нельзя было допустить. Я виноват.

– Если кто и виноват, – покосился я на Валку, собираясь с мыслями, – то только один молодой, горячий и жадный до драки ирчтани. Вы не можете контролировать их, равно как не можете проследить за всеми своими солдатами, когда они ходят в город и выбивают зубы шлюхам, если выясняется, что нечем расплатиться. Вы можете лишь пристыдить их постфактум. – Я отступил на шаг и сел на вращающийся стул доктора, которая меня заштопала. – Во имя Земли, поднимайтесь. Это приказ.

Кастеляну все равно понадобилось на это несколько секунд.

– А что с остальными? – спросила Валка. – С ирчтани, которых не было рядом в момент нападения?

Сэр Амальрик огляделся и, кажется, не без удивления обнаружил в углу Валку.

– Я... мэм?

– На плацу занимались всего несколько десятков, но говорят, что их здесь тысяча. – Валка откинула красно-черные волосы и сложила руки.

Сглотнув, кастелян закивал:

– Их взяли под стражу и заперли в казарме.

Казалось, его сейчас стошнит.

– Вы применили ко всем одинаковые меры, как к преступникам? – возмутилась Валка. – Если бы они были людьми, вы бы так не поступили!

– При всем уважении, они отказались сотрудничать. Не назвали нам имен тех, кто напал на вашего телохранителя, поэтому всех птичек следует считать сообщниками.

– Вы шутите! – воскликнула Валка.

– К тому же у людей нет когтей, и летать мы тоже не умеем. Ирчтани – опасные союзники.

– Ключевое слово – союзники, – заметила Валка, смерив Османа испепеляющим взглядом. (Даже не знаю, как он не испарился на месте.) – Сэр, если вы так относитесь к союзникам, боюсь представить, что вы делаете с врагами.

– Давайте радоваться, что никто не погиб, – вмешался я, думая о Паллино. – Нам вдвойне повезло, что рядом не было моего сквайра.

– А при чем здесь ваш сквайр? – в замешательстве посмотрел на меня кастелян.

Пришло время проверить кастеляна на богобоязненность. Среди людей своего сорта Осман не был плохим человеком, но его манеры меня раздражали, да и отношение к ирчтани мне тоже претило.

– А вы не знали? Мой сквайр – Александр, принц дома Авентов. Нам с вами крупно повезло, что утром его со мной не было. Трудно представить, что случилось бы, если бы имперский принц пострадал под вашей крышей. – Я почти, почти вздрогнул. – Никакого воображения не хватает.

– Вам следовало поставить нас в известность! – воскликнул сэр Амальрик. – Имперский принц! Здесь, на Гододине?!

Он до смерти перепугался и думал, как теперь оправдаться. Такая реакция меня вполне устраивала. Ему следовало бояться. И оправдываться – ведь я собирался заставить его нарушить протокол.

– Не говорите мне, что я должен и чего не должен, кастелян, – произнес я спокойно, без нажима, но старый лысый солдат все равно еще сильнее перепугался.

– Простите. Не хотел вас оскорбить, – сказал он с поклоном.

Валку все это забавляло. Я шагнул мимо Османа, к окровавленному плащу.

– Как вы планируете поступить? – спросил я, стоя спиной к кастеляну, глядя на Валку.

– Если бы они были людьми, думать бы не пришлось – мы бы подвергли отряд децимации.

Я оторопел. Моя рука застыла на полпути к испорченному плащу. Такого я не ожидал.

– Децимации? – обернулся я, оставив плащ на месте. – Не вижу повода.

– Как я уже объяснял, они не выдают виновных. В таком случае вина ложится на весь отряд.

Децимация. В легионах это было одним из серьезнейших наказаний для солдат. Нарушителей – будь то декада, центурия, хилиада, когорта или даже целый легион – собирали и давали им тянуть жребий, вслепую доставая монеты из сундука. На каждой десятой монете был символ смерти, и тех, кто вытягивал эти монеты, выстраивали к стенке и расстреливали те, кто вытягивал обычные. Их бывшие боевые товарищи. За последние тысячелетия децимацию применяли то чаще, то реже – в зависимости от позиции конкретных императоров. Одни объявляли ее вне закона, другие вновь возвращали. Император Вильгельм Сиберий, названный Импатианом Вильгельмом Жестоким, подверг децимации сразу сто легионов после того, как княжества Джадда объявили независимость.

– Запрещаю, – смерил я кастеляна суровым взглядом.

– При всем уважении, ваша светлость, это решать не вам.

– В легионах служат, должно быть, не больше десяти тысяч ирчтани, – возразил я. – Вы правда хотите войти в историю как человек, истребивший их сотую часть из-за мелкого происшествия? Имперская канцелярия этого не одобрит. А уж я позабочусь особо отметить вас в своем докладе. – Я взял плащ и показал Осману. – На случай, если вы забыли, чья кровь сегодня пролилась. Как, по-вашему,отреагирует командование, если я – жертва – скажу, что ваша реакция была неоправданно суровой?

Осман остолбенел и потерял дар речи.

Я кинул ему плащ.

– Где Удакс?

– Что?

– Тот, кто на меня напал. Ирчтани. Что с ним?

Кастелян тупо посмотрел на меня, словно не понимая, для чего мне это знать.

– Под замком. В карцере, – ответил он, моргая. – Зачем вам?

Он держал окровавленный плащ, толком не глядя на него.

– Теперь его жизнью распоряжаюсь я.

Осман потряс головой:

– Существует протокол. Министерство внутренних дел будет расследовать. Даже инквизицию могут подключить из-за вас и вашего сквайра. Он правда принц?

Я кивнул, и кастелян выругался.

– Лорд Марло, я был очень взволнован и обрадован, узнав о вашем прибытии. Сам Полусмертный на моей базе. Герой Аптукки. Мне не терпелось с вами познакомиться. Я не ожидал... – он махнул рукой, – такого дерьма.

– Он притягивает неприятности, как магнит, – сказала Валка.

– А если это только начало? – спросил сэр Амальрик. – Что, если птицы что-то замышляют?

– Замышляют? Вся тысяча? – Я попытался скопировать испепеляющий взгляд Валки. – Вся тысяча, которую вы за час смогли успешно запереть в казарме? Уж простите, но я бы на вашем месте не беспокоился.

Я дотронулся до пластыря на лице. Несмотря на браваду, внутри меня копошилось мрачное чувство. Что, если кто-то действительно что-то замышляет? Не ирчтани. Я не был специалистом по их повадкам, но нападение Удакса выглядело чересчур внезапным. Неужели кто-то подговорил его напасть?

«Кажется, нам предстоит новое расследование», – подумал я.

Нельзя было исключать, что Удакс был лишь направленным на меня оружием и его поступок был мотивирован чем-то иным, нежели колониальным и межрасовым конфликтом. Или нет?

Я откашлялся и сказал:

– Пока ваши разведчики не вышли на связь, времени у нас в избытке. Я поговорю со старейшиной ирчтани. Он показался мне дружелюбным и открытым к диалогу.

– Барда-то? – Осман отвлекся от изучения моего плаща. – Хороший человек. То есть птица.

– Я побеседую с ним, – сказал я, – а затем – с несостоявшимся убийцей. – Я поднялся, всем своим палатинским ростом нависнув над Османом. – Хотя, скорее всего, нам следует винить в случившемся лишь пылкое эго ксенобита. А вы, кастелян, постарайтесь не устроить геноцид. Я понимаю, что в вашем положении это непросто.

Развернувшись, я направился к выходу, увлекая за собой Валку. Я не собирался давать Осману время на обдумывание.

– Лорд Марло? – окликнул он, и я обернулся. – Ваш плащ, – протянул он мне окровавленную ткань.

– Оставьте, – отвернулся я. – У меня есть запасной.

Глава 12

Удакс

В каземате воняло.

Карцер был вырезан плазменными резаками прямо в скале под крепостью, и стены, хоть и побитые временем, все еще поблескивали, храня следы той давней работы. Если бы не запах пота, портящейся еды и дерьма, я мог бы представить, что спускаюсь в фамильный некрополь в гротах под Обителью Дьявола. Также тюрьма напоминала мне бастилию Капеллы в Боросево, тесную и сырую, однако здесь воздух не был удушливо влажным, как на Эмеше. Она немного походила и на камеру, где мы с Валкой были заточены на Воргоссосе, – в конце концов, все тюрьмы, наверное, похожи.

– Эй! – воскликнул один заключенный. – Ваше высокоблагородие! Какой сегодня день?

– Ничего себе... Полусмертный! – выпянул из-за его плеча другой, с гноющим подбитым глазом.

– Полусмертный? – раздался третий голос. – Что Полусмертный забыл среди смертных?

– Да какой это Полусмертный! Это какой-то проклятый катамит! Черт, а он ничего!

– Лодж, не болтай чепухи. По нему видно, что знатный.

– Какой сегодня день? – повторил первый заключенный.

Я не остановился даже тогда, когда один из них закричал:

– Полусмертный! Я был на Тагуре! Помните меня?

– За что они здесь? – тихо спросил я тюремщицу.

– В основном за пьянство и дебош. К концу недели выйдут, – ответила женщина. – Но есть и те, кого загребли за разбой и убийство. Еще пара насильников. Этим сидеть несколько месяцев, пока не найдем способ их заморозить и выслать на Белушу.

Я понимающе буркнул в ответ. Белуша была колонией-тюрьмой, стоком, куда сливали грязь Империи. Я слышал о том, что в тамошних соляных шахтах заправляют банды, а небо черно от копоти. Мне стало немного жаль этих людей, какими бы ни были их преступления. Большинство из нас попадает в ад уже после смерти.

Камера Удакса была в конце коридора. Я остановился довольно далеко от решетки, на фут дальше красной черты, обозначающей безопасное расстояние от заключенного. Если ирчтани и заметил меня, то не подал виду. Он лежал на нарах спиной ко мне. Кроме нар, в камере были умывальник и туалет – удобства, которых я никак не ожидал увидеть, учитывая, какой запах здесь стоял. В углу на полу лежал пустой поднос.

Когда надзирательница отошла к дальней стене, скрывшись из виду, насколько это было возможно, я укутался в плащ и продолжил изучать камеру.

– Ваш китуун Барда утверждает, что ты его лучший воин, – произнес я тихо и отчетливо. – Не знаю, правда ли это, или он говорит так, чтобы дать мне повод тебя пощадить. Если это в самом деле так, то обидно будет лишиться жизни такую примечательную особь из-за мелкого недопонимания.

– Особь! – ядовито каркнула птица.

– Экземпляр, если тебе так угодно. – Я отпустил плащ и сунул пальцы за пояс. – Тебе почти удалось одержать победу.

– Не «почти», – перевернулся на другой бок Удакс; во мраке сверкнули его острые черные глаза-бусины. – Ты победил лишь благодаря своему мечу.

– А ты проиграл потому, что ввязался в бой, в котором не мог победить, – возразил я, пригвоздив существо классической марловской улыбкой, кривой и зубастой. – Хорошие бойцы не начинают драку, если знают, что не могут победить.

Признаться, мне нравился этот агрессивный ксенобит. Он напоминал смельчаков, которые приходили добровольцами в Колоссо.

– Я бы победил, если бы ты дрался честно, – прищелкнул клювом ирчтани.

– Честно? – повторил я. – Ты размахиваешь зиртаа и при этом заикаешься о честности? Ну уж нет!

Я принялся расхаживать туда-сюда мимо решетки, соблюдая дистанцию на случай, если когтистая птица решит наброситься, но в целом сохраняя спокойствие.

– Из-за тебя твой народ в опасном положении, – сообщил я. – Из-за твоей выходки кастелян запер в казарме весь ваш отряд. Он считает, что вы собираетесь поднять бунт.

– Осман их арестовал?..

Удакс поднялся и, шаркая, подошел к решетке, прокаркал что-то непонятное на родном языке, потом спросил:

– За что?

– А зачем было нападать на меня? – парировал я, поворачиваясь лицом к ирчтани.

Ксенобит схватился чешуйчатыми и когтистыми руками за прутья и просунул между ними клюв:

– Потому что ты меня бесишь.

– Ты меня даже не знаешь, – ответил я таким же мертвенно-ледяным тоном.

– Вы, люди, все одинаковые, – проскрежетал ирчтани. – Думаете, Вселенная принадлежит вам одним. А башан исени хуже всех.

«Все люди одинаковые». Эти слова засели у меня в голове. Плененный в Боросево Уванари говорил то же самое. История повторяется и еще не раз повторится, если мне не удастся осуществить задуманное. Если я не вмешаюсь, Удакса тоже ждет смерть.

– Тебе жить надоело? Подумай хорошенько. Даже если бы тебе удалось меня убить, живым тебя бы не отпустили.

– Но ты был бы мертв, башанда, – указал он на меня когтем.

– Почему именно я? – удивленно спросил я, положив руку на грудь. – Что я такого сделал?

– Ты, как и все остальные, считаешь нас животными, – согнуло пальцы существо.

– Ты злишься, но я тут ни при чем, – ответил я, не впечатлившись. – Я не такой, как другие. – Я возобновил ходьбу, машинально крутя на пальце кольцо. – Ты знаешь, кто я?

Молчание. Я остановился, взгляделся в лицо ирчтани, в серые перья, двойным козырьком нависающие над глазами. Не могу утверждать, ведь ирчтани не был человеком, но я не чувствовал, что ксенобит знает, кто я такой.

– Нет? – спросил я.

– Это должно меня заботить?

– Должно, – сказал я, снова поворачиваясь к птице в клетке. – Я единственный человек, который пытается помешать кастеляну подвергнуть ваш отряд децимации.

Подождав немного, пока птица переварит эту информацию, я добавил:

– И единственный, кто хочет спасти твою шкуру.

Удакс тихо каркнул – я решил, что он смеется.

– Зачем тебе меня спасать? – спросил он, щелкая клювом.

– Потому что мне кажется, что между нами существует недопонимание, солдат, – ответил я, нарочито переступая через красную линию на полу, чтобы оказаться в зоне досягаемости птичьих когтей.

– Милорд, отойдите! – мгновенно отреагировала надзирательница.

– Мадам, повторите еще раз первое слово, – грозно посмотрел я на женщину.

– Милорд?

– Вот именно.

Я шагнул еще ближе к решетке, не показывая, что моя рука под плащом лежит на рукояти меча, направленной точно в живот ксенобита. Здесь требовалась смелость, но не безрассудство.

– А также потому, – продолжил я, – что мне будет очень жаль, если ваше китуун потеряет своего лучшего бойца.

– Ваш, – прищурился Удакс.

– Что-что?

– Мы люди, а не вещи.

Я нахмурился, осознав лингвистическую ошибку. Сьельсины были гермафродитами и обладали одинаковым набором органов, принимая ту или иную гендерную роль в зависимости от социального положения. У ирчтани существовало два пола, которые не совсем соответствовали нашим мужскому и женскому. Однако, подобно нам, ирчтани делили обязанности и функции в зависимости от пола.

– Прошу прощения, – извинился я.

Удакс резко выдохнул и отошел от решетки. Казалось, он удовлетворен. Расставив ноги, он присел посреди камеры, не говоря и не шевелясь. Он был как будто шокирован извинением от башан исени – от «высшего существа». Я подошел и, в свою очередь, схватился за решетку одной рукой. Другая по-прежнему не отпускала меч на случай, если птица все же решила бы напасть. Я рассчитывал, что приближение будет расценено как знак доверия, учитывая, как отчаянно надзирательница просила меня держаться за чертой.

– Может, ты и прав, – произнес ирчтани словно бы про себя. – Может, ты и не такой, как другие.

Я крепче сжал прут и вдруг понял, что уже давно не моргаю.

– Удакс, ответь мне на один вопрос. От твоего ответа может зависеть твоя жизнь и жизни сотен твоих сородичей.

Птицелюд поднял голову и посмотрел на меня с прищуром, с осторожностью, но промолчал.

– Тебя кто-то подговорил? Тебя и тех, кто напал на моего друга Паллино. – Я почти просунул между прутьями голову. – Вам заплатили, чтобы убить меня?

Удакс кивнул.

Внутри меня все сжалось; сосуды погнали кровь к конечностям – древняя реакция загнанного зверя. Но я не был загнанным зверем. В ушах прозвучал голос Гибсона: «Страх убивает разум. Разум убивает страх». Я задержал дыхание, перевел дух и расслабился.

– Кто?

– Человек. Не знаю кто. Предложил достаточно, чтобы мы смогли откупиться от службы и отправиться домой богатыми. Больше я его не видел. – Он вытянул руку и пригладил взъерошенную голову. – Он был похож на этих ваших жрецов.

Капелла. Мне в спину как будто вонзился ледяной клинок. Куда же без нее? Религиозный орден замыслил против меня на Эмеше еще до того, как я убил Гиллиама Васа. Я подозревал, что они строили мне и другие козни, но после Аптукки надеялся, что они не отважатся на столь вопиющие действия против любимца императора. Я вспомнил, как Каракс попросил у меня благословения. В Капелле решили, что я угрожаю их авторитету? Сочли, что я возомнил себя пророком?

– Откуда ты знаешь, что это был жрец?

– Он называл нас низшими существами прямо в глаза. Солдаты не такие. Они нас просто птицами зовут. И он прятал глаза.

«Катар?» – подумал я.

Жрецы-палачи носили на глазах муслиновые повязки. Они были служителями правосудия, а правосудие слепо.

Подумав о глазах, я вдруг вспомнил о тех, что сейчас буквально прожигали мне затылок. Мне потребовалось усилие, чтобы не повернуться к надзирательнице.

– Эй, – сказал я, не оборачиваясь, таким тоном, чтобы было понятно, к кому я обращаюсь. – Подождите меня в конце коридора.

– Милорд?

– Опять?! – рывкнул я, возможно чересчур грубо; эта женщина не сделала ничего плохого, однако ее уши вполне могли быть ушами кого-то еще. – Идите!

Грубостью я мог мало чего добиться. Даже если она не была связана с моими недоброжелателями, но тот, кто следил за происходящим в тюрьме с помощью камер, – мог. Хотелось бы мне обладать хотя бы частью способностей Валки, даже ценой установки машины в голове. Я взглянул на ближайшую камеру так, что у нее едва не треснула линза.

Но не треснула. Камера оставалась холодной и бесстрастной, как железо, и угрожающей, как сталь.

Я наклонился к Удаксу, сожалея, что не могу поговорить с ним на его языке, как со сельсинами:

– Ты наверняка понимаешь, что тебе ничего не заплатят. Заговорщик рассчитывал, что тебя и твоих друзей ждет смерть. Все должно было выглядеть так, как будто группа... диких нелюдей набросилась на рыцаря Империи. Обвинили бы весь ваш народ.

Удакс обхватил колени чрезмерно длинными руками. Я не знал, могут ли ирчтани бледнеть, отливает ли кровь от их покрытых перьями лиц.

– Значит, тебе не сказали, кто я? – спросил я.

Он помотал головой.

Я ему рассказал.

– Так ты важный? – только и спросил Удакс. Он обо мне даже не слышал. Это было удивительно, но не невозможно.

– Достаточно важный, чтобы из-за меня испортить жизнь тебе и всем твоим сородичам.

Но недостаточно важный, чтобы придумать лучший план. Это было не похоже на работу Капеллы. Неуклюжий, наспех сочиненный заговор. Капелла могла меня отравить, подстроить крушение шаттла. Подослать наемного убийцу-мандари под покровом ночи, испортить резервуар с антиматерией на «Тамерлане», угробив корабль со всей командой. Но это? Я вновь почувствовал себя в темном лабиринте; за спиной слышались чужие шаги. Даже когда наши глаза видят четко, мы остаемся слепы. Мы не замечаем того, чего не знаем. Следует быть готовым к клинку во тьме, ведь во тьме может скрываться все, что угодно.

Лучше быть начеку.

Удакс поежился, укрываясь огромными крыльями, как летучая мышь.

– Что с ними будет?

Я вновь покосился на камеру, на офицеров, наверняка следивших за нашим разговором.

– Ты должен назвать имена сообщников. Тех, кто помогал тебе в нападении.

Я согласился добыть эту информацию для Османа, чтобы развеять его глупые опасения насчет бунта. Тут я осознал, что о слухачах волноваться было нечего. Если это были люди Османа, я мог их подкупить или пригрозить самому Осману. Он и без того был до смерти напуган мной и Александром. Я не сомневался, что он не был причастен к покушению. Из него слишком плохой актер.

Его тоже можно подкупить.

– Их казнят?

– Нет, – ответил я, говоря на камеру. – Их подвергнут порке. Как и тебя. С этим я ничего поделать не смогу.

Я не стал добавлять, что тот, кто их нанял, может вернуться, чтобы избавиться от свидетелей. Это было возможно, но маловероятно. Заговорщик наверняка хотел бы спрятать концы

в воду, но я собирался устроить из порки публичное представление – не из жестокости, но потому, что после этого внезапное исчезновение выпоротых ирчтани не осталось бы незамеченным. Любое действие моих неизвестных недоброжелателей привлекло бы огромное внимание.

– Я убедил кастеляна расценить происшествие как простую драку между солдатами. Вас накажут так, как наказали бы людей за такой же проступок.

На самом деле это будет даже менее суровое наказание. За нападение на палатина любого человека без исключения ждала смертная казнь. Таковы привилегии меньшинств.

Ирчтани поднялся, опустив клюв и сложив руки.

– Если так, – помедлив, начал он, – то я понимаю. – И протянул мне руку.

Проверка? Ни один палатин не пожал бы руку крестьянину, не говоря о ксенобитах вроде Удакса. Но я не был обычным палатином. Я бывал в местах куда хуже и омерзительнее, чем эта клетка. Тихо, незаметно я переложил рукоять меча из правой руки в левую и взял когтистую руку Удакса. Чешуя была холодной и сухой, когти – колкими. Я не стал пожимать ее, как человеку, – в этом не было нужды.

– Нас было четверо, – сказал он. – Я, Гааран, Ивар и Луэн. Если в драку влез кто-то еще, то сгоряча. Другие ничего не знали.

– Спасибо, – сказал я и убрал руку.

– Когда? – спросил Удакс.

– Порка-то? – Я отступил и прицепил меч на магнитную защелку. – Дня через два. У тебя будет время подумать, когда нужно выхватывать меч, а когда лучше держать его в ножнах.

Глава 13

Слишком близко к солнцу

От выставленных на плацу позорных столбов разбегались тени, подгоняемые закатным солнцем. Я до сих пор помню их отчетливо – они словно сами были тенью столба, у которого наказывали досточтимого Гибсона. Я стоял на ступенях казармы с сэром Амальриком. Его подчиненные держали караул, пока четверых ирчтани пороли кнутами их же сородичи. Сбоку стоял китуун Барда, наблюдая, как четверка его солдат сносит наказание. Поначалу они вообще не кричали, но потом начали, и на их крик тут же ответили остальные ксенобиты, каркая что-то в небеса.

С моего места была четко видна черта, разделявшая два наших народа. Человек и ирчтани, люди и ксенобиты. И хотя ирчтани по своей воле сражались за нас, я думал о том, что между трибуной и плацем невозможно навести мосты – столь чужими друг другу мы казались.

Но позорные столбы не были расстрельной стеной, а ксенобитов наказали четверых вместе сотни. Ни в чем не повинные солдаты не получили монет с ликом смерти. Хотя бы это было хорошо.

Люди приходили ко мне за пророчествами, спрашивали о будущем. Я ничего не мог им ответить. Мы сами выбираем, кем нам стать, и можем сделать плохой выбор. Я знаю лишь, что выбирать – и жить с последствиями выбора – рано или поздно придется. Свой выбор я сделал. Возможно, пройдут века, и ирчтани расселятся по всей Империи. Станут капитанами кораблей, схоластами-советниками лордов, а может, и самими лордами. А может, они исчезнут, как аркостроители Озимандии, как сама древняя Озимандия. Я не знаю. Я могу лишь заявить, что спас четверых из них – или сто.

Тогда я надеялся, что этого достаточно.

Тем не менее мы устроили из порки настоящий спектакль. На плацу собрался весь персонал Форты Дин, и мне даже удалось убедить Османа провести трансляцию для гражданских. Говорят, что свет – лучший очиститель. А заодно и антисептик. Если бы нам сопутствовала удача, порка ирчтани стала бы крупнейшим событием на Гододине. Удакс со товарищи были бы в безопасности – по крайней мере, пока я был там. Я надеялся, что этого тоже будет достаточно.

Когда арестантов увели, толпа разошлась, а я остался на плацу. Подошло время ужина, но аппетита не было. Я подошел к столбам в сопровождении телохранителей, державшихся на почтительном расстоянии. Потрогал глубокие борозды, оставленные когтями ирчтани, избегая пятен зеленоватой подсыхающей крови.

Как это часто бывало, я представил в сторонке моего старого учителя Тора Гибсона, допрашивающего меня, как в детстве.

«Чья рука направила несостоявшегося убийцу?» – произнес его воображаемый голос.

– Могла быть чья угодно, – пробормотал я, пряча кулаки в карманы, чтобы ненароком не вляпаться в кровь.

Я остался один посреди плаца. В поле зрения были лишь четверо моих телохранителей в нескольких десятках шагов от меня и занятые своими делами служащие форты. На крепостной стене горный ветер трепал флаг с имперским солнцем.

«Не чья угодно». мысленно я представил, как старый Гибсон качает головой.

– Это не Капелла.

«Уверен?»

Ветер взялся за мой плащ и волосы.

– Действовать так открыто – не в духе Капеллы, – ответил я, поднимая глаза, чтобы поймать последний луч солнца, которое мне предстояло погасить. – Подослать катара, подкупить ирчтани? Слишком очевидно.

«Разумеется, это не Капелла. Мальчик мой, ты как никто умеешь наживать себе врагов». (Я отчетливо услышал сарказм в голосе старика и улыбнулся, даже несмотря на мрачную, гнетущую атмосферу, создаваемую столбами.) «Знаешь легенду об Икаре?»

– Кто же ее не знает?

«Много кто, – ответил мой внутренний Гибсон. – Ты взлетел слишком высоко и слишком быстро, и слишком много солдат превозносят тебя». (Я вспомнил Каракса и то, как пластался передо мной Осман.) «Империи не нужны герои, а ты все равно хочешь им стать. Они почувствовали, что теряют контроль над повествованием, и испугались».

Трава вокруг столбов была истоптана, бледно-зеленые стебли смяты. Здесь ходили и люди, и ирчтани.

– Император.

«Возможно, но маловероятно. Он не послал бы с тобой Александра, если бы хотел уничтожить». Я представил, как Гибсон стучит тростью по земле, расставляя акценты, представил легкое подобие улыбки на его морщинистом лице. «Да, он хочет тебя изолировать. Остановить твой полет. – тут Гибсон улыбнулся по-настоящему. – Но у него не выйдет».

– Почему? – спросил я, наблюдая, как тени убегают от меня в сумерках. Но я и сам знал. – Потому что солдаты не перестанут сочинять обо мне легенды. Чем дольше меня не будет, тем длиннее и живописнее эти легенды станут.

Я кивнул в сторону теней, задумавшись о том, насколько длиннее они были столбов, их отбрасывающих, задумавшись о лжи, окружавшей мою победу на Аптукке. Лжи, украсившей мою легенду.

– Этого может оказаться вполне достаточно.

«Особенно если ты и здесь решишь все проблемы».

– Это сомнительно.

«Гвах! – Гибсон ответил мне бессмысленным возгласом, давая понять, что мои доводы – чепуха. – Ни в каком деле успех не гарантирован. Но если ты вернешься с победой, может статься, что окажешься слишком близко к солнцу».

Слишком близко к врагам.

Сунув пальцы за пояс, я зажмурился. Из темноты выглянули лица. Браанок. Бурбон. Император. Императрица. Другие. Я увидел тощего синарха Виргилиана, верховного жреца Капеллы, и Тита Хауптманна. Принцессу Селену, кронпринца Аврелиана и принцессу Ирену. Сотни лиц. Тысячи. Любой из этих людей мог подкупить Удакса. Любой мог желать мне смерти.

«Или все сразу», – заключили мы в один голос с Гибсоном.

Глава 14

Просьбы и требования

– Как видите, поступили первые данные от разведчиков. Они прибыли к ретранслятору три дня назад и запустили зонды. Телеграф собирает информацию, но пока никаких улик не найдено, – сообщила все та же застенчивая девушка-аналитик, жестом указывая на голографический дисплей посреди стола, на котором демонстрировалось разрастающееся, словно золотой нимб, пространство вокруг алой точки, обозначающей ретранслятор.

Тор Варро постучал пальцами по столу и взял слово:

– Это, мягко говоря, неудивительно. Прошло всего три дня. Не стоит ожидать полезных находок в ближайшие несколько лет.

– Разведчики разошлют легкие зонды по разным направлениям. Когда придет время отправлять экспедицию, территория будет охвачена почти полностью, – сказала аналитик и вбила на клавиатуре команду, подсветив несколько синих точек, раскинувшихся, словно созвездие, по пространству вокруг передатчика.

Сотни кубических световых лет пустого пространства. Тысячи. Я представил, как отправляются легкие зонды – крошечные сканеры размером не больше человеческого зрачка. Как они почти мгновенно набирают близкую к световой скорость и летят в бескрайней тьме, пока не найдут... что-нибудь. Космос холоден и пуст, и пропавшие корабли легиона должны быть яркими и горячими при абсолютном нуле. Но по сравнению со звездами наши корабли малы, и Тьма не покажет их, пока мы не подлетим достаточно близко, чтобы почувствовать их тепло.

Если предположить, что они действительно где-то там.

Если предположить, что нам есть что искать.

– Тогда решено, – сказал я, обращаясь одновременно ни к кому и ко всем сразу, как делал мой отец; я не сводил глаз с голограммы. – Отправляемся в конце недели.

– Так скоро? – опешил сэр Амальрик.

– Скоро? – повторил я, поворачиваясь к нему. – Кастелян, там мертвые или замороженные люди. Хотите, чтобы я еще подождал?

Разумеется, я его понимал. До передатчика у станции «Дион» лететь несколько лет. Если добавить те годы, что мы добирались до Гододина, было весьма вероятно, что спасать уже некого. Осман считал ту экспедицию погибшей. Могло ли его желание задержать нас как можно дольше быть заботой о нас? «Оставайтесь погостить еще, лорд Марло, ведь вас в любом случае ждет неудача». Возможно, это и правда была забота.

Но чужая забота мне была не нужна. Я хотел добиться успеха.

«Неделей больше, неделей меньше... – говорил он. – Если задержитесь, вреда не будет».

Тогда я поднялся, понимая, какое впечатление это произведет, и отошел от стола к поляризованному окну. Несмотря на затемненное стекло, я видел внизу под горой город Катрает и Зеленое море. Я и сейчас вижу их отчетливо – хотя никто более никогда не увидит, и совсем скоро не останется почти никого, кто еще их помнит. Белые купола, башни, шум и гам кипучей жизни. Ветер в травах и злаковые поля, где выращивали бромос. Сложив руки за спиной, я немного постоял молча, проявляя терпение, которому научился, ожидая отца и Кхарна Сагару. Сэр Амальрик Осман со всей его заботой порядком меня утомил. Мне хотелось, чтобы он почувствовал себя неловко, и я ждал. Десять секунд. Двадцать.

Тридцати хватило.

– Господин Дюран, сколько отсюда до ретранслятора? – спросил я.

Дюран откашлялся.

– Примерно одиннадцать лет. За разведчиками нам не угнаться. «Тамерлан» быстр, но не настолько.

– Одиннадцать лет... – повторил я.

И еще два до Немаванда. Мне предстояло находиться вдали от Форума больше двадцати четырех лет. Может, вдвое дольше.

– Если отправимся сейчас, – сказал я, – то есть шанс, что прибудем как раз тогда, когда ваши разведчики обнаружат врага. Я понимаю, что лишняя неделя или две большой разницы не сделают, но могут сделать маленькую. – По-прежнему стоя спиной к собравшимся, я добавил: – Учитывая недавнее происшествие, надеюсь, вы поймете мое нежелание задерживаться.

Я не стал говорить, что опасаясь второго покушения, если останусь на Гододине. Осман знал все подробности нашей беседы с Удаксом в тюрьме, но одного лишь намека на заговор Капеллы было достаточно, чтобы заставить его держать язык за зубами. Надзирательницу и сотрудников службы мониторинга по-тихому перевели на другие посты – на полярную станцию или вообще за пределы планеты. Сами записи уничтожили, чтобы никто не узнал, что мне известно о заговоре.

– Однако непродолжительная задержка может быть необходима, – заключил я.

Осман не ответил, и мне стало немного жаль его. Безусловно, мое прибытие существенно осложнило ему жизнь. Управлять логистикой снабженческой базы вроде Форта Дин и так было непросто, но присутствие Викторианского рыцаря и принца, не говоря уже о едва не удавшемся покушении, не входило в перечень повседневных забот кастеляна.

Над головой кружили два флаера – судя по угловатым силуэтам, истребители класса «Сапсан».

– Мой сквайр предложил направить к Немаванду второй конвой в сопровождении Красного отряда на «Тамерлане».

– И вы хотите собраться за неделю?

Я узнал раздавшийся из-за спины голос. Это был не Осман и не Верус, а старший офицер Руан, директор орбитальной станции Гододина, расфуфыренный заведующий доком и жалкий маленький кретин.

– Это невозможно, – сказал он, – что бы там ни говорил ваш сквайр.

– Осмелюсь напомнить, комендант Руан, что мой сквайр – принц Александр из дома Авентов, и его план весьма хорош, – повернулся я к круглолицему коротышке, попутно кивнув Александру, который тут же приосанился в кресле. – Даю вам две недели.

Я поднял руку, показывая, что не потерплю возражений. Руан брызгал слюной, его голографический силуэт мерцал в полумраке. Он участвовал в совещании прямо с орбиты, с помощью голографического проектора, и его призрачная голова и плечи как бы парили над креслом, а остальное тело скрывалось в тени.

– Надеюсь, людей у вас хватает, – высказался я.

На базах вроде Форта Дин обычно содержались тысячи имперских солдат в крионической фуге. Я не сомневался, что внутри горы и на орбите спали несколько десятков тысяч.

Кто с точностью знал, сколько солдат лежало в имперских хранилищах? Я старался не думать о них как о трупах, ожидающих шанса восстать из мертвых, и не вспоминать тысячи колонистов, которыми по распоряжению Тита Хауптманна Райне Смайта расплатилась с Кхарном Сагарой, пополнив его армию живых мертвецов.

– Конечно, конечно, люди найдутся, – ответил Руан. – Но вы не в полной мере способны оценить всю сложность задачи, объем предстоящей работы. Нужно подготовить корабли, распределить ресурсы, топливо...

– Это меня не волнует, – снова вскинул я руку. – У вас две недели. Не больше...

Я повернулся к Осману, сидевшему в дальнем конце стола у выхода. Кастелян выглядел измотанным, его покрытое шрамами обветренное лицо напоминало неудавшийся пудинг.

– Если, конечно, кастелян не желает наложить на мой приказ вето.

– Нет, – помотал головой сэр Амальрик. – Но почему вы считаете, что после стольких неудач эта экспедиция удастся?

– Даже если мы не сможем выяснить, что случилось с предыдущим конвоем, мы доставим на Немаванд подкрепление. А что касается вашего вопроса... – Я взял достаточно длинную паузу, чтобы посмотреть на Александра и сухо ему кивнуть. – По мере приближения к «Диону» мы выведем из фуги всех солдат на борту. Врагу не удастся застать нас врасплох, как, вне сомнения, случилось с другими. И при всем уважении, в ваших конвоях не было корабля, сравнимого с «Тамерланом».

В цехах «Красная звезда» на Гермонассе и Ласайе было изготовлено всего семнадцать дредноутов класса «Эриэль». На то была причина. Цитируя одного из предшественников лорда Бурбона в военном министерстве, они были «дороги и чересчур наворожены». Команда «Тамерлана» составляла более пятнадцати тысяч человек плюс семьдесят пять тысяч спящих в фуге легионеров плюс еще пять тысяч аквилариев, пилотов легких кораблей: истребителей «Пустельга» и «Сапсан», транспортников «Ибис» и абордажных кораблей «Сорокопут». Корпус был буквально наштапигован пятью тысячами орудий для защиты от абордажа, и это не считая надфюзеляжных плазменных пушек, магнитного гарпуна, ракет, высокоэнергетических лазеров и мазеров, атомных и антилитиевых бомб и электромагнитной пушки длиной в милю, способной одним выстрелом разнести в пыль крупный астероид.

Все это сейчас отпечатывалось во впалых глазах сэра Амальрика.

– Приступайте, – махнул он голограмме Руана.

– Сэр?

– Приступайте, черт вас дерит, – повторил кастелян и вновь обратился ко мне: – Проклятье, моим людям придется трудиться круглые сутки, чтобы успеть к сроку.

Окинув взглядом стол переговоров, я понял, что так и будет. Мои требования возмутили не только коменданта станции. Большинство собравшихся мужчин и женщин – более двух десятков – нервно ерзали, копаясь в бумагах и кристальных планшетах, или тупо смотрели в стол. Осман никак не мог мне помешать. Он был старшим офицером в Форте Дин, да и на всем Гододине, но ему не хватало смелости наложить вето на требование имперского рыцаря. Я не был ауктором, не говорил от имени императора, но все знали, что тот ко мне благосклонен, что послушание августейшего слуги его величества грозит серьезными последствиями. Хуже того, я был не простым слугой, а Красным Дьяволом Мейдуа, черным рыцарем и ручным колдуном императора. Я был Полусмертным, человеком, которого, по слухам, нельзя убить.

Я не мог позволить себе извиниться.

– Надеюсь, кастелян. Император не прощает неудач, – сказал я и укутался в плащ, оставив на виду лишь левое плечо. – Я тоже.

– Кастелян Осман, сэр, – раздался голос от середины стола. – Если для экспедиции к Немаванду нужны корабли, я готов предоставить свой. – Говорил Махендра Верус, темноволосяй, смуглый капитан «Минтаки». – Мы закончили ремонт и находимся в полной боевой готовности, чтобы сопровождать транспорт.

– Руан, сколько у вас людей на станции? – спросил сэр Амальрик, подпирая голову руками.

– Двадцать когорт, – мгновенно ответила круглолицая голограмма.

– Сто двадцать тысяч. – Осман обдумал, пережевывая информацию. – Мы разбудим двадцать тысяч из подземного хранилища. Эти двадцать когорт... они не из одной флотилии?

– Выжившие с Барговрина, – помотал головой Руан.

– Придется собрать из них новые легионы, – сказал Осман, почесав переносицу.

Я ему не завидовал. Предстояло прогнать множество документов через Форум и канцелярию легионов на Аресе. Старые легионы признать прекратившими существование, а их

номера назначить новым, собранным в фортах вроде этого. Я действительно дал им слишком мало времени.

Но прекращать давление я не собирался.

– Еще кое-что, – сказал я, косясь на Валку, которая молча сидела недалеко от меня, рядом с Варро. Это была ее идея.

Подождав, пока кастелян с помощниками приготовятся к очередному безумному требованию распроклятого чертова рыцаря, я продолжил с позволения Валки:

– Солдаты-ирчтани.

– А они здесь при чем? – спросил комендант станции.

– Они мне нужны, – отрезал я.

Я хотел забрать их, чтобы оградить не только от того, кто подговорил Удакса напасть на меня, но и от местных солдат, которым могло прийти в голову отомстить. Из страха – страха перед чужим и неведомым.

Несомненно, организатор покушения попытается замести следы. Как только я улечу, все быстро забудут о покушении, и устранить нескольких солдат из ауксии, будь то ирчтани или люди, не составит большого труда.

– Вы... хотите взять их с собой? – Сэр Амальрик не сразу понял, что я имею в виду.

– Кастелян, я ясно выразился. Я хочу, чтобы отряд ирчтани на время этой миссии перевели под мое командование.

– «Тамерлан» может разместить в крионической фуге до ста тысяч солдат, – откашлявшись, сказал Бастьен Дюран. – У вас на станции есть ясли для ирчтани?

– Э... – Амальрик глазел по сторонам, переводя взгляд с одного подчиненного на другого. Ему на подмогу пришел Верус:

– Милорд, при всем уважении, они ведь пытались вас убить.

Я одарил всех присутствующих лучезарной улыбкой до ушей.

– Пытались.

Больше я ничего не сказал. Я пришел сюда не для того, чтобы объясняться, а для того, чтобы выдвигать требования. Я впери́л взгляд в Османа. Кастелян был едва ли не единственным, кто хотя бы понимал мои намерения. Пусть остальные думают, что я самодур или безумец. Что я жаден. Что я лично хочу наказать ирчтани, что я мстителен и жесток. Пусть думают, что мне хочется, уж простите за игру слов, украсить шляпу еще одним пером. Меня это не волновало.

– Выполняйте его требования, – раздался резкий голос от середины стола.

Принц Александр внимательно смотрел на сэра Амальрика. За время нашего пребывания на Гододине принц усердно старался не выделяться ни до того, как я сообщил Осману, кем он был, ни после. Поэтому все крайне удивились, когда он заговорил.

Осман схватился за голову и едва не ударился лбом о стол. Спустя секунду его примеру последовали еще несколько человек, и в конце концов весь старший персонал Форты Дин поклонился. Мои люди – нет. Александр был моим сквайром, а не их принцем. Для офицеров-легионеров все было иначе. Ослушаться было нельзя. Любая просьба персоны императорских кровей была равносильна приказу. Как там император озвучивал свои требования?..

«Я прошу и требую...»

Валка задорно рассмеялась и прошептала что-то вроде «anayoch».

Варвары.

Я криво улыбнулся – не столько в ответ на наивное высокомерие Валки, которое для меня превратилось в удобную форму несогласия, равно как и мой упрямый традиционализм – для нее, – сколько в ответ на реакцию офицеров. Я вновь задумался о том, как ирчтани зовут палатинов. Высшие существа. Не уверен, что согласен с такой формулировкой, но формули-

ровка не обязана быть точной, чтобы иметь силу и вес. Именно поэтому Осман прижимался лбом к столу.

– Ваше достопочтенное высочество, мы сделаем все, как вы пожелаете, – дрожащим голосом ответил он.

Александр повернулся ко мне с улыбкой, как бы говорящей: «Если бы я знал, что это будет так легко, я бы сразу взял слово». Я ответил жестом, постучав по груди большим пальцем. В Колоссо это означало одобрение. Он заулыбался еще шире.

– Значит, решено? – спросил китуун ирчтани Барда, пряча лицо от ветра.

Мы с ним, Удаксом и несколькими центурионами стояли на окружавшей Форт Дин символической стене. Со мной были Александр, Бандит и телохранители. Барда встряхнул крыльями, как будто замерз, и уставился на меня глазом-бусиной. Он менял позу с резкими поптычи, прерывистыми движениями, заставив меня вспомнить о параллельной эволюции и панспермии⁴.

И о Тихих.

С мыслями о Тихих пришли воспоминания о Ревущей Тьме, о том, как меня лишили головы, и о двух правых руках. Я закрыл глаза, пожелав про себя, чтобы солнце прогнало эти кошмарные галлюцинации.

– Кастелян согласился досрочно прервать ваше обучение. Вы будете сопровождать нас на Немаванд, – сказал я, открыл глаза и, посмотрев на Удакса, добавил: – Вас бросят в бой чуть раньше, чем вы рассчитывали.

Это заявление было встречено хором щебечущих голосов и щелканьем клювов. Звук заставил меня улыбнуться, вспомнить голографические оперы на сюжеты о Симеоне, принце Файде и мятежниках.

В детстве мир кажется нам волшебным, пока взросление не уничтожает магию, с которой мы рождаемся. Когда мы вырастаем, нас уже не удивить новыми впечатлениями и далекими странами. Мы становимся холодными и циничными. Но я уже тогда чувствовал себя старым, несмотря на внешнюю молодость. Сколько мне было – сто, сто пятнадцать? Не помню. Но в старости волшебство возвращается, если ты открыт к нему. Молодое, сырое дерево не горит, но для старого и сухого хватит одной искры, чтобы разжечь пламя. Таким же образом несущественные на первый взгляд события заставляют пылать сердца тех, у кого есть время и желание обратить на них внимание.

А если гореть долго и ярко, как я, можно вернуться к непреложной детской истине: мир ученых, инженеров и математиков не существует. Мы живем в сказках, в мире легенд, который постоянно атакуют демоны. Мы – герои и драконы. Божественные и злые. Мне казалось, что сам Симеон стоит рядом со мной, как я когда-то стоял рядом с Кхарном Сагарой в его вечном дворце, в порочном ковчеге и Эдемском саду, скрытом под висячей пирамидой.

Как чудесно, что мы живем в одной вселенной с этими легендарными персонажами! Дышим тем же воздухом, которым дышал Александр Македонский. Первый кесарь. Бог-Император и истребленные им мерикани.

– Милорд?

– Прошу прощения, – спохватился я. – Я замечтался.

По правде говоря, я любовался красотой раскинувшейся под нами земли. Алебастровый Катрает сиял в лучах солнца, а море травы за ним переливалось зеленью и золотом. Вдалеке похожий на жука огромный комбайн полз по полю, мерцали, подобно клинкам, серебряные

⁴ *Панспермия* – гипотеза о возможности переноса живых организмов или их зародышей через космическое пространство. Согласно этой гипотезе, жизнь на Земле также зародилась в результате занесения ее из космоса.

наблюдательные вышки. Я вспомнил, как стоял на другой крепостной стене. Другое время. Другой Адриан.

«Даже когда мир жесток, Адриан, сосредоточься на его красоте. Уродство мира будет наползать на тебя со всех сторон. Тут уж ничего не поделаешь».

В конце концов Гибсону на себе пришлось почувствовать все уродство мира, но красота от этого не исчезла. Красота, правда и доброта, уничтожить которые человеку не под силу. Так я думал тогда, не зная, что придет день, когда этот белый город, это Зеленое море, эти люди, машины и серебряные башни навсегда сгинут в пламени.

Ибо есть истины и добродетели, что превыше красоты.

– Что с нами... будет? – спросил Барда, не сводя с меня ярких глаз-жемчужин.

– Вы полетите со мной на Немаванд, поможете найти пропавший легион и будете сражаться вместе с нами, если на нас нападут, – ответил я, возвращаясь с небес на землю.

– Нет, нет. Потом, – помотал головой Барда.

– Он хочет знать, что вы собираетесь делать потом. Мы ожидали приказа на фронт, – пояснил Гааран, молодой ирчтани с еще более ярким, чем у Барды, зеленым оперением. Он был одним из тех, кого выпороли вместе с Удаксом. Тем, кто напал на Паллино. – Нам обещали хорошую драку, человек-дьявол.

– Полетев с нами, вы получите ее скорее, чем отправившись в Вуаль, – ответил я. – А что будет после Немаванда, я не знаю. Придет время – обсудим.

Вновь повернувшись к Барде, я продолжил:

– Большинство ваших солдат погрузят в спячку и перевезут на мой корабль в течение ближайших дней. Вы и эти ребята отправитесь на нашем шаттле.

На стене не было укромного места, чтобы подслушивать, но я все равно соблюдал осторожность. Неизвестно, кто был мне другом, а кто врагом.

Я осмотрелся в поисках дронов-камер, но ни одного не заметил и добавил:

– Есть вероятность, что тот, кто подговорил ваших ребят выкинуть прошлый фокус, попытается устроить еще что-нибудь.

– Вы нас защищаете? – с нескрываемым, даже несмотря на различия между нашими расами, изумлением спросил Удакс.

Я отвернулся от ирчтани к своим: Бандиту, Александру и телохранителям.

– Нет, – ответил я. – Я веду вас на войну.

Глава 15

Тени Эринии

Гододин.

Сколько раз я пролетал над Гододином до того последнего дня? Десять? Больше? Я ясно вижу его в ночи, припорошенного снегом, украшенного флорой, с вуалью из облаков. Внизу и за мной команда мостика готовилась к отлету. Солнце поднималось над зеленым пейзажем планеты.

Мое солнце.

Впереди высилась громада станции легиона, настоящий замок без фундамента и макушки, разместившийся во мраке между Гододином и его одинокой серебристой луной. Мы летели вниз головой, так что Гододин вместе со станцией были над нами, и при переходе на более высокие орбиты мы как бы поднимались сквозь хрустальные небесные сферы.

Я задумчиво разглядывал далекие звезды. Пропавшие легионеры почти наверняка погибли, и наше задание изначально было обречено на неудачу. Воспоминания о миссии на Эринии реяли надо мной, как альбатрос – вестник беды. Там я тоже искал пропавших людей – и нашел. Но их настигла участь хуже смерти. Они были превращены в механических марионеток, суррогатный обслуживающий персонал – СОПов на службе экстрасоларианцев. Нам удалось найти несколько сот выживших мужчин и женщин, которых еще не успели преобразовать. Но это были считанные крохи. Несмотря на призрак Сириани Дораяики, накрывший Империю бледной дланью, я подозревал, что за исчезновением легионеров тоже стоят экстрасоларианцы. Кхарну Сагаре заплатили плотью за сделку с Аранатой Отиоло. У него было достаточно биоматериала, чтобы создать два легиона рабов-химер, а компания с Эринии – МИНОС – работала над механическими улучшениями для съельсинов. Для Сириани? Или Бич Земной был не единственным съельсинским вождем за доской? В Империи многие предпочитали думать, что играют со съельсинами в шахматы или друажу, переставляя рыцарей, пешки и ладьи. Но в игре участвовало больше двух игроков, это точно.

– Получено разрешение покинуть орбиту, мэм, – сказала начальник связи Феррин, чей пост располагался у меня за спиной.

Я не стал оборачиваться, не сводя глаз с Гододина и своего солнца.

– Хорошо, – коротко, четко ответила капитан Корво. – Лейтенант Коскинен, приступайте. Курс на сорок градусов от лунной орбиты. Придерживаемся эклиптики.

– Так точно.

– Лейтенант Уайт, вы получили координаты для гиперпространственного скачка?

– Да, мэм.

– Хорошо.

Несмотря на то что иллюминатор передо мной был имитацией, он симулировал вид за окном. Мостик «Тамерлана» располагался в передней части брюха корабля, почти на носу, защищенный сверху тяжелой надфюзеляжной броней, а снизу – основной оружейной батареей, поэтому я смотрел сквозь лес стволов и щитовых проекторов, торчащих, словно пальцы. Они напоминали мне о готических ужасах «Демииурга», о железных солдатах, подобно изваяниям святых или горгульям защищающих парапеты затерянного храма.

Станция легиона, напротив, была белой и чистой. Есть что-то удивительное в том, как светит солнце в космосе. В безвоздушном пространстве свет не преломляется и не меркнет, сияет ярко и ослепляет, словно лазерный луч. Он придавал доку неестественный вид, делая его похожим на выгравированный на поверхности город. Я посмотрел вверх – то есть вниз – на

военные крейсера и фрегаты, транспортники, эсминцы и штурмовые корабли. В лучах солнца они казались чернее, чем космическое пространство.

– Это наш конвой? – спросил Александр, занимавший место рядом со мной.

Он указал на четыре корабля, поднимавшиеся со станции к верхней орбите, на которой мы находились. Мы должны были опередить их, чтобы они пристроились за нами, последний раз обогнуть Гододин и устремиться в гравитационный колодец, во Тьму и неведомое нам будущее.

Я знал названия кораблей. «Гордость Замы», «Андрозани», «Кирусин» и «Минтака» капитана Веруса – замыкавший караван тяжелый крейсер длиной более пяти миль. Но даже он казался крошечным на фоне планеты и простиравшейся за ней необъятной тьмы.

– Он самый, – ответил Бандит.

Ему, как начальнику службы безопасности, во время путешествия делать было почти нечего, и поэтому он присоединился к нам на мостике, чтобы посмотреть за прыжком в варп.

Я обрадовался, что принц с моим ликтором помирились, и приветствовал Бандита кивком.

– «Из городишек далекой страны мы пришли...» – процитировал я, глядя, как другие корабли спускаются – поднимаются – к нам.

– Это... классический английский? – спросил Александр.

– Не тот ли парень, которого ты постоянно поминаешь, Шекспир, или как его там? – добавил Бандит.

– Киплинг⁵, – помотал я головой и объяснил, в чем символизм этого стихотворения, хотя из нас троих лишь Бандит был из маленького городка. Через мгновение я спросил: – Все ирчтани в фуге?

Бандит сложил руки. Он так и не привык к официальной форме и был в привычном просторном кафтани.

– Так точно. Окойо руководит процессом. Вскоре после прыжка останется только необходимый персонал. Ты тоже в морозилку?

– Не сразу.

С некоторого времени я взял в привычку не ложиться в фугу, пока не проведу хотя бы полгода в сознании. Слишком частая заморозка грозила повреждениями мозга и криоожогами.

– Есть работа, – пояснил я.

На самом деле мне лишь хотелось побыть вдали от бюрократов и аристократов. Меня часто посещала мысль, что наши древние предки зря открыли способ продления жизни на сотни лет. Я был еще молод, но уже достаточно стар, чтобы испытывать отвращение от политики и тому подобных вещей.

Больше я об этом не задумываюсь.

– Значит, нас таких двое, – сказал Бандит. – Я тоже улягусь в числе последних, а проснусь первым, как только окажемся у цели.

План был таков, чтобы разбудить весь персонал, когда мы окажемся в секторе, где расположен ретранслятор. Бандит, как начальник службы безопасности, должен был обеспечивать порядок и не допустить трений между девяноста тысячами человек и тысячей ирчтани. Впрочем, от своих людей я никаких глупостей не ожидал.

– Тридцать секунд до перехода на субсветовую, – объявил лейтенант Коскинен.

– Присядьте, ваше высочество, – сказал Бандит принцу, отводя его в сторону. – Супрессионное поле включено, но тряхнет все равно не по-детски.

– Двадцать секунд, – вновь раздался голос рулевого.

⁵ Вторая эпитафия канадцам из цикла «Эпитафии войны», перевод С. Степанова.

Я не следил за тем, что делают окружающие, продолжая наблюдать за кораблями наверху – внизу. Я был достаточно натренирован, чтобы удерживать равновесие на борту корабля.

– Подтверждение с «Минтаки», – сказала Феррин. – Они готовы следовать по нашему курсу.

Я отставил одну ногу назад, почти как фехтовальщик в защитной стойке.

– Десять секунд до запуска основного субсветового двигателя.

Гододин по-прежнему миролюбиво смотрел на меня, неменяющийся и кажущийся неуязвимым, как и все планеты. Я вдруг вспомнил о Рустаме, имперской колонии, где мы нашли указания, как попасть на Воргоссос. Вспомнил гноящийся черный шрам на лице планеты, где когда-то был древний город.

Нет, планеты вовсе не были неуязвимы.

– Пять секунд. Три. Две. Одна. Пуск.

«Тамерлан» дернулся, я ногами почувствовал, как могучая конструкция содрогнулась от рева запущенных двигателей. Солнцами вспыхнули термоядерные горелки. Я представил, как какой-нибудь гододинский крестьянин в этот миг поднял голову – не важно, был сейчас день или ночь – и увидел в небе второе солнце. Я даже не пошатнулся, оставшись твердо стоять у окна, в то время как планета медленно уплывала от меня.

Наконец она осталась позади. Впереди простиралась тьма. Когда смотреть осталось не на что, я по центральному проходу подошел к голографическому проектору капитана. В воздухе призрачно мерцала голубая схема окружающего пространства с Гододином, его спутником и космической станцией. В центре красной точкой горел «Тамерлан», перемещаясь по дуге мимо луны.

– Хорошо, что все позади, – сказал я, остановившись напротив Корво.

– Знаете, а я начинаю понимать Валку, – ответила она с саркастической усмешкой, держа за край голографической камеры. – Чем больше времени мы проводим среди имперских бюрократов, тем сильнее я удивляюсь, что Империя до сих пор не развалилась.

– У нас есть все, что нужно? – спросил я, внезапно почувствовав желание сменить тему, как будто меня пристыдили.

– Видели бы вы бардак, который творился, когда загружали ирчтани, – хмуро ответила капитан.

– Но погрузили же, – развел я руками. – Теперь у нас новые легионы.

– По-моему, эти «легионы» – всего лишь сборище контуженых молокососов и стариков, – скривилась Корво. – Надеюсь, они не сдрейфят, когда мы встретимся с... с тем, что нас ждет.

– Многие из них действительно пережили осаду Барговрина, – ответил я. – Но они настоящие солдаты. Справятся.

– Не нравится мне это, – сказала капитан, вытянувшись в полный рост.

Не будучи палатином и даже имперским гражданином, она все равно была выше меня. Корво никогда не упоминала о своих родителях, а я не спрашивал, но подозревал, что если не она сама, то кто-то из них точно был гомункулом. Такие полукровки нередко встречались за пределами Империи, где генетическое секвенирование было доступно всем, кто был при деньгах.

– Мы летим в ловушку, – выдала она.

Я пожал плечами и принялся крутить кольца на пальцах.

– Не знаю, ловушка ли это. Возможно, мы долетим до Немаванда, так ничего и не найдя. Разведчики Османа могут не обнаружить никаких следов. – На словах «ничего» и «никаких» я поворачивал на среднем пальце кольцо из слоновой кости и все сильнее хмурился. – Но нам известно, что кто-то там все же есть, и, если повезет, они не догадаются о нашем приближении.

– Думаете, это пираты?

– Точнее, экстрасоларианцы?

Я взглянул сквозь голограмму и заметил, как Бастьен Дюран поднимается с нижнего этажа. Под мышкой у него был планшет. Он приветствовал нас с капитаном, молча отдав честь.

– Никогда не слышал, чтобы сьельсины охотились на конвои в варпе, – сказал я.

– Вспоминаете Эринию? – Ровный голос Дюрана вклинился в наш разговор, словно рычаг под тяжелый камень.

– Что за Эриния? – спросил принц Александр.

Он покинул свое кресло и присоединился к нам. Будь он кем-то иным, будь на его месте другой сквайр, я бы отослал его с мостика, но, несмотря на номинально более высокое звание, я не слишком хотел гонять принца, как простого мальчишку.

Я взглянул на него, ощупывая искусственные кости левой руки пальцами правой.

– Лет семьдесят назад мы получили задание. Триста семьдесят восьмой легион Центавра пропал во время передислокации, как и легионы, которые мы ищем. Мы нашли их следы на экстрасоларианской базе на планете Эриния. Зброшенная норманская шахтерская колония. База была хорошо защищена, но мы прорвались, захватили командира наемников, нанятых экстрасоларианцами для обеспечения безопасности... «Дарданы» – так себя называли эти наемники. Но сами экстрасоларианцы улизули.

Александр внимательно ловил каждое мое слово.

– Знаете, кто такие Возвышенные? – спросил я его.

Принц нервно сглотнул.

– Они существуют?

Он с неприкрытым ужасом переводил взгляд с Дюрана на Корво, на Бандита и обратно. Я его понимал. Возвышенные были ужасны. Чудовища, приходящие в ночных кошмарах к крестьянским детям. Порочные гибриды человека и машины, доведенные до крайности. Они сбрасывали тела, как мясник выбрасывает кости и жир, оставляя лишь те части, которые их устраивали.

– Я встречал ребенка – по крайней мере, думаю, что это был ребенок, – у которого не осталось ничего своего, кроме мозга, – сказал я, разведя руки примерно на полтора фута. – У него было металлическое тело примерно такого размера и металлические щупальца длиной с вас. – Меня едва не передернуло, но я проявил схоластическую стойкость, не отводя взгляда от принца. – Таких, как он, делали экстрасоларианцы с Эринии. Также они конструировали тела для вождей варваров, норманских олигархов и так далее. Организация называлась МИНОС.

Я замолчал, присел на койку у перил и, зажав руки коленями, наклонился вперед:

– Насколько нам удалось узнать, они работали и на сьельсинов.

– Что?! – вытаращил глаза Александр.

Я чувствовал, как за зрачками его разум рождает невероятные образы.

– Сьельсины сотрудничали с экстрасоларианцами? Вы серьезно? – Он снова окинул взглядом всю нашу компанию. В поисках подтверждения? Доказательств? Но их не последовало. – Вы уничтожили их? Этот... МИНОС?

Молчание было достаточно красноречивым ответом.

– Им удалось бежать, – признался я, не уточняя, что они перевели свое сознание в радиоимпульсы и бросили тела на Эринии. Не стал я упоминать и свое сражение с химерой-сьельсином в катакомбах исследовательского центра.

– Думаете, за новыми исчезновениями тоже стоят они? – не унимался Александр. – Почему вы не упомянули об этом сэру Амальрику?

– Военное министерство присвоило событиям на Эринии гриф «совершенно секретно», – вмешался Бастьен и обратился к капитану: – Отавия, Окойо просила передать, что новый экипаж пилотов будет готов завтра к восьми утра по стандартному времени. – Он протянул ей планшет. – Здесь все необходимые данные.

Он развернулся и отправился заниматься своими делами.

– Секретно, – повторил Александр. – Но вы считаете, что здесь тоже замешаны экстра-соларианцы, а не сьельсины?

– Если бы я играл на тотализаторе – то да, – сказал я, завернулся в плащ и поправил пряжку на плече.

Аристократическое одеяние застегивалось слева, ограничивая подвижность правой руки как знак высокого статуса. Зачем самому пользоваться руками, когда можно приказать другим сделать все за тебя? Меня это раздражало, и я даже подумывал избавиться от плаща, но нужно было придерживаться этикета; к тому же неудобство было незначительным.

– Если сьельсинам нужна пища, есть более простые способы ее добыть. Например, разграбить еще одну колонию. Но нельзя исключать, что сьельсины сговорились с экстра-соларианцами. Если они используют Возвышенных, чтобы нападать на наши конвои и блокировать подкрепления... – Я поднялся, оглядывая собравшихся вокруг проектора: Бандита, Корво и принца. – ...то правила игры изменились. Попомните мои слова.

Глава 16

Другие дьяволы

Люди представляют жизнь на корабле, когда почти вся команда погружена в ледяной сон, весьма одинокой и опустошающей – но не я. На большом корабле вроде «Тамерлана» невозможно остаться одному. Просто коридоры, трамвайные пути и трюмы, в обычное время оживленные и наполненные голосами, как город, становятся тихими, как провинциальная деревушка.

Я предпочитал тишину.

Месяц за месяцем тянулись однообразные дни. Я рано просыпался, спускался на лифте из нашей с Валкой совместной каюты в офицерскую столовую, завтракал. Настоящими яйцами, когда они у нас были, имитированными – когда не было, и томатами из гидропонического сада, запивая все, как положено на корабле, апельсиновым соком. Валка предпочитала поспать подольше, и утренней зарядкой я занимался либо один, либо в компании Сиран и Паллино, словно в былые дни на Эмеше. Мне, как палатину, не было нужды тренироваться ежедневно, чтобы поддерживать тело в форме, но чем старше я становился, тем сильнее укоренялась эта привычка. Даже теперь, в изгнании среди схоластов, я встаю ни свет ни заря и завтракаю с братьями, прежде чем вернуться в келью, к работе.

После зарядки я возвращался в каюту. Валка к тому времени уже просыпалась. Мы вместе обедали, иногда изучали старые заметки. Я неуклюже помогал Валке расшифровывать язык Тихих, потом меня непременно вызывали по какому-нибудь делу – проинструктировать принца или уладить случайное мелкое недоразумение. В другое время я просто бесцельно слонялся.

Если сложить, то получится, что я прожил на «Тамерлане» больше полувека и знал каждый его уголок, каждую каюту, каждый трюм и ангар. Иногда я гулял по широким коридорам среди верхних казарм, сразу под кубиколой, в которой спали, дожидаясь сигнала горна, девяносто тысяч человек и тысяча ирчтани. Иногда отправлялся бродить по экватору – проходу, протянувшемуся через весь корабль под свесами надпалубной брони. Оттуда можно было попасть из казарм в пусковые трубы, используемые тысячами пилотов нашей аквиларии. Я шел по навесной платформе, слушая что-нибудь на терминале, и разглядывал плотно прижатые друг к другу, как пули в магазине, истребители «Пустельга» и «Сапсан». Вдоль каждого борта было по пятьсот пусковых труб, направленных в сторону кормы. В славные времена, когда люди воевали с людьми, исход почти каждого сражения решали абордажные суда. Щиты Ройса делали перестрелки малоэффективными, и если кораблю не удавалось застичь неприятеля врасплох с другого конца системы, все зависело от того, кто сможет переправить больше людей на борт противника. Для этого нужны были аквиларии. Они служили последним рубежом обороны, создавая помехи и отстреливая абордажные шаттлы, пытающиеся вскрыть броню и проникнуть внутрь корабля.

Но чаще всего я гулял по гидропоническому саду, слушая плеск воды из поливалок и жужжание пчел.

Когда люди представляют себе космический корабль, то и подумать не могут о пчелах. Но они здесь живут, запертые за двойным шлюзом в гидропоническом отсеке, предоставленные самим себе. Они опыляют овощи, фрукты и травы, помогая садовникам. Водится здесь и рыба. Основным источником белка на «Тамерлане» были не вышеупомянутые яйца или бромос, а рыба, обитающая в бассейнах, на поверхности которых плавали растения.

– Так и знала, что ты здесь, – раздался знакомый звонкий голос.

Я стукнул по терминалу, чтобы выключить запись трактата о мерикани, созданного в третьем тысячелетии ранним схоластом по фамилии Ортега.

– Я настолько предсказуем? – спросил я с улыбкой, закрывая блокнот и кладя на него карандаш.

Валка многозначительно улыbnулась, но отвечать не стала. Она посмотрела вокруг заросшего базиликом алькова, где я укрылся от яркого света ламп. Под рукой у меня был чугунный столик с графином холодной воды. Давным-давно я поставил здесь кресло, чтобы оборудовать спокойное место для раздумий. Гудение пчел, плеск воды и аромат растущих трав укрывали меня от гнетущего холода корабельных коридоров.

– Скоро ужин. Обычно ты так не задерживался. – Валка расстегнула воротник. – Как ты здесь выживаешь? Тут же такая жара.

Я этого не чувствовал. После Эмеша мне нигде не было жарко.

– Который час? – Я бросил взгляд на терминал. Как быстро пролетел день! – Земля и император, прости.

– С тобой все хорошо?

Валка оперлась на подлокотник кресла и озабоченно осмотрела меня. Прижала ладонь к моей щеке; я взял ее своей искусственной рукой и не отпускал.

– Все нормально.

– Неправда. – Она наклонила голову, чтобы лучше меня видеть. – С тех пор как мы вылетели, ты непривычно молчалив. Тебя беспокоит задание или убийцы, которых ты потащил с собой?

– Что? – с удивлением посмотрел я на нее. – Мне казалось, ты была за спасение ирчтани.

– Если они опасны – то я против, – сказала она, опуская ладонь мне на шею.

– Не думаю, что они опасны, – ответил я, проводя рукой по ее бедру. – Удакс даже не знал, кто я. У них нет со мной личных счетов. К тому же теперь они передо мной в долгу. Особенно Удакс. – Я наклонил голову к плечу, зажимая руку Валки. – Эта история в прошлом. Дело... в другом.

Пчела села на графин и немного поползала по влажному металлу, прежде чем улететь.

– Кто-то хочет меня убить. – Я поднял глаза и почувствовал себя неловко, осознавая, что, должно быть, выгляжу испуганным. – А мне не хочется умирать еще раз.

Валка освободила руку, ничего не сказав. Да и что здесь скажешь? Она была там, у озера, когда Араната Отиоло отрубило мне голову, и спускалась со мной к зловещему Братству в подземельях Воргоссоса. Она лучше кого бы то ни было во Вселенной понимала, через что я прошел, – но при этом не понимала вовсе. Она не видела ту яркую Тьму, не плавала в реках времени.

Я был одинок.

Не то чтобы я боялся рисковать жизнью – я рисковал ею с тех пор, как оставил Криспина валяться в крови на полу материнского дома на Аспиде.

Валка дернула и оттолкнула меня:

– Прекрати!

Я вдруг понял, что машинально слишком сильно сжал ее бедро.

Она схватила меня за руку:

– Просто поговори со мной.

– Они едва не убили Паллино, – произнес я сквозь зубы и, глядя Валке в глаза, добавил: – И могли убить тебя.

– Но не убили, – заметила она.

– Это несправедливо. После всего, что я для них сделал. После всех сражений, после стольких потерь... – Я положил блокнот на стол между бокалом и графином. – Следовало все бросить. Пускай разлагаются дальше.

Валка состроила плохо поддающуюся описанию гримасу, в равной степени выражающую удивление и жалость:

– Следовало. Но ты не бросишь. Это не в твоём характере.

Она снова тронула мою щеку и повернула мою голову так, чтобы я смотрел на нее снизу вверх. За все время, что мы были знакомы, она ничуть не изменилась. На ее высоких скулах и вокруг золотистых глаз не появилось морщин, а в красных волосах, в тусклом освещении казавшихся черными, не было ни проблеска седины. И хотя наша разница в возрасте нивелировалась за те десятилетия, что мы провели вместе, я понимал, что никогда ее не догоню. Я не знал, сколько Валке осталось.

Очертив пальцем мою скулу, она сказала:

– Потому я тебя и люблю.

– А мне казалось, тебя это раздражает.

– Не без этого. – Она чмокнула меня в лоб и встала. – Ты прав. Это несправедливо. Но ты всерьез рассчитывал на справедливость?

– Нет, – ответил я и посмотрел на растения над моим альковом, почувствовал тепло искусственного солнечного света. – Не рассчитывал.

Александр тоже жаловался на несправедливость, когда я притащил его на корабль.

Я упомянул об этом, и Валка фыркнула:

– Знаешь, а он чем-то на тебя похож.

– Неправда! – воскликнул я одновременно возмущенно и шутливо.

Мне он напоминал Криспина.

Валка скорчила гримасу:

– Ну, он, конечно, глупее, чем ты был в его возрасте. И скучнее! – Она снова дотронулась до меня. – Выше нос. До поры до времени нам ничто не угрожает. Беспокоиться стоит разве лишь о том, что ждет нас там. – Она начертила пальцем круг, имея в виду Тьму. – Идем, уже поздно. Паллино обидится, если мы опоздаем, сам знаешь.

– Он снова взялся кулинарить?

Об этом меня не предупредили. Старый солдат не готовил для нас с тех пор, как мы покинули Гододин.

– Значит, ему действительно лучше, – улыбнулся я.

Ужин состоялся в нашей с Валкой каюте. Собрались все друзья, вместе прошедшие через множество испытаний. Паллино с Эларой, Айлекс с Бандитом, Сиран, Валка и я. Паллино приготовил всю еду и вместе с Эларой привез ее на лифте из столовой.

– А кальмара-то ты где раздобыл?! – изумилась Айлекс, увидев первое блюдо.

– Заказали! – ответила Элара. – Гододин – крупный транзитный узел. Сюда привозят самые разнообразные товары, и легионы кое-что закупают, чтобы порадовать офицеров. Вот Пал и попросил заказать.

Она по-матерински улыбнулась, но на избавленном от морщин лице улыбка выглядела немного странно. Когда мы с Эларой познакомились, она была чуть моложе Паллино, ее возраст уже приближался к пожилому. Но стрелки ее часов также открутили назад.

Паллино сел напротив меня.

– Они хорошо переносят заморозку. Когда выйдем из фуги, отведаем еще. Хлеба? – протянул он Айлекс прикрытую полотенцем корзинку.

– Когда ты попал на службу, над тобой не подшучивали из-за любви к стряпне? – спросил Бандит, беря кусочек для Айлекс, пока та раздумывала, что себе положить.

На лице старого патриция отразилось удивление.

– Настоящие мужчины не подшучивают друг над другом. Разве что ты сам разрешишь. Так что нет. – Он подцепил вилкой моток пасты с кальмаром, чесноком и томатами и положил

на тарелку Эллары, а затем наполнил свою. – А над едой, Карим, вообще не шутят, если только она не дерьмовая... – Передав блюдо Сиран, он сурово посмотрел на Бандита. – Вот эта – не дерьмовая.

– Паллино, спасибо за ужин, – сказала Валка, раскупорив бутылку вина и наливая себе бокал. Это было выдержанное кандаренское медового цвета, одно из ее любимых.

– Пожалуйста, доктор, – кивнул Паллино. – Послезавтра меня заморозят, поэтому я решил, что сейчас самое время что-нибудь приготовить.

– Правда? – спросил я; мне об этом не сообщили.

– Окойо дала добро. Сказала, что я полностью здоров. – Он похлопал себя по тому месту, где оставили свой след когти ирчтани. – Я уже давно превосходно себя чувствую. А делать тут особо нечего, разве что головой о стену биться. Так и свихнуться недолго.

– До вчерашнего дня он даже рубашку не мог сам надеть, – сказала Элара заговорщицки, забирая у него блюдо.

– Молчи, женщина! – воскликнул Паллино, шлепнув ее по попе, когда она садилась.

Элара развернулась и дала ему легкую оплеуху. Сиран в последний момент спасла блюдо от падения. Старый солдат выругался и сокрушенно покачал головой.

Положив руку жене на колено, он сказал:

– Врет она все.

– Ты точно поправился? – спросил я, улыбнувшись уголком рта.

– Дождь мокрый? Космос холодный? Императрица – вторая красавица во Вселенной? – подмигнул он Эларе. – Конечно поправился.

– Хорошо поправился, дорогой, – заметила Элара, натирая в тарелку настоящий сыр с Гододина.

– Я готов к реваншу с этими треклятыми птицами. Надо было не замораживать одного или двух, я бы поставил их на место. – Он улыбнулся во весь рот. – Доктор, черт побери, оставьте нам хоть капельку вина!

Он выхватил кандаренское у Валки и расхохотался так громко и тепло, что вскоре мы все с улыбками наполняли бокалы.

Мои друзья.

Мы всемером ели, пили и смеялись, но, несмотря на веселье, я то и дело поглядывал на пустой стул в углу стола, безмолвное и ненарочное напоминание о том, что наш круг разорван. Если бы мир был более благосклонен, там сидел бы Гхен, но Гхен погиб. Я скучал по старому буйволу, по его вспыльчивому нраву и дружелюбию, по грубому голосу. Я скучал по кличке «твое величество», которая из оскорбления превратилась в дружеское прозвище. Еще сильнее я скучал по Хлысту и много раз сожалел, что прогнал его. Он всегда говорил мне правду, даже когда я не хотел ее слышать, и всегда поступал так, как считал правильным. В некотором смысле Хлыст был куда больше меня похож на рыцаря и, возможно, был лучшим человеком. Образно выражаясь, это его и погубило. Хлыст предал меня, как я предал Джинан, и по той же причине: ради высшего блага.

В жизни каждого должен быть такой человек. Без них и жизнь не жизнь. Мы живем в других людях, они – наше мерило. Они помогают нам твердо стоять на земле. Оставаться людьми. А я должен был следить за тем, чтобы оставаться человеком, внимательнее, чем любой король или император. Лишь в этой компании я чувствовал себя собой.

И тут я понял, что ошибся в разговоре с Валкой.

Я вовсе не был одинок.

Глава 17

Лориан

Принц проигрывал.

В течение всего спарринга Бандит наступал на него, пользуясь отточенными многолетней практикой движениями. Нормано-джаддианец был одним из лучших фехтовальщиков Красного отряда, пожалуй единственным, кто не уступал мне. Он нанес удар в направлении головы принца, который Александр успел парировать, встряхнул рукой и рубанул по груди. Сенсорный костюм Александра поменял цвет с черного на свекольно-красный.

– Совсем плох, – заключила Сиран шепотом, чтобы его императорское высочество не услышал.

Я стянул боксерские перчатки и сунул в сумку. Посмотрел, как Бандит наставляет принца, показывая, как следует держать запястье в шестой защитной позиции.

– Его чересчур баловали, – ответил я.

Каждое движение Александра было заученным, механическим, как будто он всю жизнь учился фехтовать в замедленном режиме.

– Он слишком мало получал, – сказала Сиран. – Ему кажется, что это игра.

– Хочешь попробовать его поучить? – спросил я. – Тебе самой станет страшно ненароком его поранить.

– Куда страшнее будет недоглядеть и ничему его не научить.

– Просто ты мыслишь рационально, – ответил я.

Принц сделал слишком далекий выпад и едва не потерял равновесие. Бандит отбил атаку тем самым способом, которому только что обучал Александра, пригнул колени и уколол молодого аристократа под мышку. Александр вскрикнул; Бандит схватил его за руку и, взмахнув клинком против часовой стрелки, поразил юного нобиля в шею.

– Что вы делали не так? – спросил начальник службы безопасности, отпуская принца Александра.

– Вы, варвары, все такие быстрые? – сердито произнес тот, потирая подмышку.

– Noyn jitat! – выругался на джаддианском Бандит. – Если цивилизованным человека делает его медлительность, то можете звать меня варваром сколько угодно. – Он ухмыльнулся так, чтобы все видели, и снова описал тренировочным мечом дугу. – Буду считать это странным комплиментом. Так что вы делали не так?

Пока мы с Сиран наблюдали, как принц обдумывает свои ошибки, все еще массируя руку, из угла раздался знакомый тонкий голос:

– Вы слабо уперлись сзади ногой и сделали слишком глубокий выпад!

– Черная Земля, как ему это удастся? – прошептала Сиран.

Я тоже не заметил, как Лориан Аристид вошел в зал. Он сидел у дальней стены рядом с тренажерами. Пришел из раздевалки? Или прямо из коридора? С тех пор как мы покинули Гододин, я редко видел интуса и даже думал, что его уже отправили в спячку. Он поднялся, задержавшись, чтобы взять трость, и проковылял к помосту с фехтовальной дорожкой. Я отметил, что на нем были черные полимерные перчатки, пронизанные крошечными электродами, помогавшими держать в покое его тонкую нервную систему.

– Ваше высочество, – остановившись в пяти шагах от края дорожки, с изящным поклоном произнес он.

– Коммандер Аристид, – с каменным лицом кивнул принц.

На меня тут же нашло дурное предчувствие, но я промолчал, лишь отвинтил крышку бутылки и отпил воды.

– Сир, вам следует держать спину ровнее. Иначе вас легко сбить с ног. – с этими словами Аристид повторил движение, насколько это было возможно, медленно, но полноценно, используя вместо шпаги трость. Однако ему тут же пришлось на нее опереться, чтобы не упасть.

Александр отвернулся:

– Я не нуждаюсь в советах инвалида.

Услышав это, я поморщился.

– Я – не инвалид, а калека, – усмехнулся Аристид. – Другие части тела у меня прекрасно работают. – Он постучал по лбу длинным пальцем.

– Но он прав, – заметил Бандит, водя по настилу кончиком шпаги. – Давайте повторим.

Принц из рода Авентов неохотно что-то промямлил, но встал в защитную стойку. Его раздражение было мне понятно.

– Сделайте выпад и замрите, – сказал Бандит.

Александр послушался. Бандит отбил атаку и отошел.

– Видите, ваши плечи намного впереди бедер. – Он прикоснулся к указанным местам кончиком шпаги, на мгновение заставив сенсорный костюм покраснеть. – Выпрямите спину. Вот так, хорошо. Чувствуете себя устойчивее?

Так продолжалось несколько минут. Александру никак не удавалось скорректировать позу. Бандит вновь и вновь отбивал его выпады.

– Не нужно столько силы! Высшая материя и без усилий все рубит! А так вы только устанете.

Он исполнил подножку, и его императорское высочество неуклюже растянулся на дорожке.

– Черт бы вас побрал! – выругался Александр, отмахиваясь от протянутой руки Бандита.

– А паренек-то с норовом, – прошептала Сиран.

– Он еще юн, – ответил я.

– Да ему уже тридцатник! – фыркнула Сиран.

– За все эти годы его только на пару лет из дворца выпускали. Он еще ребенок.

Мой сквайр поднялся на ноги и скривился, потрогав лодыжку.

– Мы начинаем взрослеть лишь тогда, когда покидаем родной дом, – сказал я и, вдруг почувствовав, что не могу смотреть никому в глаза, стыдливо добавил: – Все, что до этого, – лишь пролог.

Валка оказалась права. Александр больше походил на меня, чем на Криспина. Или у нас с братом было больше общего, чем я готов был признать? Каким человеком на самом деле был Криспин?

– Все равно он говнюк, – возразила Сиран. – Я думала, принцы должны вести себя... как принцы.

– Не сомневаюсь, что некоторые так себя и ведут, – ответил я, закручивая бутылку с водой. – У нас их десятки. Но он не так плох. Придумал же он весь этот план.

Сиран поворачивала головой, расслабляя шею:

– От этого не легче.

Я чувствовал, что она смотрит на меня, но поворачиваться не стал.

– Думаешь, это правда хорошая идея – вот так лезть в западню?

– А есть другие идеи? – резко ответил я. – Когда тебе приходится рыскать по космосу в поисках пиратов, лучше делать это в компании двух полных легионов.

– Это верно... – признала Сиран.

Ее тон заставил меня вздуть глаза вверх. Сиран прошла через ту же процедуру опатрицивания, что и Паллино с Эларой, но те были уже старыми, а она – статной и полной сил. Ее нос, изуродованный катаром за грехи, о которых она так мне и не рассказала, был исправлен, но в остальном Сиран выглядела точь-в-точь как в день нашего знакомства: женщина с рез-

кими чертами лица, темными глазами и кожей цвета кофе. На левой скуле красовался шрам, ни капли ее не портя. Она напоминала мне принцессу Тиладу из старой голографической оперы. После гибели Гхена на Рустаме она сбрила волосы и с тех пор не отращивала.

– Прости, – мягко сказал я, вспомнив о Гхене.

В ответ она лишь пожала плечами.

Александр пытался держать оборону, но чересчур опирался на впереди стоящую ногу и, кажется, подвернул лодыжку. Ощупав ее, он зашипел.

– На сегодня достаточно. Нужно приложить лед, – объявил Бандит.

– Ваше высочество, – приковыляв к ним, сказал Аристид, – возьмите.

К моему удивлению, он протянул принцу свою трость. Ее изготовили на Форуме специально для Лориана по случаю его произведения в ранг командера. Серебряный набалдашник был украшен дубовыми листьями, символизируя его новое звание. Для Александра трость была коротковата, но принц принял ее, не поблагодарив и даже не кивнув.

– Нам, калекам, нужно держаться вместе, – произнес Лориан, когда принц молча позволил Бандиту отвести себя к скамье у стены.

Без предупреждения принц замахнулся и ударил Лориана его же тростью. Интус успел вскинуть руки, защищая голову, но все равно упал. Не помню, как быстро я примчался к ним от боксерского ринга, и не помню, как схватил Александра за воротник тренировочного костюма. Для этого мне, кажется, пришлось перескочить через распластавшегося Аристида.

– Извинитесь! – потребовал я марловским тоном.

Александр посмотрел на меня удивленными изумрудными глазами, в которых читалась лишь малая толика страха.

– Он... он... – заикаясь, принц глядел на Бандита и Сиран в поисках нужных слов, но они так и не приходили.

Несколько младших офицеров прекратили тренировку, чтобы поглазеть.

– Он – что? – Я крепче сжал воротник; синтетическая ткань под давлением превратилась из черной в кроваво-алую.

– Он меня спровоцировал! – пропищал Александр.

– Он хотел помочь!

Я отпихнул Александра, и тот с подвернутой лодыжкой плюхнулся на свою царственную задницу. Теперь по обе стороны от меня валялось по человеку.

– Я не позволю своим людям драться между собой, – объявил я.

– Не волнуйтесь, я не охоч до дуэлей, – процедил Лориан сквозь зубы и поднялся, массируя ушибленную руку. – Черная Земля...

Упоминание о дуэли заставило меня вспомнить о Гиллиаме Васе и порадоваться, что хотя бы в этот раз история не повторится. Лориан ни в коем случае не вызвал бы на дуэль имперского принца, а вот Александр вполне мог пойти на принцип.

– Командер, вы целы? – спросил Бандит, помогая Аристиду встать.

– Надеюсь отделаться синяком, сударь. – Лориан все потирал руку в перчатке. – Никогда бы не подумал, что обрадуюсь, что надел эти проклятые штуковины.

Он улыбнулся, став немного похожим на ребенка благодаря спутанным светлым волосам и низкому росту.

Поняв, что волноваться за здоровье Лориана не стоит, я вновь надел на Александра:

– Извинитесь.

Взгляд принца метнулся на Бандита, затем на дверь и снова на Бандита.

– Я... нет! И не подумаю!

Учитывая, что сидел он на полу, строптивость Александра была вялой, и я одарил его весьма неприятной улыбкой.

– А кто сказал, что у вас есть выбор? – спросил я, сложив руки на груди.

Александр привстал, но не смог опереться на больную ногу и воспользовался тростью Лориана.

– Я принц Соларианской империи, кровный наследник самого Бога-Императора.

Я выбил у него трость, и он снова растянулся на спине. Присев перед ним, чтобы оказаться лицом к лицу, я произнес:

– Это не имеет значения. Вы не Бог-Император. Даже не император! – Сначала я перешел на крик, а под конец практически рычал. – Последний раз говорю: попросите у командера Аристида прощения.

– Марло, бросьте, – сказал Лориан, так и не отпуская ушибленную руку.

Александр шарил в поисках трости, но я отбил ее в сторону. Пускай встает сам либо не встает вовсе. Трость покатилась, вращаясь, и ударилась о край фехтовальной дорожки. Принц злобно смотрел на меня. Пора было прекращать давление.

– Вы злитесь из-за неудачи в фехтовании, а не из-за Аристида. Не отводите глаза! – приказал я, когда он снова покосился на Лориана и Бандита; те были спокойны. – Александр, ярость ослепляет. Отпустите ее.

К моему удивлению, принц кивнул, но тем не менее сказал:

– Вам не следует так со мной говорить.

– Вы мой сквайр. Я несу за вас ответственность и, следовательно, буду говорить так, как считаю нужным.

Я встал и добавил резкости в голосе:

– Помните, что я сказал вам на Гододине?

Он снова кивнул и перевел взгляд:

– Да. Если я хочу, чтобы меня уважали, я должен заслужить уважение.

– Нет, – возразил я, копируя тон, которым со мной часто разговаривал Гибсон. – Вас и так уважают. Вы – принц Соларианской империи. Кровный потомок самого Бога-Императора...

Принц невольно улыбнулся. Он понимал, что я иронизирую над ним, но почувствовал, что обижаться не стоит.

– Вы должны быть достойны того уважения, что вам уже выражают.

– Да, сэр, – кивнул он в третий раз. – Я... приношу вам свои извинения, командер Аристид.

Я обернулся вовремя, чтобы увидеть неловкий поклон Лориана.

– Все уже в прошлом, ваше высочество.

После пяти раундов против Сиран и душа я по экватору отправился к себе в каюту, двигаясь над пусковыми шахтами истребителей в сторону трамвайной платформы, с которой мог уехать в кормовой отсек, где располагались офицерские каюты. Над головой высились сводчатые опоры, они же тянулись до самого низа, до ангаров. Сквозь узкие просветы иллюминатора мелькало фиолетовое космическое свечение, вихревые потоки, в которых благодаря эффекту варпа звезды превращались в волнистые ленты. Я не слишком торопился пересказывать вечерние события Валке и задержался у перил, разглядывая одинокого техника в черном комбинезоне, трудящуюся над пришвартованной «Пустельгой».

Стояла такая тишина, что и далекий гул варпенных гондол, от которого нельзя было скрыться даже на корабле размеров «Тамерлана», был почти не слышен. Мне казалось, я могу уловить, как кровь течет по венам. Вдруг механик запела высоким чистым голосом, едва не теряющимся в пустоте между нами. Звук был слабым и далеким, как звезды за высокими узкими иллюминаторами.

Заберите домой мои кости, ребята,
Может, там обрету я покой.

После тысячи лет, пронесшихся мимо,
Я вернусь наконец-то домой.
После тысяч миров, где ступал я когда-то,
Где удачи и счастья искал,
Потерял, что имел, а нашел только смерть,
Где никто мое имя не знал⁶.

– Лорд Марло!

– Какая печальная песня, – пробормотал я вслух, не сразу сообразив, что командер Аристид последовал за мной из тренировочного зала. – Привет, Лориан.

– Матросы всегда поют печальные песни. – Интус заглянул за перила. – Не их в том вина. Мало кто возвращается домой, а если и возвращается, то не застаёт в живых никого, с кем был знаком прежде.

Некоторые верят, что на космических кораблях время течет иначе, чем на земле, что оно замедляется, пока суда бороздят межзвездную тьму. Но это не так. Когда-то, возможно, так и было. В последнюю Золотую эру корабли развозили людей, машины, эмбрионов по колониям, окружавшим Старую Землю, на субсветовой скорости. Приближаясь к скорости света, эти корабли буквально врывались в будущее, на Земле проносились десятилетия и даже века, в то время как на борту проходило лишь несколько месяцев. Теперь все по-другому. В варпе время течет с той же скоростью, как и на планетах, между которыми мы путешествуем. Вот только космос велик и пуст, и на перелеты уходят десятки лет.

Несколько десятков лет – для кого-то вся жизнь.

– Как твоя рука? – спросил я.

– Синяк останется, но бывало хуже. – Лориан закатал рукав, показывая уродливое коричневое пятно, которое уже начало желтеть, и слабо улыбнулся. – Можно с вами прогуляться?

Я жестом разрешил ему присоединиться к моей прогулке по экватору и двинулся медленным шагом, чтобы интус не отставал. Его трость стучала по полу в такт нашим сапогам, выбивая тихий ритм. Минуту или около того мы шли в тишине; позади затихал голос механика.

– Прошу прощения за поведение принца, – сказал я наконец.

– Мне его жалко, – ответил Лориан. – Упрямство мальчика – следствие борьбы претендентов... Он пытается высунуть голову из толпы братьев и сестер, чтобы так и не закончить свои дни в золотой клетке на Форуме. На его месте я бы тоже злился. Он отбил тростью следующие десять секунд и добавил: – Однако я благодарен вам за защиту, милорд.

– Лориан, – сказал я, – думаю, нам давно пора отбросить формальности.

Низкорослый человечек усмехнулся:

– Как пожелаешь, Адриан.

Мы прошли мимо шахты лифта, под углом поднимающейся к пустым казармам, где после выхода из фуги будут жить пилоты.

– Мне понятен его гнев, – сказал Лориан. – Но мне всегда казалось, что таких людей нужно жалеть. Я бы оставил его бодрствовать все путешествие, пускай взрослеет... Сам-то ты скоро в заморозку отправишься?

Мой самоустановленный период бодрствования приближался к концу, а до ретранслятора нужно было лететь еще несколько лет. Мы собирались остановиться у границ отмеченного Варро радиуса в восемнадцать световых лет на срок, достаточный, чтобы подготовиться и обменяться информацией с Гододином и разведывательными кораблями, зондировавшими пространство последние несколько лет. Затем мы планировали продолжить путь и постепенно разбудить всех, кто был на борту «Тамерлана», «Гордости Замы», «Андрозани», «Кирусина» и

⁶ Перевод Веры Браун.

«Минтаки». Этот процесс занял бы не одну неделю, но до начала оставалось еще девять лет, в течение которых из девяноста тысяч душ на «Тамерлане» бодрствовать должны были меньше ста. Уже на тот момент неспящих оставалось меньше тысячи.

– Да, скоро, – ответил я. – Валка уже собралась, а после этого... – Я умолк, не зная, что еще сказать.

– Делать будет нечего? – снова усмехнулся Лориан.

– Вроде того. А ты как?

– Хочу еще немного погулять, – ответил он. – Не слишком тороплюсь укладываться в гроб, знаешь ли.

Я посмотрел на коротышку с тонкой кожей и по-паучьи тонкими руками и ногами.

– Тяжело дается заморозка? – спросил я, вдруг осознав, что почти ничего не знаю о физическом состоянии командера.

Я всегда считал, что спрашивать в лоб – невежливо. До сих пор считаю.

– Просыпаться невыносимо, – объяснил Лориан. – Нервы работают как попало, я потом неделями ничего толком не чувствую. Не опасно, да и хуже не становится, но неприятно.

Мы немного прошли в тишине, после чего Лориан спросил:

– А вы, милорд? То есть Адриан?

– Мне снятся сны, – сказал я. – Знаю, что это невозможно. Знаю, что по всем свидетельствам в фуге нельзя видеть сны. Но я вижу.

Лориан вдруг замер, и мне тоже пришлось остановиться и обернуться. Он смотрел на меня со странным выражением, склонив голову и приоткрыв рот.

– В чем дело? – опешил я, не сразу догадавшись, что происходит. Подобное выражение встречалось у многих мужчин и женщин, окружавших меня последние десятилетия, но от Лориана я такого не ожидал.

– Это правда? – спросил он, и мой вопрос перестал казаться мне стыдным. – Ты видишь будущее?

– Аристид... – начал я, назвав его по фамилии, чтобы восстановить формальную дистанцию между нами и отложить обсуждение таких вопросов.

Он не заметил. Он достаточно осмелел, чтобы не замечать. Внутри его как будто прорвало плотину, и он заговорил:

– Меня не было рядом, когда ты убил Аранату, и я не знаю, что на самом деле там произошло. Но на корабле достаточно умных людей, которых я уважаю, включая сховаста, и они считают тебя каким-то божеством. Ты видишь будущее? Ты в самом деле умираешь?

Сколько он ждал, чтобы задать эти вопросы? Аристид не часто стеснялся спрашивать и совсем не стеснялся высказывать свое мнение и давать советы. Он в принципе не был стеснительным. Но что-то в его голосе позволило мне понять, что он и так все знает. Он бросал мне вызов? Провоцировал солгать?

Я пожалел, что на мне нет плаща. Символы и амулеты дают нам силу из-за того, как мы их воспринимаем. Подумав об амулетах, я тронул медальон под рубашкой, осколок раковины, полученный от Тихих.

– Надо понимать, Паллино показал тебе запись со своего доспеха.

Из всех, кто был со мной у озера на борту «Демииурга», только камера Паллино зафиксировала, что со мной случилось. Айлекс отыскала запись, пока я еще спал у Кхарна Сагары, регенерируя руку. Ей хватило ума проверить все доступные записи, прежде чем люди Тита Хауптманна забрали их. На других не оказалось ничего. Паллино как-то умудрился все время смотреть в верном направлении, и его камера зафиксировала все: как Араната отсек мне правую руку с мечом, а потом и голову. Я посмотрел запись один раз и приказал поместить ее в кристальное хранилище «Тамерлана». Никто не должен был знать о ее существовании. Из

Имперской канцелярии ко мне до сих пор не обращались, и я был уверен, что Айлекс в точности выполнила мое поручение.

Но я не удивился, узнав, что Лориан обнаружил запись.

– Показал, – признался Аристид. – Но если бы не показал, тебе пришлось бы повторить этот фокус прямо сейчас.

Мне было не до смеха.

– Ты не думал о том, что ты – не ты? Что ты подосланная копия, созданная Кхарном Сагарой? – Он холодно осмотрел меня, обеими руками держась за набалдашник трости.

Мне стало ясно, что я недооценивал Лориана Аристида. Он не был одним из моих поклонников, не верил в меня, как в божество. Он был самым ярым скептиком, не верящим даже собственным глазам.

И я все-таки рассмеялся:

– Об этом я подумал первым делом. Но факты не сходятся.

Видения о Тихих начались у меня задолго до Воргоссоса, после экспедиции в Калагах, а может, еще в Мейдуа. Происходившее со мной играло куда большую роль, чем Воргоссос, Кхарн Сагара и его ручной деймон. Братство говорило, что Тихие подчинили его, заставили послать мне видение, предвидя мою встречу с Братством. Братство – возможно, наиболее умное существо, когда-либо существовавшее в мире, заметило Тихих, когда те заглянули через ослепительную бездну времени. Я рассказал обо всем этом Лориану, и он нахмурился.

– Ты не знаешь всего. Я сам не знаю всего, но я – это я. Вот. – Я закатал рукав и показал ему правую руку. – Ты показал мне свою, я покажу тебе свою.

В ярком свете ламп слабо виднелись сотни мелких шрамов, покрывавших тыльную сторону кисти, ладонь и запястье.

– Когда я был еще подростком, меня обокрали на улице Мейдуа по дороге в отцовский замок. Сломали руку и едва не убили. Я лечился несколько недель. Носил корректирующую шину – тебе такие наверняка знакомы. Видишь шрамы? – указал я, ожидая ответа, но лицо Лориана оставалось непроницаемо. Я опустил рукав. – Раз ты видел запись, то знаешь, что Араната отрубил мне правую руку. Потрогай.

Я протянул руку, и Лориан осторожно ее пощупал. Его рука была сухой и невесомой, как у скелета.

– Теперь потрогай другую, – протянул я левую и дал ему пощупать. – Когда я впервые ложился в фугу, на мне был фамильный перстень, – рассказал я, снимая с большого пальца кольцо Аранаты. – Из-за него у меня случился криоожог отсюда досюда. – Я отметил участок от одного сустава до другого. – Когда я ожил, – неловко произнес я, понимая, как безумно это звучит, – оказалось, что я потерял левую руку, а не правую. А все это было на месте. – Я снова показал шрамы на правой руке. – Машина не допустила бы такую ошибку. К тому же, когда... это случилось... – я не смог сказать «когда я умер», – когда это случилось, Кхарн Сагара был мертв. Отключен. Он регенерировал. Весь корабль был в отключке.

Я не рассказал о последней встрече с Вечным повелителем Воргоссоса, о том, как желтый король пытался у меня секрет вечной жизни, которого я не знал. Мне удалось это доказать.

– Лориан, я не знаю, что со мной случилось. Но знаю, что я – это я.

На призрачно-бледном лице молодого интуса появилась слабая улыбка.

– А кто не знает?

Несколько минут мы шли в тишине. Впереди уже маячил знак трамвайной остановки, белая черта в зеленом круге.

– Ты не ответил на мой вопрос, – сказал вдруг Лориан и снова остановился, опираясь на трость. – Тебе правда снится будущее?

Покачивая головой, я с прищуром оглядел командера Аристида. Ему не следовало знать, что Полусмертный просыпается ночами в холодном поту от снов о клыках и огне и от воспо-

минаний о бледных руках в темной воде. Ему не следовало знать о призраках Уванари, Гиллиама Васа и Эмиля Борделона. О Джинан и Хлысте.

– Нет, – ответил я. – Мне снится прошлое.

Глава 18

Ночные путешествия

Сначала по десять, затем по одному члены экипажа ложились в ледяную фугу.

Я к ним не присоединился.

В конце концов я решил вообще не спать, ни по истечении полугода, ни после того, как в фугу улеглась Валка, ни по окончании первого года нашего путешествия. Чем старше я становился, тем чаще проводил короткие перелеты, бодрствуя наедине с собой, проживая каждый день так, как я уже описывал. Я оставался один на годы, в то время как корабль спал. Знакомился с так называемыми ночными офицерами, членами экипажа, управлявшими кораблем, пока Корво и другие знакомые мне офицеры спали. К моему стыду, имена большинства из них выветрились из памяти. Помню лишь молодого ночного капитана Родерика Халфорда. Остальные превратились в фантомов. Девушка, с которой я допоздна играл в дружбу, старый механик, которого я встречал каждый день во время прогулки по корабельному экватору. Большинство младших членов экипажа боялись со мной говорить, как будто я сам был каким-то призраком. За гидропоникой и пчелами следила пожилая женщина, напоминавшая мне доктора Чанд из эмешского Колоссо. Всякий раз, когда я уединялся в своей укромной нише, я слышал, как она напевала что-то овощам и крошечным полосатым солдатам, сновавшим туда-сюда по воле своей королевы.

Тогда – во время моего первого ночного путешествия – я и начал писать мемуары. Я написал о своем побеге с Делоса, о днях, проведенных на Эмеше, о битве с Вентом и Борделоном на Фаросе. Дойдя до прибытия на Воргоссос, я забросил этот проект. Мне не хотелось вновь переживать те месяцы, бродить по мрачным коридорам дворца Кхарна и вспоминать те бесчисленные ужасы, которые он эксплуатировал в свое удовольствие. Прошли десятилетия, прежде чем я вернулся к мемуарам. Я часто задумываюсь, что стало с теми оригинальными заметками, не вошедшими в вариант, который я пишу сейчас. Должно быть, пылятся где-то в имперских архивах, а может, были украдены кем-то из особо фанатичных членов экипажа. Возможно, когда-нибудь они вновь всплывут. Найдут путь сюда, на Колхиду, и окажутся в Имперской библиотеке рядом с этими записками. А может, и нет. Кто знает?

Так проходили месяцы, за ними – годы. Наконец спящий корабль зашевелился. В коридорах появились новые лица, зазвучали голоса, под потолками кают и сводами огромных трюмов понеслись объявления публичной системы оповещения, эхом отражаясь от переборок и укрепленных опор. Солдаты вернулись к тренировкам и спаррингам, в казармах затопотало множество ног. Пробужденные ирчтани ходили в столовые вместе с людьми, и вскоре я перестал посещать гидропонический отсек, который заполнили техники, ботаники и ловцы рыбы. Проснулась Корво, за ней Дюран, Коскинен, Феррин, Уайт и остальной персонал мостика. Проснулись Паллино и Элара, Сиран, Петрос, Каллиста, Даскалу – все офицеры-легионеры. Валку разбудили одной из последних. Я ждал у ее яслей и лично вручил традиционный стакан апельсинового сока. Весь экипаж «Тамерлана», все девяносто с лишним тысяч проснулись и с нетерпением предвкушали какое-то действие.

Спустя несколько дней... мы прибыли к месту назначения.

Глава 19

Челюсти смыкаются

– Что значит «ничего»?! – возмутился я, стоя спиной к мостику.

Я закрыл глаза, не желая видеть разочаровывающую россыпь звезд за фальшокном.

– Простите, милорд, – дрожащим голосом ответила лейтенант Юлиана Феррин. – Разведчики Османа проверили более шестидесяти процентов территории, но не нашли и следа пропавших легионов.

Выругавшись, я треснул адамантовым кулаком по стеклу, жалея, что оно не настоящее и не может разбиться и впустить внутрь пустую космическую мглу.

– Прикажите разведчикам послать оставшиеся зонды и направляться сюда. Я хочу лично принять их извинения.

«Ярость ослепляет», – прозвучал в ушах голос Гибсона.

Я перевел дух, набрал в грудь побольше воздуха и все же сказал:

– Спасибо, лейтенант. Это все.

За спиной послышались ее удаляющиеся шаги, но обернулся я лишь тогда, когда она спустилась по лестнице и заняла свой привычный пост.

Я подошел к капитану и голографической камере:

– Корво, Варро, Аристид, за мной. Дюран, оставляю мостик на вас. – И слабо улыбнулся Валке, стоявшей у капитанского кресла, намекая таким образом, что ей следует присоединиться к нам.

Дежурная комната располагалась рядом с мостиком, за боковой дверью, открывшейся при моем приближении. Я почти не сбавил шаг, увлекая за собой остальных, как акула утягивает планктон.

– Адриан, мы этого ожидали, – сказала Корво, как только дверь закрылась. – Вероятность, что разведчики ничего не найдут до нашего прибытия, была велика.

Я кивнул. Она была права, и, признав это, я тут же успокоился.

Тор Варро откашлялся и произнес:

– В чем смысл звать разведчиков сюда? Они на другом конце вверенного нам участка. Это пустая трата времени. Пускай продолжают поиски и отчитываются по телеграфу.

Он тоже был прав. Я поспешил, отдав Феррин приказ вызвать их. Слишком долго я был в одиночестве, и эти годы сделали меня резким и грубым. Я вдруг посочувствовал Бассандеру Лину, которому часто приходилось бодрствовать во время межзвездных перелетов.

– Хорошо, – согласился я. – Варро, пожалуйста, передайте Феррин, что приказ отменяется.

Схоласт поклонился и вышел из комнаты. Я уселся во главе стола, в кресло, обычно занимаемое капитаном. Моя шинель задралась, и высокий воротник задел скулу. Перекинув ногу через подлокотник, я перевел взгляд с Корво на Аристида и Валку.

– Все корабли прибыли? – спросил я, почти уверенный в том, какой ответ получу.

– Ждем только «Кирусин», – сказала Корво. – Они немного сбились с курса и сейчас корректируют его.

– Сколько ждать?

– Три дня. Они совсем рядом.

– Ладно. – Я задумчиво прикусил язык. – У нас два варианта. Присоединиться к разведчикам и попытаться найти хоть что-нибудь или двигаться дальше к «Диону» и Немаванду.

Аристид счел, что раз я сел, то и он может, и устроился в кресле напротив меня в другом конце овального стола.

– Стратегически верным будет лететь к Немаванду, – сказал он. – Провинция Раманну крайне нуждается в подкреплении. Набеги сьельсинов на регион участились, и потеря Немаванда будет означать потерю всей Вуали.

– И бои переметнутся в сам Центавр, – добавила Валка, но по ее снисходительной улыбке я понял, что она догадывается, о чем я думаю. Высадиться на Немаванде – если на нас не нападут по пути к «Диону» – означало бросить пропавшие легионы на произвол судьбы и вернуться на Форум с позором.

Уже не впервые я задумался о бегстве. Большинство солдат и офицеров последовали бы за мной, если бы я украл «Тамерлан» и отправился в вольные скитания. Мы могли бы атаковать сьельсинов на своих условиях... но нет.

– Мы уже ведем бои в Центавре, – возразил Лориан. – Это Дораяика перешло границу, напав на Гермонассу. Сьельсины заходили достаточно глубоко с самого начала войны.

– Возможно, все эти набеги – дело рук Дораяики, – предположил я.

– Этого нам не доказать, – справедливо заметила Корво, хотя меня не покидало чувство, что я прав. Я также почти не сомневался, что именно Дораяика было тем князем-аэтой из моих видений. Тем, кто жег звезды.

Вернулся Тор Варро, о чем возвестил свист двери.

– Разведчики продолжают работу, – сказал он, не садясь.

– Спасибо, советник, – ответил я, потянувшись к медальону под рубашкой; он был теплым. – Если мы улетим, то легионы будет уже не спасти.

– Возможно, там уже и спасать-то некого, – сказал Лориан.

Валка почесала татуированную руку.

– Но если оставить это без внимания, могут пропасть корабли, которые прилетят сюда после нас, – обратилась она к Аристиду, ведь, в конце концов, он был ответствен за тактику. – Стоит ли так рисковать?

– Трудно сказать, – ответил Лориан и принялся медленно перебирать пальцами по трости, опуская каждый палец с осторожностью. Какое-то ортопедическое упражнение?

– Маловероятно, что следующий конвой будет лучше нас подготовлен к нападению, – изрек Варро. – Если мы ничего не выясним, то путь из внутренней Империи через Гододин может стать непреодолимым, и весь трафик придется пускать ближе к центру. Это увеличит сроки доставки провизии и подкреплений на десятки лет. – Он покачал головой. – При всем уважении, я вынужден не согласиться с командером Аристидом. Мы должны остаться здесь и попытаться обнаружить тех, кто стоит за нападениями.

– Первым делом мы должны, – перебила Корво, прищурившись и скрестив руки, – посоветоваться с другими капитанами.

– За три дня от нас не убудет, – задумчиво заключил я, потирая подбородок. – Уведомите остальные корабли, что мы дождемся «Кирусин» и проведем совещание, как только они выйдут из варпа.

Голограммы появлялись, как призраки, как тени Тиресия и Агамемнона, вызванные отважным Одиссеем из подземного царства Аида. Мы с Корво находились в главном конференц-зале, сразу по коридору от мостика. Все капитаны – в виде голограмм – уже собрались. Эльдан, капитан «Гордости Замы», смуглый улыбочивый человек с телосложением палатина. Адина с «Кирусина», светловолосая и бледноглазая, почти как Лориан. Крючконосый Янек, капитан «Андрозани», напоминавший мне орла, жившего в зверинце моей бабушки. И наконец, бравый Махендра Верус, эталонный имперский офицер в выглаженной черно-серебристой форме.

Все поприветствовали нас, постучав по груди и вскинув правую руку.

– Лорд Марло. – Верус поочередно кивнул каждому из нас. – Капитаны Корво, Эльдан, Адина, Янек. Надеюсь, дорога не слишком вас утомила.

– Все прошло гладко, – ответила Корво. – А у вас?

– Никаких жалоб.

– Прошу прощения за задержку, – подала голос капитан Адина. – Наш навигатор допустил небольшую ошибку при расчете прыжка.

– Ничего страшного, капитан, – махнул я рукой и, обойдя Корво, встал посреди проекционной камеры, прямо на красную точку, нарисованную на полированном металлическом полу.

Быстро изучив лица остальных – ведь из всех капитанов я встречал на совещаниях лишь Веруса, – я начал:

– Дамы и господа, перед нами непростой выбор. Вы, должно быть, уже знаете, что разведчики с Гододина до сих пор не смогли ничего узнать о судьбе Сто шестнадцатого и Триста тридцать седьмого легионов Стрельца.

– Нужно лететь на Немаванд, – сразу выпалил улыбчивый Эльдан, повторяя предложение Лориана.

Я посмотрел на него.

– Благодарю вас за мнение, капитан Эльдан. Я его учту, – сказал я, не скрывая, что раздражен тем, что меня перебили, и пробежался взглядом по собравшимся. – Теперь же нам предстоит решить: последовать ли совету, который нам с таким энтузиазмом предложил уважаемый капитан, или остаться помочь разведчикам в поисках.

Я включил пульт, и в темноте между нами расцвела голографическая карта сектора. Спустя несколько секунд – поправка на задержку скорости света между кораблями – такие же проекции появились на каждом из кораблей. Почти вся карта светилась белым, лишь в середине цвел красный бутон.

– Наши разведчики обыскали все в радиусе девяти световых лет от этого передатчика. – Я ткнул пальцем в центр проекции. – Непокрытой осталась лишь внешняя зона.

– Учитывая задержку в девять лет между подачей сигнала и получением, возможно, очень скоро у нас появятся новые данные. – Голографический Верус подошел ближе к карте, призрачной рукой проведя по краю пространства. – Нам известно, где сейчас разведчики Османа?

– «Легендия»? – Корво помогала головой, растрепав облако волос, обрамлявшее суровое лицо. – С точностью сказать нельзя. Они загрузили результаты данных в ретранслятор, но в данный момент находятся в варпе. Перед этим они были на дальнем краю сектора.

– Когда они выйдут из варпа? – спросила Адина.

Последние годы разведывательные корабли производили микропрыжки по всему пространству вокруг передатчика, останавливаясь, чтобы запустить легкие зонды в надежде обнаружить хоть какую-нибудь улику или след прошедшего конвоя.

Пока им не удалось найти ничего, кроме призраков.

Я подумал о туманных лесах Земли в ее Золотой век, об армиях, марширующих под шепчущими деревьями, чтобы никогда не вернуться.

Отавия Корво проверила какие-то цифры на наручном терминале. Я знал, что капитан носит энтоптические линзы. Все, что она видела, фиксировалось прямо на сетчатку. Я такие приспособления терпеть не мог, предпочитая терминалы с более примитивными голографическими дисплеями.

– Через двадцать семь дней, – ответила она.

– Двадцать семь дней! – вскинув руки, воскликнул Эльдан. – Хотите, чтобы мы сидели тут почти месяц, словно примитивное парусное суденышко в ожидании попутного ветра?

Он отвернулся вполоборота, возможно, чтобы скрыть презрительную гримасу на своем чересчур выразительном лице.

– Нет, капитан, – произнес я ледяным тоном своего отца, – я хочу, чтобы вы подчинялись приказам, какими бы они ни были.

Я подошел к его голограмме и остановился. Дождавшись, пока он без удовольствия повернется обратно ко мне, я сказал:

– Буду рад обсудить детали лично, если вы готовы прилететь на «Тамерлан».

– Я... – Эльдан покосился на Корво, но не встретил ни поддержки, ни сочувствия. – В этом нет необходимости.

На моем лице ненадолго заиграла марловская улыбка.

– Хорошо.

Я развернулся, отметив, как выглядел мой силуэт на фоне гладкой металлической стены этой круглой комнаты – высокий и тонкий, как древко копья, черный фантом.

– Как я говорил, перед нами непростой выбор. Капитан Эльдан верно определил, о чем речь. Что нам делать? Немедленно отправиться на помощь Немаванду и внутреннему кольцу или остаться, чтобы заманить охотников в западню? – Я вытянул руку ладонью вверх, словно взвешивая невидимую чашу. Сам я уже твердо решил остаться, но не хотел давить на остальных. – Капитан Эльдан предлагает лететь. Безусловно, он беспокоится о наших братьях и сестрах на фронте. Это похвально, но не слишком обдуманно.

– Парень, да в этих легионах все давным-давно покойники! – отмахнулся Эльдан.

– Капитан, для вас я «милорд», – произнес я, нажимая на каждое слово, и лишь в конце осознал, что говорю, как отец. – Возможно, вы правы. Но если и так... те, кто на них напал, уж точно не покойники. Если только нам не удастся подтвердить, что вокруг никого, кроме нас, нет, путь через Гододин во внешние провинции придется забросить. Мы не знаем, кто здесь рыщет.

Я щелкнул пультом в левой руке и спрятал его в карман шинели. Голографический космос рассеялся, оставив нас с Корво наедине с призраками капитанов.

– Коллеги, у меня предложение, – сказала Корво.

Идея принадлежала ей. Я проворно отошел в сторону, позволив капитану занять место в центре. Отавия выпрямилась в полный рост, нависнув над двумя патрициями и даже над палатином Эльданом.

– Радиус неизученного пространства – тридцать шесть световых лет. На полном ходу мы пройдем его за... полмесяца? – Она притворилась, что считает в уме. – Предлагаю пересечь это пространство на медленном варпе, скажем... пятьдесят цэ?

– На пятидесятикратной скорости света? Это же... семь месяцев? Восемь? – Адина была возмущена. – Так медленно?

– Глупость, – заявил Эльдан. – Пустая трата времени.

– Хватит сопли распускать! – выпалил Янек. – Хотите поскорее свалить отсюда, даже не поискав драки?

Верус жестом призвал их к тишине.

– Уймись, вы оба. Эльдан, ваша позиция понятна. – Он сложил руки и склонил голову, раздумывая. – Капитан Корво выдвинула разумное предложение. Так у разведчиков хватит времени, чтобы проверить внешние регионы, и они как раз успеют оказаться в той же точке радиуса, куда направимся мы.

– И так мы все равно будем двигаться к Немаванду, – добавил Янек, – что несомненно обрадует славного капитана «Гордости Замы».

Он с прищуром взглянул на Эльдана. Я чувствовал, как классовое неравенство подливает масла в огонь. Эльдан рассчитывал, что его палатинская кровь позволит надавить на остальных, включая даже Веруса, который стоял выше по рангу, несмотря на то что был всего лишь патрицием.

– Мы можем встретиться на границе сектора, – сказала Корво, – собрать все новые данные и определиться с дальнейшим курсом.

Она сложила руки на груди, что еще сильнее подчеркнуло ее рост и могучее телосложение. Люди вроде Эльдана считали физическое совершенство добродетелью, и для него вид Корво был не меньшим аргументом, чем мои угрозы.

Вот и порешили.

– Мы будем большой, медленной и легкой мишенью, – заметил Эльдан.

– Именно так, – сказал я и шагнул вперед, засунув пальцы за пояс.

Безмолвные звезды проносились мимо, превращенные из точек во взбаламученные нашим прохождением яркие завитки. Их свет размазывался вокруг разветвленного переднего края варпенного кожуха «Тамерлана». Мы шли на одной скорости уже много дней, недель, и весь экипаж находился в тревожном предчувствии, в напряженной, кричащей тишине. Купол над головой был одним из немногих мест на верхней палубе «Тамерлана», откуда видны были звезды. Он не выполнял никакой практической функции и был спроектирован архитектором, прекрасно отдававшим себе отчет в том, что на корабле легко ощутить клаустрофобию. При необходимости купол можно было закрыть броней, смыкавшейся над ним, как глазное веко.

Я остался один; мне хотелось проветрить голову после очередной консультации с Корво, Варро, Дюраном и Аристидом. Корнелий Эльдан не слишком меня беспокоил. Таких, как он, офицеров было пруд пруди. Его желание поскорее отправиться к Немаванду было мотивировано трусостью, но трусость была одним из проявлений благоразумия, и он по здравом размышлении смирился с принятым решением. Люди вроде Эльдана чувствовали свою силу лишь в противостоянии с нижестоящими. У него была кишка тонка перечить мне, Корво и Верусу.

Передо мной на странице альбома один за другим появлялись портреты четырех капитанов.

Белый уголь на черной бумаге.

Я лишь недавно распробовал такие отраженные изображения. Так мне нужно было рисовать не тени, как при традиционной графике, а свет. Портреты Веруса, Эльдана, Янека и Адины сияли, как голографические призраки из проектора. Сдунув пыль с листа, я полюбовался работой. Пожалуй, глаза Адины получились чуть ближе друг к другу, чем на самом деле, а нос Янека оказался чуть великоват, но я решил, что эта легкая карикатуризация отражает их характеры. Вышло хорошо. Отложив карандаш, я перелистал черные страницы. В альбоме нашлось место и летающим ирчтани с их зитраа, и Катраету во всей его бледной прелести. Между двумя страницами лежал цветок древа Галат, не увядший и не засохший за все годы, что мы провели вдали от Форума. На другой странице был портрет Валки, дремлющей, по своему обыкновению, в кресле нашей каюты, завернувшись в одеяло.

Я с улыбкой захлопнул альбом. Если не считать трех членов экипажа, проводивших здесь свой выходной, я был в обсерватории один. Матросы – двое мужчин и женщина – тихо общались и посмеивались за какой-то голографической игрой. Их лица не были мне знакомы, и я решил, что они из низших когорт – солдаты, которых редко выпускают из фуги. Вероятно, они были триадой, наименьшим, самым скромным военным формированием. Трое простых солдат.

Полезно иногда вспоминать, что солдаты под твоим командованием – обычные люди. Мы не экстрасоларианцы, не древние мерикани, а они – не машины. Их жизни для нас – не разменные монеты, а добровольные жертвы, подобные тем, что наши предки оставляли на алтарях предвечных богов. Именно поэтому лучшие командиры, лучшие капитаны и правители делают все, чтобы люди знали их, а сами они знали своих людей. Дают понять, что не предадут их доверие и верность в самый ответственный момент – который непременно наступит.

Вспышка ярче солнца озарила все вокруг, и «Тамерлан» потрянуло. Фиолетовые фракталы и размазанные звездные полосы мигом исчезли. Когда в голове прояснилось, я поднялся и увидел над собой ничем не прикрытые звезды.

Они не двигались.

Секундой позже включилась сирена.

«Уваа! Уваа!»

Сирена, которую я слышал десятки тысяч раз.

– Всей команде занять боевые позиции! – раздался по внутренней связи голос Корво.

И хотя в данную минуту на борту корабля мне ничто не угрожало, я потянулся к мечу. Странно, но я вдруг почувствовал облегчение и повернулся к выходу. Путь передо мной как бы вновь выпрямился. Вперед. Только вперед. Я поспешил прочь из обсерватории. Кровь в венах ускорила, сердце стучало в такт сирене, как барабан войны.

Враг наконец нашел нас.

Глава 20

Аквилярии

Я обрушился на мостик как девятый вал; фалды шинели хлопали за мной.

– Что случилось? – спросил я, взлетая по ступеням из офицерской ямы к платформе капитана, стуча каблуками по темному металлу.

Отавия Корво склонилась над дисплеем, обхватив пальцами раму. Перед ней мерцала голограмма «Тамерлана», жизненно важные системы были подсвечены зеленым и красным, палуба – синим. Повсюду на квадратных экранах мелькали какие-то цифры.

– Не знаю, – сказала она.

– Похоже на гравитационную сеть, – предположил Тор Варро.

Он был пристегнут к аварийному сиденью сбоку от центрального пульта управления, держался руками за ремни. Оттуда ему были прекрасно видны все данные, поступающие на голографический монитор Корво.

– Это лишь догадка, – добавил он, заметив мой взгляд. – Но вся наша электроника в строю.

– А что показывают датчики? – спросил я.

Мне хватило трех минут, чтобы добраться до мостика из обсерватории, но я уже успел почувствовать, что первоначальная паника среди офицеров постепенно сменяется замешательством.

– Щиты включены и не повреждены, – проинформировал командер Аристид, хотя к делу это не относилось.

– По нам открыли огонь? – спросил я, перегибаясь через перила над постом Аристида и других офицеров-тактиков.

Как по заказу, на экране Корво замигал индикатор.

– Похоже на магнитный снаряд! – воскликнула одна из младших тактиков. – Щиты выдержали.

Кто-то выпустил по нам магнитно ускоренный вольфрамовый снаряд диаметром более ярда с расстояния в несколько десятков тысяч миль.

– Вычислили, кто стреляет? – спросила Корво и отдалила изображение так, что призрачный «Тамерлан» превратился в точку посреди бесконечной тьмы.

– Обнаружен тепловой след! – воскликнула та же девушка-офицер.

Я еще сильнее перегнулся через перила. Аристид с лейтенантами засекли три плотных световых кластера примерно в сотне тысяч миль от нас.

– Незнакомая конфигурация, – заметил Аристид. – Они огромные.

Я сразу же вспомнил «Демиург», гигантский корабль Кхарна Сагары, который был несколько миль длиной, и «Загадку часов», могучее судно, в трюме которого могли запросто поместиться восемь «Тамерланов». Вспомнил я и необъятный корабль князя Улурани у Аптукки, превосходивший по размеру небольшую луну.

На пульте за моей спиной снова мигнул индикатор щита.

– Пристреливаются, – произнес я как бы про себя. – Знают, что мы под щитами.

– Картинка есть? – спросил Дюран, поспешно сбегая вниз к Аристиду.

– Где другие корабли? Дайте мне изображение врага! – приказала Корво.

Коскинен и Уайт запустили в направлении атакующих поисковый зонд. Я крепче вцепился в перила, представив вдруг с ужасом, что остальных кораблей нет рядом, что только нас выхватили из варпа, а наш эскорт продолжает двигаться на субсветовой скорости к станции «Дион», даже не зная о том, что мы попали в переделку. Кто бы ни прервал наш полет,

они заставили «Тамерлан» медленно кружиться, и цель, за которой следил Аристид, оказалась теперь высоко над нами, нависая проклятым дамокловым мечом.

Здесь, на мостике, я чувствовал себя совершенно бесполезным. Я многое умею, но в космосе от меня толку мало. Я мог лишь наблюдать за тем, как мои люди выполняют свою работу, делают то, чему они обучены, то, чего я от них жду.

– Получены сигналы с «Минтаки» и «Кирусина», – развеяла мои страхи Феррин.

– Множественные контакты! – воскликнул один из младших тактиков.

В космосе вспыхнули тысячи световых точек, мгновенно развив скорость, которую человек не способен выдержать без супрессионного поля.

Картина была знакомой, и спустя мгновение Лориан подтвердил.

– Всем приготовиться! – прозвенел его высокий аристократический тенор.

Глядя на маленького интуса, и подумать было невозможно, что он способен быть таким громким. Все вдруг стало происходить одновременно, офицеры враз занялись сотней дел. Никто не знал, к чему конкретно готовиться, – это могли быть и ракеты, и плазменные бомбы, и зонды, и легкие истребители, и абордажные шаттлы. С такого расстояния нельзя было разоб-
раться.

Но и ждать тоже было нельзя. Корво увидела на своем экране то же, что видел Аристид, и не мешкала. Она была прожженным ветераном и знала, что основная угроза для бронированного и закрытого щитами судна исходит не от дальнобойных орудий. Даже если бы у нас не было щитов, адамантовые пластины были уязвимы только для антилитиевых снарядов или высшей материи. Главной опасностью были абордажные шаттлы, подобно морским блюдечкам способные прилепиться к корпусу в тех местах, где его покрывала обычная сталь или композитный углерод. Эта угроза требовала скорейшего реагирования.

– Выпускайте аквилариев! – скомандовала Корво. – Десять эскадрилий, остальные в резерве!

– Есть, капитан!

Я не услышал, как Аристид отдал приказ, не услышал и сирену, завывшую в казармах пилотов несколькими уровнями выше, но увидел их. Двести пилотов мгновенно бросились выполнять свой долг, натянули комбинезоны и шлемы, спустились на лифтах к экватору и вскарабкались по лестницам в свои корабли. С лязгом разомкнулись фиксаторы, и «Пустельги» с «Сапсанами», подобно ракетам, вырвались из пусковых шахт. Мне доводилось летать на таких, но пилот из меня был плохой. Я ясно помню тихий мрак шахты, стремительно проносящейся мимо, слабый писк приборов и прерывистое дыхание. Помню вспышки и неожиданно яркое сияние звезд, когда мы разворачивались и взмывали над темной дугой верхней палубы или пикировали вниз, лавируя между башнями. Я наблюдал за пилотами на тактической карте. Двести легких истребителей выстроились вокруг «Тамерлана», прямо за щитами. Их задачей было отстреливать абордажные суда, пока артиллеристы «Тамерлана» ведут ответный огонь по вражескому кораблю.

– Капитан, ждите картинку! – пробасил немногословный навигатор Уайт. – Коммандер прав. Корабль огромный.

– Насколько? – спросил я и, услышав ответ Уайта, воскликнул: – Это ж почти как планетоид!

– Так точно, милорд! – согласился он.

Я прошел немного, чтобы оказаться над постом навигатора.

– Экстрасоларианцы?

Не успел я спросить, как на пульте Уайта прозвенел звонок. Пришла картинка с поискового зонда.

– Что это?

Уайт мне не ответил.

– Лейтенант, что там?

Навигатор непослушными пальцами нашел правильную кнопку и перевел видеосигнал на фальшокно. Звездная карта исчезла как по щелчку пальцев, сменившись другим изображением. На фоне тьмы двигался черный силуэт, закрывая собой звезды.

Он был величиной с карликовую планету, как я и предположил, и почти таким же круглым. Дрон, запущенный с помощью лазера на скорости в двадцать процентов от световой, уже миновал его. Спереди корабль, покрытый тускло мерцающей в звездном сиянии шапкой льда и горной породы, в самом деле можно было спутать с планетой. Но сзади... он плавно переходил в индустриальный город с тоннелями, башнями и лабиринтами, похожими на муравьиные. Источенный термитами корабль-мир размером больше любого виденного мной. Больше корабля с Аптукки. Больше уничтоженного Титом Хауптманном дворца князя Аранаты.

Съельсины явились.

– Множество абордажных катеров у других кораблей! – воскликнул пришедший в себя Уайт. – «Минтаку» пробили! Капитан Верус закрылся на мостике!

Я бессильно потянулся к мечу.

– Мы на очереди. Они попытаются вывести из строя наши щиты и двигатели. – Я поспешил обратно к Корво. – Пустите меня в эфир.

Капитан отошла, позволяя мне воспользоваться системой оповещения. Я взял микрофон и поднес ко рту:

– Внимание! Говорит лорд Марло! – Я почувствовал, как моя внутренняя тишина как бы заполняет весь корабль. – Всем занять боевые посты. Повторяю: всем занять боевые посты. Приготовиться к отражению абордажной атаки. На нас напали съельсины. Повторяю: на нас напали съельсины.

Я взял паузу, не зная, что сказать еще. Сглотнул и добавил, хотя и был неверующим:

– Да хранит нас Земля. Конец связи.

Корво таращилась на меня. Когда я это заметил, она кивнула и вернулась к своей работе, передавая приказы по рации, чтобы не кричать. Казалось, она хотела мне что-то сообщить, но возможности ей так и не представилось. На огромном экране возникла яркая вспышка.

– «Минтака» взяла курс на вражеский корабль! – воскликнула Феррин.

– Что творит Верус? – склонилась над проекционной камерой Корво. – Он летит прямо на них!

Сложив руки, я наблюдал за тактической картой. «Минтака» неслась к кораблю-миру съельсинов под крутым углом.

– Он хочет выйти на их орбиту? – задумался я.

Корабли съельсинов были настолько массивны, что наиболее выгодным способом атаки был выход на низкую быструю орбиту. Такой же подход, как при атаке планет.

– Свяжитесь с Верусом! – приказала капитан Корво.

На голограмме открылась голосовая панель. Изображения худощавого капитана не появилось.

– Верус, – раздался его подчеркнуто спокойный голос. Он был настоящим профессионалом.

– Капитан, доложите о ситуации, – сказала Корво.

– Они вывели из строя наши истребители. Несколько демонов прорвались на борт. Я задраил переборки. Все под контролем.

– Сколько их на борту? – не мешкая уточнила Корво.

– Пара сотен. Все под контролем. Все под контролем.

Он повторял эти слова как мантру. Как молитву. Мы слышали за его спиной крики.

Затем связь прервалась.

– Что случилось? – забарабанила по консоли Корво. – Феррин, восстановите связь!

– Сигнала нет, мэм. Но корабль еще цел. – Голос связиста был натянут как пружина.
– Они теряют скорость, – вклинился в наши переговоры Аристид. – Что-то не так.

Что бы это ни было, с этим пришлось подождать. На тактических консолях внизу заморгал предупреждающий сигнал, и интус повысил и без того высокий голос:

– Враги ускоряются! Все еще на перехватывающем курсе!

Абордаж.

Я повернулся к окну, прищурившись, взгляделся во Тьму, желая, чтобы находящийся в тысячах миль враг наконец показал себя.

– Приготовьтесь сбросить антимагические мины по моему сигналу, – скомандовал Лориан Аристид.

Ему не нужно было дожидаться приказа. Он знал свое дело назубок.

– Сброс!

На голограмме между нами и кораблем съельсинов рассыпались красные точки, словно одеялом накрыв все пространство. У них было достаточно простое устройство: полые сферы содержали несколько гранов антилития в магнитной суспензии. Суспензия прекращала действие при приближении какого-либо тела. Антиматерия сталкивалась с оболочкой мины, в результате чего происходил материально-антиматериальный взрыв, уничтожающий в радиусе действия все, что не защищено энергетическим щитом.

Даже адамант.

Я вернулся к фальшокну, и тут один из младших техников переключил картинку. Теперь вместо корабля съельсинов перед нами был рой маленьких кораблей. Даже при многократном увеличении штурмовые суда съельсинов были едва заметны во тьме. Мы видели их лишь благодаря отсветам их двигателей. По краям огромного экрана появились вставки с других камер, и я заметил серых «Пустельг» и белых «Сапсанов», снующих вокруг «Тамерлана». Сглотнув зубы, я вцепился рукой в плащ, мысленно давая обратный отсчет. Сколько нужно было считать, я не знал.

– Уже вот-вот, – произнес Дюран.

Темноту озарил свет ярче десятков солнц. Свет!

И тишина. Ни звук, ни колебания воздуха не нарушали этой бездонной тишины. Возможно, через десять тысяч лет отсвет этого взрыва достигнет какой-нибудь далекой планеты и озарит ее чужое небо. Какой-нибудь пастух, быть может, поднимет взор и обомлеет от страха и восхищения, но до тех пор никакие фанфары не сопровождают этот разрушительный залп, если не считать таковыми сухую реплику Лориана:

– Сбили.

Но сбили не всех. Абордажные суда растянулись на сотни миль космического пространства, и уцелевшие неслись еще быстрее сквозь подернутый дымкой участок, где только что были мины.

– Всем батареям: сконцентрировать огонь на съельсинском флагмане! – скомандовала Корво, выходя на платформу.

– Нет, не надо! – вмешался я. – Отбой!

– Адриан, это мой корабль! – возмутилась Отавия. – Какого черта?

Должно быть, я сильно ее рассердил. На мостике она никогда не называла меня Адрианом. Она скрежетала зубами; ее глаза как будто превратились в застывший янтарь.

Мне следовало объясниться, но рассудок не поспевал за инстинктом, и мне пришлось напряженно задуматься.

– Наши легионы наверняка у них на борту. Нужно применить ту же тактику, что и враг. Сражаться на их территории.

– Это не входило в планы, – прищурила янтарные глаза капитан.

Я повернулся к ней, указывая на фальшокно за спиной:

- Нужно взять их в кольцо и, если получится, вывести из строя варпенные двигатели.
- Хотите лететь прямо сквозь рой абордажников?
- Вот они обалдеют! – насмешливо крикнул снизу Аристид.
- Где остальные? – покачав головой, обратилась Корво к Феррин, перегнувшись через

перила.

Как бы в ответ космос озарила яркая полоса, фиолетовый поток разогретой плазмы.

- Это «Гордость Замы», – ответила Феррин. – Они атакуют!

Ее пальцы бегали по панели, в наушники поступала все новая информация, и она постоянно кивала:

- «Андрозани» взят на абордаж! Они подтверждают, что нападающие – съельсины!
- Черт побери! – выругалась Корво. – За ними! Коскинен, полный вперед! Выведите нас на орбиту этой фигни!

- Стоп! – закричал Аристид. – Стоп, стоп!

- Что еще?! – рявкнула на старшего тактика Корво.

Лориан даже не посмотрел на нее. Поднял костлявый палец и застыл так, словно дирижер перед началом симфонии.

- Если сейчас ускоримся, придется бросить аквилариев.

- Мы за ними вернемся! – ответила Корво.

– Или! – парировал Аристид. – Дождемся, пока съельсины приблизятся, и только тогда дадим полный ход.

- Заманим абордажников прямо под истребители, – понял я идею Лориана.

Я не видел его лица, только ореол почти белых волос, но почувствовал, что он улыбается.

– Если Бледные используют свои обычные абордажные катера, против наших ребят они не продержатся и пяти минут.

Корво вцепилась руками в волосы.

– Распоряжайтесь, – кивнула она спустя секунду и, холодно уставившись на меня, добавила: – Надеюсь, вы оба правы.

- И я надеюсь, – ответил я.

– Приготовиться к ускорению по моей команде! Феррин, Аристид, передайте инструкции аквилариям. Не хочу, чтобы они опешили, когда мы рванем отсюда! Лорд Марло, а вы держитесь за поручни! – командовала Корво, быстро возвращаясь на свое место у голографической камеры. Значит, она все еще сердилась.

Я ничего не ответил, но за поручень взялся и расставил пошире ноги. Супрессионные поля должны были подавить инерционный дрейф при ускорении, но нетренированного человека все равно могло сбить с ног. Я был достаточно тренирован.

- Ждем! – крикнул Аристид.

Он до сих пор не опустил палец и говорил таким тоном, как будто командовал кавалерией:

- Ждем!

Рой съельсинских абордажных шаттлов приближался, словно дождь из стрел. Ближе. Еще ближе.

- Ждем!

Расстояние между нами сокращалось с каждой минутой, и я напомнил себе, что съельсины всегда жили в космосе и тысячелетиями адаптировались к его суровым условиям. Я никогда так и не узнал, насколько съельсинам пришлось измениться, как пришлось и нам ради создания великой человеческой мешанины. Мы создали палатинов, патрициев и гомункулов. Другие извращали свою плоть машинами, устанавливали себе порочные устройства в недрах Воргоссоса. Так и съельсины наверняка меняли ход своей эволюции, чтобы одолеть Тьму.

- Ждем! – вновь прозвенел высокий голос Лориана. – Пуск!

– Пуск! – прогремела Корво.

Коскинен запустил основные субсветовые двигатели, и «Тамерлан» рванул вперед. Я даже не пошатнулся. Звезды снаружи корабля, казалось, остались неподвижны – настолько велика была Тьма между ними. Но мы двигались. Абордажные суда сьельсинов пронеслись мимо – красные точки на дисплее Корво. Снаружи в бесконечной Тьме они привели в действие позиционные двигатели и зарыскали, меняя вектор приближения. «Тамерлан» ответил залпами орудий; плазменный огонь и ракеты разорвали темноту. Я наблюдал за происходящим на голографическом экране Корво, видимых внизу тактических мониторах и на большом экране в передней части мостика. Одно окно, передававшее запись, погасло. Видимо, пилот «Сапсана» столкнулся с кораблем сьельсинов.

Но план Лориана сработал. Основная масса нападавших оказалась в сотнях, тысячах миль от нас, прямо в когтях наших аквילариев.

– Что с «Минтакой»? – спросила Корво, воспользовавшись передышкой.

– Сбились с курса, – ответила Феррин. – Основные двигатели отключены.

– Но щиты держатся, – добавил Адрик Уайт.

– Они падают на нисходящую орбиту вражеского судна мертвым грузом, – махнул рукой Лориан. – Мы им никак не поможем.

На мостике воцарилась гробовая тишина. Все перешептывались друг с другом. Я не входил в число вахтенных офицеров и держался поодаль, разглядывая красную звездочку «Минтаки», вращающуюся перед нами вокруг сьельсинского корабля.

– Если щиты выстоят, а палубы удастся зачистить, – заметил Тор Варро, имея в виду прорвавшихся на борт сьельсинов, – они могут продержаться до нашего приближения.

Я кивнул, отвернулся от схоласта и центрального пульта и вновь подошел к основному фальшокну.

– Где другие корабли? – спросил я, едва не уткнувшись носом в стекло.

Прищурился в поисках вспышек, по которым можно было определить проходящий корабль или орудийный залп, но ничего не увидел. Ни лазеров, ни взрывов.

Только тьма. Тьма и тишина. И холод.

– «Здесь царство Смерти, – процитировал я себе под нос, – и нам, живым, здесь места нет...»

Я не помнил, кто автор. Точно не Элиот и не Шекспир. Возможно, эти слова были из какой-то мрачной пьесы Бастьена или Лорки. Я вдруг почувствовал себя глупо и порадовался, что никто меня не слышал.

– Где другие корабли? – повторил я громче.

– «Гордость Замы» приближается, – ответил мне чистый голос Феррин. – Они были дальше всех. Остальные между нами и врагом.

– «Андрозани» еще штурмуют?

– Вероятно, – сказала Феррин.

Я повернулся и увидел, что она смотрит на меня, ее бледное лицо стало еще блее в свете монитора.

– Мы потеряли с ними связь три минуты назад, – пояснила она.

Я открыл рот, чтобы проклясть сам лик земной, но ничего не сказал. Сбоку на навигационной панели замигали белые лампочки, и нас перебил хриплый голос Адрика Уайта.

– С «Минтакой» происходит что-то непонятное.

Коммандер Аристид выглянул, чтобы посмотреть, о чем говорит навигатор. Я проследил за его взглядом, понял, что это глупо, и вместо этого уставился в ближайший монитор капитана. Корво поменяла масштаб проекции, и мне стал хорошо виден кинжальный силуэт «Минтаки» на высокой орбите над кораблем пришельцев. Насколько можно было судить по зернистой картинке, он вращался, словно на льду, вокруг собственного носа.

– Они ее зацепили, – сделал вывод интус. – Загарпунили.
– Невозможно! – возразил Дюран. – Она же под щитами!
– Возможно изнутри, – заметила Корво. – Должно быть, те, кто прорвался на борт, вручную закрепили трос.

Они продолжали спорить еще некоторое время. Я же представил, как абордажные суда сьельсинов черными когтями впиваются в наши корабли. Представил, как сьельсины-берсерки карабкаются по покрытой льдом обшивке и вонзают якоря в мягкий металл, пока их сородичи рубятся на палубах внутри. Они собирались спустить «Минтаку» на ледяную поверхность своего корабля-мира и расколоть ее, как птица раскалывает клювом раковину моллюска.

Мы должны были во что бы то ни стало им помешать.

Я встретился взглядом с Корво сквозь голограмму. Все было понятно без слов; она лишь кивнула мне.

– Аристид! Передайте Бандиту, чтобы готовил абордажный отряд. Пускай отправляются на подмогу «Андрозани», когда мы будем проходить мимо, – распорядился я на бегу к капитанскому посту; плащ развевался за мной, словно крылья.

– Есть, лорд Марло, – ответил Лориан. – Первую когорту?

– Не первую. – Я остановился ровно над постом маленького офицера. – Пускай возьмет третью. Ребята Каллисты давно не были в деле. А первая понадобится мне.

– Зачем? – спросил Дюран.

Свет на мгновение так преломился в линзах его очков, что они показались белыми.

Я замешкался с ответом. Язык не успевал за разрозненными мыслями.

– Через какое время мы будем на орбите этой фиговины? – спросил я, обращаясь ко всему персоналу сразу, но при этом не сводя глаз с экрана и схематичной модели сьельсинского корабля-мира.

– Через два с небольшим часа, милорд, – ответил Коскинен.

– Щиты выдержат?

– Да, милорд, если только враг не припас для нас какую-нибудь гадость, – ответил один из помощников Аристида.

– Хорошо.

Я развернулся и поспешил к верхнему выходу к трамваю-экспрессу, который курсировал от мостика до офицерских кают.

Тор Варро, до сей поры непривычно немногословный, поднялся с места при моем приближении:

– Куда вы?

Я отмахнулся от него, не сбавляя шага:

– Готовиться к абордажу. Хочу, чтобы Первая когорта и ирчтани были готовы к вылету через час. Атакуем сьельсинов. И еще, Варро. – Я наконец остановился, но не повернулся к схоласту. – Найдите принца Александра и запирайте в его каюте. Пусть Бандит выставит охрану снаружи и внутри. Если нас прорвут, нельзя допустить, чтобы его высочество оказался в опасности.

Я почувствовал в молчании Варро желание что-то посоветовать и повернулся к нему. Но облаченного в зеленое схоласта словно бы совершенно не беспокоила сложившаяся ситуация.

– И передайте Верусу, что его бойцы также понадобятся, чтобы отбить «Андрозани».

В этот миг основной экран побелел. Гигантская вспышка озарила весь мостик.

– Капитан... – прошептал помощник Аристида, – «Андрозани»... уничтожен.

Я не услышал, что ответила Корво. Повернулся к окну. Во мне все смолкло и замерло, вся окружающая суeta как бы отдалилась далеко-далеко. Вероятно, сьельсины разрушили топливный отсек варпенного двигателя «Андрозани». Возникшая в результате реакция была сродни той, что происходила в антиматериальных минах, только гораздо масштабнее. Взрыв уничто-

жил корабль и всех находившихся на борту мужчин, женщин и ксенобитов. Сельсины пожертвовали собой, чтобы повысить шансы на итоговую победу.

Что мы могли противопоставить такому хищничеству? Такой яркой ненависти?

– Не пускать на борт ни единого Бледного! – приказал я офицерам. – Немедленно выставить охрану у каждого ядра! Всем быть наготове!

Я развернулся, стараясь не думать о крючконосом капитане Янеке и тысячах его подчиненных, сгоревших вместе с ним в этом кострище. Не осталось даже атомов, чтобы похоронить. Взрыв превратил его, экипаж и каждую деталь «Андрозани» в чистую энергию. Спустя десятки тысяч лет эта энергия тоже озарит лицо какого-нибудь безымянного ребенка, заставив с восхищением посмотреть на мимолетную яркую «звезду».

А может, никто этого и не заметит.

Но мы заметили. Я заметил. И в безмолвной ярости сжал кулаки.

– Милорд! – снова окликнул меня Варро. – Куда вы?

Опять идиотские вопросы. Теперь я почувствовал себя в шкуре Отавии.

Развернувшись, я твердо указал на окно:

– Поведу абордажную команду. Лично.

Глава 21

Демон в черном

Двери шкафчика были распахнуты, как крылья какого-то позолоченного скарабея, и изнутри на меня таращилось черное лицо. Быть может, вы видели его на плакатах или в пропагандистских фильмах? Лицо Дьявола Мейдуа? По моему образу и подобию, без эмоций, глядящее черными зеркальными линзами из-под шлема с широким фланцем. Эти глаза пялились на меня из шкафчика для скафандра, бесчувственные и холодные, как высеченные из черного мрамора глаза моих предков в катакомбах нашего некрополя.

Я наконец стал одним из них.

Прежде чем стать лордами, мы были солдатами.

Но философствовать времени не было, и я застегнул скафандр. Отреагировав на это, волокно подложки стянулось, плотно облепив тело, как комбинезон ныряльщика, закрыв меня от шеи до пят. Включились термальные регуляторы, и скафандр перестал ощущаться как скафандр, словно слившись со мной. Я влез в бронированные сапоги, почувствовал, как они застегнулись на лодыжках. Достал из проложенного поролоном ящика набедренники и проделал с ними то же самое. Затем пришла очередь туники. Я натянул ее через голову; она доходила мне почти до колен. Рубашка была черной, как и остальная моя одежда, расшитой алым узором-лабиринтом. Я застегнул пояс и кожаные птеруги на стройной талии. Пояс сел как влитой. Слева была кнопка активации щита, справа – ножны.

Мои пальцы дотронулись до кнопочной панели шкафчика, и изнутри выплыли, вращаясь на шарнирном подвесе, литой нагрудник и шлем. Я раскинул руки и шагнул в открытый доспех, позволяя магнитным креплениям застегнуться на держателях скафандра. Гибкие титановые и керамические элементы отзывались на каждое мое движение. Я отошел, и маска со шлемом разъединились, сложились в широкий ворот вокруг шеи и лица. Наплечники встали на место автоматически, подчиняясь субинтеллектуальным программам матрицы инфосферы доспеха. Я расправил плечи, послушал, как гудят сервоприводы.

Доспех сидел идеально.

– Что происходит? – В дверях появилась Валка.

Я не остановился, задержавшись лишь, чтобы проверить, на месте ли декоративные наплечные кожаные ремни. Сунул левую руку в предложенную шкафчиком перчатку и сжал кулак, когда та застегнулась. Экран терминала и пульт мигнули красным, как смерть.

– На нас напали, – ответил я. – Сельсины.

– Знаю, – сказала Валка, и я только тогда вспомнил, что вещал об этом на весь корабль.

Разум застилала алая дымка, и мир виделся мне как будто сквозь узкий тоннель, выйти из которого можно было, лишь пройдя его до конца.

– Да, прости. – Я сунул ладонь во вторую перчатку, почувствовал, как она застегнулась. – Они взорвали «Андрозани». Я собираюсь атаковать.

– Взорвали... – повторила она, и ее бледное лицо совсем побелело. – Что?!

– Прорвались на борт и, видимо, повредили топливный отсек.

Не отвлекаясь, я проверил показания терминала на левом запястье. Питание скафандра соответствовало заданному, воздушные резервуары и дыхательный аппарат были заправлены, система переработки жидкости функционировала исправно, и генераторы щита светились синим.

– А кого-то другого нельзя послать? – раздула ноздри Валка. – Бандита, Паллино? Других хилиархов?

Она не просилась со мной. Прежде Валка служила в армии, но была вахтенным офицером. Ее место было не в траншеях, не в залах и лабиринтах съельсинского корабля-мира, где зачастую дело доходило до кровавой рукопашной. Да, она когда-то была солдатом, но не дралась, если ее не вынуждали.

– Я не могу сидеть без дела и смотреть, как сражаются и гибнут мои люди, – ответил я, снимая с вешалки белый плащ и набрасывая на плечи. – А ты?

– Ты не сидишь, – не согласилась Валка, и выражение ее лица смягчилось. – Ты был на мостике.

– Да, – огрызнулся я, – без дела. Где мой меч?

Я оставил его на кровати, когда переодевался. Казалось, что оставил.

– Паллино справится не хуже тебя.

– Паллино не знает вражеского языка. – Я прекратил рыться в куче одежды. – Черт побери! Где мой...

Меч появился у меня перед глазами. Валка протянула его мне наверху вперед.

Я принял его так, как принимал от сэра Олорина много лет назад, в начале своего пути.

– Спасибо.

Ее пальцы остановились в считанных миллиметрах от моей груди, там, где на черной керамике были выгравированы трезубец и пентакль – мой герб.

– Мне не хочется, чтобы ты бросался в бой. Ты можешь погибнуть, – сказала она, положив руку мне на грудь.

Я не чувствовал ее тепла, лишь легкое давление.

– Не погибну, – выдавил я улыбку. – Меня невозможно убить, разве ты не слышала?

Но Валка была у озера в Саду Кхарна Сагары. Она знала все лучше других.

Ее золотистые глаза не улыбались.

– Мне тоже не нравится сидеть здесь без дела. Не нравится, что ты уходишь.

– Это мой долг, – ответил я, накрывая ее руку своей. – Если не я, то кто?

Корабль тряхнуло. Должно быть, щиты отразили выстрел. Мы разошлись, отпустили друг друга. Этого было достаточно, чтобы я вернулся в боевой режим.

Терминал зазвенел, и я включил рацию:

– Марло.

– Сэр, мы почти готовы, – раздался из динамика голос Паллино.

«Сэр». Он обращался ко мне так, только когда предстояли важные дела.

– Вас понял. Иду, – ответил я, еще сильнее погружаясь в ощущение нереальности происходящего.

Подняв глаза, я увидел в зеркале свое отражение, черную блестящую броню. Я выглядел так, как в видении – видении ли? – в Ревущей Тьме. Демон в черном. Доспех был другим, но в остальном сходство было налицо... на сердце легла тень.

– В чем дело? – спросила Валка, почувствовав мое замешательство.

Оглянувшись, я немного удивился, что она была еще здесь.

– Извини, – ответил я. – Мне пора. – И развернулся, но, положив руку на дверной косяк, добавил: – Когда мы покинем корабль, запишись здесь. Так ты будешь в безопасности, если съельсины прорвутся.

– Черта с два!

Ее резкость и ярость поразили меня. Я обернулся. Она уже была на полпути ко мне.

– Я не собираюсь запираюсь. Адриан, ты не заставишь меня залезть в ящик.

– Прости. – Я осознал, что и кому сказал, и разом почувствовал себя глупо. – Я не это имел в виду. Просто я волнуюсь.

– Волнуешься? За меня? – усмехнулась она. – За меня?!

«За кого же еще?» – хотел сказать я, но решил, что это перебор.

Вдруг меня осенило.

– Может, пойдешь на мостик? Аристид будет слишком занят координацией атаки, а мне нужно, чтобы кто-то за мной приглядывал.

– Я...

– Ты не будешь сидеть без дела, – перебил я, криво улыбаясь. – Ты будешь на мостике.

– Ненавижу тебя, – процедила она сквозь зубы, но взяла мою руку и снова ее сжала.

– Не верю!

Золотистые глаза встретились с лиловыми, и Валка поцеловала меня. Почему я так отчетливо помню именно этот поцелуй? Я не в первый раз оставлял ее, отправляясь в бой. Не в последний. Это был не наш первый поцелуй на борту «Мистраля», не поцелуй ветреной ночью на Беренике. Не тот, которым я наградил ее, когда она укладывалась в фугу при возвращении в Колхиду под черными парусами.

Но я помню его. Помню ее руки в моих волосах, вкус ее губ и дрожь палубы под ногами. Помню, как прижимал ее к себе, а в голове тонкий голосок шептал: «У тебя мало времени».

«У тебя мало времени».

Глава 22

В пасть

Каждый абордажный запуск – это проверка удачи.

Ты цепляешься за ограничительную сетку у стены шаттла класса «Сорокопут», радуясь, что подкладка скафандра впитывает пот с твоих ладоней, перегоняя его в воду. Дышишь сквозь зубы и молишься, чтобы выбранный навигатором и пилотом курс проходил вдали от вражеских истребителей и орудий. Ты бессилен что-либо изменить. Бежать некуда, делать нечего; остается лишь надеяться, что в итоге ты попадешь куда надо, но и в таком случае ты остаешься по уши в дерьме. У тебя впереди битва. Битва, из которой не отступить, и единственный способ победить – захватить вражеское судно.

Я делал это десятки раз, но легче не становилось.

Молиться всегда нелегко.

Облаченный в скафандр и шлем, обтянутый всепогодной тканью, я слышал лишь свое ровное дыхание и воинственный ритм, отбиваемый сердцем. Быстрее. Быстрее. Мы падали в пустоту. Меня окружали двадцать солдат в красно-белом, а где-то рядом в сторону съельсинов двигались еще несколько десятков таких же, как наш, кораблей.

Тысяча человек. Тысяча ирчтани. Против император знает скольких Бледных. Следом за нами готовились к забросу солдаты с «Кирусина», но до тех пор мы оставались без подкрепления. Возможно, Валка была права. Возможно, я был безрассуден.

В тускло-красном свете шевелились мои соратники. От них буквально веяло волнением. Копья и плазмометы переключались из одной руки в другую. Шептались молитвы. Энтоптика моего скафандра проецировала интерьер кабины прямо мне в глаза, создавая ощущение, что на мне вовсе не было ни шлема, ни маски. С одной разницей: проекция была более яркой и насыщенной, чем то, что я мог увидеть собственными глазами в таком слабом освещении. Я смотрел на безликих легионеров, те смотрели на меня сквозь гладкие керамические маски без глазниц и прорезей.

Все молчали. Все без слов знали, что должны делать.

Сиран, в форме первого центуриона, ободряюще кивнула мне. Ее маска была красной, в тон тунике, а на нагруднике сияли три золотые медали. Она молча проверила настройки подвешенного на кронштейне сложенного энергокопья и, удовлетворившись результатом, прижалась головой к сетке.

– Волнуешься? – спросил я по частному каналу, чтобы не тревожить остальных.

– А ты? – ответила она по тому же каналу, повернув ко мне закрытое безликой маской лицо.

– Как обычно.

Но я не мог допустить, чтобы мое волнение заметили.

Шаттл тряхнуло; что-то задело щиты. Несмотря на супрессионное поле, предназначенное для снижения перегрузки при резком ускорении, внутри меня все перевернулось и осталось в таком положении. Я порадовался, что солдаты не видят сейчас моего лица, и медленно, глубоко вдохнул, чтобы успокоиться. Посмотрел в сторону выхода, мысленно пожелав, чтобы он скорее открылся. Все было лучше, чем бессильно ждать.

– Тридцать секунд до контакта, – сообщил пилот.

Пальцы сжались на ограничителе, и я вместе с несколькими солдатами склонил голову – то ли в молитве, то ли защищаясь, то ли все сразу.

– Двадцать секунд! Приготовиться к столкновению!

В шаттле не было иллюминаторов, и корабль съельсинов оставался для нас невидим.

– Пятнадцать секунд! – сообщил пилот.

Шаттл замедлился, выпустив тормозные ракеты, но скорость по-прежнему оставалась высокой.

– Десять! Пять!

– Держитесь! – крикнула Сиран.

Я расставил колени, прижав их к стенкам своего отсека, и сгруппировался. Толчок был резким, и я все равно ударился головой об ограничитель.

– Контакт! – воскликнул сзади пилот.

Почти сразу же заработали плазменные резаки; я услышал сквозь шлюз, как они завывали и закашляли.

Мы мигом освободились от портупей. Солдаты взяли на изготровку энергокопья и плазмометы, напоследок проверили экипировку. Несмотря на витавшее в воздухе напряжение, все действовали строго профессионально, готовые выполнять свою работу.

С другой стороны круглой двери вращались два плазменных резака, глубже и глубже вгрызаясь в корпус сельсинского корабля. Вокруг отверстия закрылись герметичные зажимы, накрепко присосав «Сорокопута» к кораблю. Я протиснулся в носовой отсек шаттла, чувствуя себя так, будто вновь оказался с мирмидонцами в лифте, поднимающемся на смертоносную арену Колоссо. Как будто бы ничего не изменилось.

– Как ты? – раздался хриплый голос Валки в передатчике, который я прилепил за правым ухом.

Слова были разборчивы, несмотря на разделявшие нас мили космического пространства. Связь держалась. Хорошо.

– С минуты на минуту начинаем штурм, – ответил я, никем не слышимый.

Один из декурионов потянулся надо мной и запустил пять дронов картографов, размещенных в нишах под потолком.

– А как дела у вас? – спросил я.

– Щиты надежные, – ответила Валка. – Враг пока не может к нам подобраться. Догоним вас не раньше чем через час.

– Держи меня в курсе.

– Буду следить за твоим состоянием.

Бах!

Снаружи раздался удар металла о металл, зашипели огнетушители. Люк открылся, перед нами была темнота и туман. Лишь края дыры, проделанной резаками «Сорокопута», еще слабо светились. Первые двое солдат подняли копья. Древки вытянулись во всю длину, кожухи встали на места. Пять дронов один за другим отправились в темноту, разрывая туман красными лучами лазеров. В правом верхнем углу моего визора мгновенно начала формироваться карта; пространство между нами вырисовывалось подобно первому уровню муравейника. Дроны не были оснащены искусственным интеллектом и управлялись пилотом нашего шаттла, но умели сами избегать столкновений со стенами и поворачивать. Было маловероятно, что сельсины позволят им летать долго, но их запускали с каждого абордажного шаттла, и вскоре у нас в распоряжении должна была оказаться достаточно подробная карта корабля.

– Направо или налево, милорд? – спросил меня солдат.

– Налево, – ответил я, не располагая точными данными. – К корме.

Взглянув на карту, я увидел, где пристыковались другие «Сорокопуты» и где их дроны начали рисовать карту. В корабельных коридорах лучшей тактикой было пробить палубу в разных местах, вынуждая противника рассредоточиться, затем двигаться маленькими организованными группами, оставаясь в наиболее узких местах, чтобы не позволить превзойти себя числом, и медленно продвигаться внутрь, к первостепенно важным системам корабля – жизнеобеспечению, питанию, водоснабжению. Штурм людских кораблей происходил достаточно

прямолинейно: конструкции у всех были схожие, указатели и данные компьютеров можно было легко прочесть. А вот со съельсинами было иначе. Я, конечно, умел читать на их языке, но недостаточно бегло.

В планировке корабля съельсинов тоже было что-то знакомое. Системы, обеспечивавшие функционирование корабля, находились ближе к корме, к двигателям и основной массе искусственных сооружений, поднимавшихся над поверхностью мира то ли зловещими башнями, то ли щупальцами медузы. В передней же части этого планетоида диаметром в две сотни миль располагался непосредственно город ксенобитов. Там нам делать было нечего.

На стенах под потолком беззвучно мигали белые аварийные огни, но сопротивления нам пока не оказывали. Это было странно. Стояла тишина. Мы ожидали, что враг встретит нас большими силами, но путь был чист. Я держал меч в руке, хорошо помня лабиринты «Демиурга» и корабли, которые мы штурмовали у Целлы, Тагуры и Аптукки. Проклятая тишина давила на меня так, что хотелось кричать. Но я продолжал молча двигаться вперед. По обе стороны от меня шли солдаты, а Сиран прикрывала тыл.

Съельсины строят иначе, избегая прямых линий и углов. Стены были скругленными, рифлеными и волнистыми, возведенными по непонятной мне неевклидовой модели. Пол то поднимался, то опускался волнами, дребезжа под ногами, тоннель извивался. Впереди на карте появилось спрямление, а затем – разветвление.

– Паллино, – нажал я пальцем на кнопку под подбородком, – какова диспозиция? Кого-нибудь нашли?

В углу карты мигнул зеленый сигнал.

– Ни следа, – ответил хилиарх. – А вы?

– Пусто.

– Где-то же они прячутся.

– Можно лишь гадать где, – ответил я. – Не нравится мне это.

Бум!

Коридор содрогнулся от оглушительного взрыва; с серых металлических ребер у нас над головой посыпалась пыль.

– Это еще что? – воскликнул один солдат.

– Вперед! Шевелись! – вместо ответа крикнула Сиран.

– Валка? – Я переключил канал одним взглядом на иконку внизу визора. – Что происходит?

– Они стреляют по «Минтаке».

– Нужно продвигаться быстрее! – скомандовал я, хватая центуриона за плечо. – Топливный отсек должен быть рядом с главными двигателями. И с трюмом.

На Аптукке нам удалось установить микротермоядерную бомбу на внешнем кожухе антиматериального контейнера их варп-двигателя. Заряда хватило, чтобы уничтожить корабль-мир князя Улураны со всеми жителями. Здесь мы не хотели это повторять, пока оставалась надежда, что где-то на борту находятся пропавшие легионеры.

Я протиснулся мимо двух солдат и поспешил вперед по коридору, прислушиваясь к эху наших шагов. Несмотря на опасность, я вдруг почувствовал непонятное облегчение. Мы нашли врага. Нашли, хотя шансы были чрезвычайно малы. Теперь оставалось только победить.

Мы пробежали еще несколько шагов, прежде чем рация проснулась вновь.

– Вижу неприятеля! – раздались зловещие слова, а следом звуки стрельбы.

Одновременно с этим на моей карте замигал локатор. Говоривший был в нескольких милях от нас, ближе к корме и выше.

– Видим неприятеля! – сообщил другой голос, очередная точка на карте.

– Неприятель! Неприятель!

– Они лезут из стен!

– Боевой порядок в два эшелона! – выкрикнул я, и две линии солдат тут же перестроились, так что десять смотрели вперед, а десять – назад, туда, откуда мы пришли. В отличие от большинства формирований, где только один легионер из трех был экипирован щитом, со мной были исключительно гоплиты, и все были защищены.

Моя команда нас спасла.

Бум!

Коридор вновь содрогнулся, раздалась серия глухих ударов. Стеновые панели между перемычками разъехались, и с обеих сторон на нас обрушился град съельсинских нахуте. Металлические змеи сверкали в тусклом коридоре. Одна разинула полную зубов-сверл пасть, пытаясь вцепиться мне в лицо. Я активировал меч Олорина и взмахнул, разрубив ее пополам.

Оставалось, однако, не меньше десятка. Развернувшись, я увидел, как еще одну разнесли на куски из плазмомета, а другую разбили энергетическим копьем.

В следующий миг со всех сторон из темноты раздался жуткий вой, высокий и протяжный, словно зимний ветер среди голых деревьев, и кровь застыла у меня в жилах. Боевой клич съельсинов невозможно ни с чем спутать, и я ответил на него, но не своим кличем, а приказом.

– Свет! – прогремел я, еще не зная, что по прошествии времени эта команда окажется пророческой. – Свет!

Я зажег встроенные в скафандр наплечные и локтевые фонари. Солдаты последовали моему примеру, и мрак враждебного коридора отступил. Свет прогнал даже самые темные тени.

Читатель, в жизни я видел множество ужасных вещей. Множество. Я участвовал в войнах на полусотне планет и вдыхал дым горящих городов. Я побывал в гостях у Вечного на Воргососе и испробовал гостеприимство так называемого Бича Земного. Но не многое я вспоминаю с тем же ужасом, как раскрашенные маски съельсинских воинов, ярко блестящие во Тьме. Один выскочил из тени и набросился на гоплита. Тот от неожиданности выронил копье; он был высоким и сильным, но ксенобит был сильнее. Съельсин прижал его к земле и, к моему удивлению, сорвал с пояса активатор щита. Не прошло и секунды, как летающий нахуте, не способный пробиться сквозь щиты других солдат, нашел мягкое место в доспехе гоплита между бедром и пахом и, вгрызшись в него, забрался внутрь. Шлем приглушил крик, но я слышу его до сих пор.

Я никогда не перестану слышать этот крик, как и многие другие.

Помню, как гоплит застрелил напавшего съельсина. Кровь, кости и черное вещество мозга размазались по полу, в туманном воздухе на миг повис дымок. Кто-то выдохнул, не в силах больше задерживать дыхание, и с этим выдохом печать, усмирявшая хаос внутри, сломалась. Навскидку съельсинов было порядка тридцати. Возможно, около сорока. Нас было двадцать два. Точнее, уже двадцать один. По всей логике нас должны были разорвать, но оставшиеся бойцы моей Первой когорты держались стойко, а у съельсинов не было щитов, которые могли бы их спасти.

Мы давным-давно отказались от фазовых дисрапторов. Нервная система съельсинов иначе реагировала на оглушающие заряды, нежели наша. Только лазеры и плазма. Свет и огонь. Иначе никак.

И конечно, меч.

Я выскочил вперед, размахисто орудуя клинком, и разрубил врага от бедра до плеча. Тело рухнуло, распавшись на две части, белый меч выпал из онемевших пальцев. Увидев это, трое съельсинов отступили, прячась за рифлеными колоннами, отделявшими зал от своеобразной ниши, в которой они прятались.

– Deni raka Aeta ba-okun ne? – спросил я на их языке.

«Кто ваш хозяин?»

Съельсины задумались, услышав родную речь из уст человека-паразита. Их лиц я не видел. Полимерные маски скрывали все, кроме страшных ртов; зубы сверкали в темноте, словно осколки стекла. Не было даже прорезей для глаз, – возможно, изнутри материал был прозрачным, или в масках, как в наших шлемах, были встроены камеры, заменявшие съельсинам зрение и защищавшие их чувствительные глаза от света, которым мы могли их ослепить.

– Deni raka Aeta ba-okun ne? – повторил я, направляя кончик меча то на одного съельсина, то на другого, словно обвиняя их.

Вместо ответа двое бросились вперед, видимо рассчитывая взять меня числом. Но острие меча из высшей материи всего в одну молекулу шириной, и я одним ударом зарубил обоих, даже не почувствовав сопротивления. Они рухнули по сторонам от меня, обрызгав мой водонепроницаемый плащ черной кровью. Третий съельсин зарычал и ткнул в мою сторону когтистым пальцем. Судя по всему, он управлял нахуте, ведь сразу после того три металлических змея развернулись и ринулись на меня. Один отскочил от щита, как акула от стенки ненавистного аквариума. Я пошатнулся, но сохранил равновесие и отступил назад к гопплитам. Кто-то выстрелил в съельсина с поднятым пальцем, и тот рухнул с дырой возле ключицы. Одного нахуте поджарило лазерным лучом, и я отошел в сторону, осознавая, что нахождение в группе солдат сковывало мои движения. Меч не разбирает, кто свой, а кто чужой. Особенно меч из высшей материи.

Тем не менее я поразил один инопланетный летательный аппарат, когда тот ударился в мой щит, а Сиран сбила другой. На миг показалось, что победа близка.

На миг.

Ксенобиты снова подняли высокий, леденящий душу вой, пронзительный, как свист воздуха, сквозь пробитую переборку вытекающего в бесформенную космическую мглу. Пришло подкрепление. Не меньше двух десятков.

– Вперед! – скомандовал я, указывая направление мечом в пустой коридор.

Нужно было выбраться из положения между молотом и наковальней, вынудить съельсинов драться в узких коридорах, где наше дальнобойное оружие давало преимущество. Я увидел на полу перед собой три тела с прогрызенными в доспехах неровными дырами. Нас осталось восемнадцать. Максимум восемнадцать. По радиации мне слышалось дыхание Валки на фоне приказов и стрельбы других групп. Проскакивали даже щелкающие боевые команды на языке ирчтани. Одновременно нападению подверглись больше половины наших групп.

– Кругом марш!

Я руководил нашим коротким отступлением по темному коридору и после разворота оказался в хвосте группы. Оглядываясь через плечи соратников, я видел, как съельсины заполняют проход. Некоторые даже карабкались по стенам, пользуясь микрогравитацией и цепляясь за рифленую поверхность бледными длиннопальными руками.

– Огонь! Огонь! Огонь! – кричала Сиран.

Ей ответил фиолетовый огонь плазмы, в чужеродном воздухе ставший почти голубым. Если я правильно помнил уроки химии, это означало наличие серы. Мне даже почудилось, что я чувствую ее запах сквозь скафандр. Сернистое зловоние ада.

– Паллино! – крикнул я, пользуясь секундной передышкой. – Всем отрядам группироваться по три! Нужно собраться в более многочисленные группы. Так врагу будет труднее нас изолировать!

– Есть, дружище! – последовал ответ.

Пол был усыпан трупами ксенобитов, но все новые и новые появлялись, переползая через павших сородичей и залезая еще выше на стены. Мне вдруг представилось, что мы забрались в гигантский муравейник – округлые своды коридоров и поведение съельсинов лишь усиливали впечатление. Теперь мои солдаты отступали спокойнее, четко выполняя приказы Сиран, разменивая территорию на возможность обрушить на врага шквал огня.

Сьельсинов это не останавливало. Их берсерки сражались без оглядки на собственную жизнь, и этому нечего было удивляться. Они были рабами и телесно, и духовно, слугами своего хозяина-вождя, и если вождь приказал драться – они дрались. Обычный сьельсинский солдат и не помышлял о неподчинении. Не обладал свободной волей. Свою волю они вверяли командирам, которые, в свою очередь, повиновались вышепоставленным командирам, а те подчинялись аэте, единственному, кто был свободен и почитался сродни божеству.

– К вам приближается ауксилия, – успокаивающе прозвучал в ухе тихий напряженный голос Валки.

Я подтвердил получение сообщения и левой рукой достал плазмомет, прицелился. Выстрелил. Один сьельсин рухнул со стены, сбив с ног еще двоих. На меня ринулся нахуте, но я хладнокровно выждал момент, позволив ему удариться о щит, после чего разрубил его пополам.

Враги не останавливались.

Сьельсин напал сверху, в его руке сверкал белый меч. Острие нашло уязвимое место между шеей и плечом гоплита, и тот упал. Керамический клинок окрасился алым, и берсерк принялся неистово махать им, наседая на другого гоплита. Лезвие чиркнуло по доспеху. Ксенобит с разворота пнул солдата в грудь, вложив в удар всю свою нечеловеческую мощь. Гоплит отлетел в стену, у него перехватило дух. Все это заняло не больше трех секунд. Сьельсин занес меч острием вниз, чтобы насадить на него солдата, как его предшественника.

Клинок упал, разделившись на две части.

Я ловко разрубил и оружие, и его хозяина и, убрав плазмомет, помог солдату подняться.

– Нам бы всем такой, – бросил тот, кивая на мой меч.

Если бы только это было возможно! В Галактике довольно легко добыть практически любой материал, кроме высшей материи. Чтобы создать такой клинок, требовалась кропотливая настройка частиц на субатомном уровне – массовое производство не наладишь. Мастеров, способных изготовить такое оружие, было мало, а процесс занимал много времени и требовал огромных запасов энергии. Ускоритель частиц должен был работать несколько месяцев, пока квантовая случайность не производила на свет удивительную материю, из которой потом формировалось ядро меча. Каждый такой клинок стоил больше космического корабля, и отчасти поэтому я так изумился, когда сэр Олорин Милта подарил мне свой меч.

– Мечтать не вредно! – ответил я.

Тут раздался новый клич, еще более пронзительный и леденящий, чем предыдущий, но совершенно иной. Более музыкальный. Я никогда прежде не слышал такого звука. Воздух наполнился шумом и хлопаньем могучих крыльев. Во мраке позади сьельсинов возникли фигуры и сверкнули клинки.

Прилетели ирчтани.

Первый из них кувыркнулся в воздухе, и его зитраа, описав дугу, срубила голову одному сьельсину и вонзилась между рогов другому. Птица приземлилась между нами и надвигающимися Бледными, и сьельсины застыли в изумлении. Неудивительно. Прежде они никогда не видели ирчтани. Птицелюд встопорщил перья на огромных крыльях, чтобы казаться крупнее, чем на самом деле. Его сородичи ударили сьельсинов с тыла, и теперь между молотом и наковальней оказались наши враги.

Все окончилось быстрее, чем началось, и не менее внезапно.

Я сосчитал погибших. Шестеро; плюс двое ирчтани. Учитывая обстоятельства, потери можно было назвать минимальными.

– Кто ваш командир? – спросил я наших ксенобитов.

– Я! – воскликнул зеленоперый коренастый ирчтани.

Его невозможно было ни с кем спутать. Ума не приложу, почему я сразу не узнал его, когда он пролетел над головами врагов, чтобы привлечь их внимание.

– Благодарю тебя, Удакс, – отдал я ауксиларию честь. – Вы пришли как раз вовремя.

Птица ответила мне тем же жестом, и я обратил внимание, что ее доспех не защищал крылья. Это показалось мне необычным. Что случится при разгерметизации? Но вероятно, иначе ирчтани не смогли бы полететь.

Мы немного постояли среди кровавого месива, пока солдаты снимали с трупов доспехи, топтали неиспользованных нахуте, обмотанных у сельсинов вокруг пояса, как веревки, и снимали экипировку, которая была уже ни к чему нашим павшим соратникам.

По обе стороны от нас на карте зияла тьма.

Я ввел команду в терминал, попросив пилота переслать к нам дрона-картографа.

– Что дальше? – спросила Сиран.

– Они хотят, чтобы мы зашли в главные залы, – ответил я, направляя фонари в темноту за дверями, откуда на нас напали. – Нашли что-нибудь? – крикнул я солдатам, которые вели там поиски.

– Тоннели, милорд, как вы и предполагали! – раздался ответ по внутренней связи нашего подразделения.

– Не заходите далеко! – приказал я и обратился к Сиран и командиру ирчтани: – Нельзя оставаться в тех частях корабля, где нас ждут. Нужно двигаться.

Глава 23

Царства смерти

Без шлема и оптики я был бы слеп. Скафандр сплетал весьма уродливый симулякр незнакомых тоннелей из показаний инфракрасных и звуковых сенсоров, а также тех крупниц света, что сюда проникали. А может, симулякр был идеален, а тоннели в самом деле уродливы. В них стояла сырость, как в пещере, как в лабиринтах Калагаха на Эмеше. Доспех покрылся конденсатом, плащ отсырел и посерел. Неровный пол был покрыт лужами, и то там, то сям нам встречались грубые двери, ведущие в боковые проходы.

Тоннель тянулся и тянулся, уводя нас все глубже в недра съельсинского корабля. Мы уже начали забывать, что это корабль, а не комплекс естественных пещер. Камень и горная порода защищали его от космической радиации. Съельсины не строили. Они рыли. Постройки человека, наши башни, замки и крепости, храмы и склады, даже наши скромные жилища – все это тянулось к небесам. Съельсины же копали по направлению к преисподней.

Мне доводилось прежде бывать на съельсинских кораблях, но ни разу я не забирался столь глубоко в их потаенные уголки. Нам больше не преграждали путь, не нападали, и наконец мы очутились у огромного зала, где в темноте, шелкая и стуча, вращались гигантские колеса.

– Это еще что? – изумилась Сиран.

– Они что, на паровом двигателе работают? – произнес наш солдат.

– Это не корабельный двигатель, – ответил я, сам не зная, почему я был в этом настолько уверен. – Это фабрика.

Один ирчтани каркнул и отдернул руку от котла, ругаясь на родном языке. Подойдя, я понял, чего он испугался. В котле копошились жирные белые черви. Приглядевшись к вращающимся над головой барабанам, я заметил натянутые между ними нити и лоскуты ткани. Это действительно была фабрика. Ткацкая. Здесь изготавливали ткань.

– Валка, видела бы ты это! – воскликнул я по личному каналу связи и рассказал, что мы нашли.

В другое время такое место привело бы меня в восхищение. Посмотреть на быт съельсинов, на то, как они производят самые банальные вещи, было бы честью. Теперь же меня охватили тревога и желание поскорее отсюда убраться. Потеря юношеской наивности навсегда болезненно засела в моем сердце. В юности я был другим, но осколок того разбитого Адриана, давным-давно умершего, на мгновение блеснул, отразившись на моем лице.

Шелковичные черви. Когда-то я счел бы это подтверждением, что у наших народов есть что-то общее. Теперь я был умнее. Эти черви отличались от привычных нам. Из-за множества спутанных лапок, похожих на паучьи, они куда больше напоминали морских существ, нежели насекомых. Они были совсем другими.

– Нужно двигаться дальше, – сказал я.

На потолке по-прежнему тускло мигали аварийные лампы. Для ксенобитов их свет наверняка был ослепительным и выполнял свою функцию лучше любой сирены. Мы миновали еще несколько комнат и коридоров, не теряя ощущения, что где-то нас поджидает враг.

– Мы приближаемся к вам, – сообщил по рации Паллино. – Впереди большой зал. Встретимся там. – Голос хилиарха был напряжен. – Видели еще кого-нибудь?

– После первой волны? Нет, – ответил я, проследовав за Удаксом под широкой низкой аркой, и оказался у очередного ветвящегося тоннеля. – Они готовятся к новой атаке. Я это чувствую. Будьте начеку.

Тоннель привел нас в зал, о котором говорил Паллино. Дроны не полностью нанесли его на карту; оператор предпочел послать их насквозь, вместо того чтобы тратить время на маркировку каждого закутка. Зал был и вправду огромен; по сторонам поднимались ступенчатые уровни, напоминая торговые комплексы крупных норманских городов. Но здесь не было ни магазинов, ни киосков, только двери на всех ярусах.

– Может, рискнем и прибавим света? – предложила Сиран, снимая с пояса портативную светосферу.

Она покрутила устройство и встряхнула, активируя люминесцентные химикаты. Белый, холодный, как далекая звезда, свет разлился по ее ладони. Сиран подбросила сферу как можно выше – и в условиях низкой гравитации та взмыла дальше, чем было нужно. Отскочила от потолка и плавно полетела вперед при помощи слабого антигравитационного поля, освещая ступенчатые этажи.

По крайней мере, здесь присутствовали следы жизнедеятельности. Металлические двери были глубоко утоплены в грубые каменные стены. С поручней свисали шелковые знамена, на постаментах и в нишах стояли бесформенные скульптуры из литого металла. В некоторых можно было смутно узнать сьельсинов, другие изображали неизвестных мне существ. Все было похоже на некий примитивный городок.

– Где они? – задумался вслух Удакс.

– Не здесь, – ответила Сиран.

Она была права. Здесь не было ни следа сьельсинов. На таком открытом пространстве их было бы видно в инфракрасном излучении. Однако... зал пустовал.

Закусив губу, я потратил несколько секунд, чтобы осмотреться.

– Нужно проверить двери на этом уровне, поскорее. Вы двое, – приказал я паре гопли-тов, – на главный выход.

Это была массивная задвижная дверь в дальнем конце ромбовидной площадки.

Солдаты повиновались. Вместе с ними небольшая группа ауксилариев Удакса отправилась осматривать ближайшие двери, рассредоточившись на узком участке. Я ждал, вслушиваясь в болтовню по рации и наблюдая, как наши боевые отряды углубляются все дальше в недра корабля. Некоторые столкнулись с сопротивлением, но большинство, как и мы, никого не встретили. Я даже задумался, не была ли та яростная волна сьельсинов их первой и последней атакой.

– Милорд! – помахал мне крылом один ирчтани, выйдя из боковой двери. – Вам стоит взглянуть!

Лучше бы я этого не делал. Но я без подготовки шагнул внутрь... и тут же отвернулся.

За дверью оказалось помещение, которое я счел жилым. Потолок был настолько высоким, чтобы жильцам-ксенобитам не приходилось пригибаться. На грубо обработанных каменных стенах не было украшений, за исключением вырезанных округлых надписей, которые сьельсины скопировали с анаглифов Тихих. При нашем приближении затрепыхались бумажные полотнища, но больше изнутри не доносилось ни звука, кроме слабого писка какой-то электрической системы. Не было ни подушек, ни других предметов комфорта. Эти звери жили по-спартански. Возможно, это даже была казарма. Сьельсины, особенно из низших сословий, старались держаться группами. Эти босяки не знали прелестей семейной жизни.

Но в тот момент я об этом не думал. Я задержал дыхание, пользуясь методикой схоластов, чтобы успокоиться и замедлить пульс. Хорошо, что скафандр был оборудован климатической подкладкой, впитавшей холодный пот с моих ладоней и шеи.

Жильцы, должно быть, бежали в спешке. Повсюду были свидетельства их недавнего пребывания: у низкого стола на оборудованном еще действующей газовой горелкой треножнике стоял полупустой питьевой сосуд грушевидной формы. На полу была разбросана бумага. На

служившей обеденным столом каменной плите, лежавшей прямо на полу – стульев здесь не было, – стояли плоски, в которых осталось недоеденное сырое мясо.

Посреди них на плите лежал голый человек. Точнее, то, что от него осталось. Обеих ног и того, что между ними, не было, одной руки тоже. Видимо, куски этих конечностей как раз и были разложены по плоскам. Я заметил недостающую кисть с обглоданными пальцами.

Удивительно, крови почти не было, но я быстро вспомнил почему.

– Один из пропавших легионеров? – спросил я.

Ирчтани кивнул.

– У него на шее номер три-три-семь. – Птица указала когтистым пальцем на свою шею справа.

Бесспорно, это был легионер.

Ирчтани вздрогнул:

– Это плохо. Есть вас. Вы не еда.

Слышать такое от ксенобита было странно, но приятно.

Я отважился взглянуть еще раз. Пустые глазницы солдата смотрели на меня с плиты. В остальном лицо осталось нетронутым. Кто-то из съельсинов любил полакомиться глазами, вот и выковырял их. Я отвернулся. Теперь я припоминаю, что оставшаяся рука несчастного была вытянута как будто в мольбе о помощи. Но помощь не пришла.

– Сожгите все, – приказал я солдату. – Больше они не получают ни кусочка. – Затем произнес по рации: – Паллино, где вы?

– Рядом, Адр. Что-то случилось?

– Мы нашли пропавших солдат.

– Двери не открываются? – спросил Паллино, имея в виду массивные перегородки в конце площади. – За ними герметичный шлюз?

– Похоже на то, – ответила Сиран, и по странному наклону ее головы я догадался, что она изучает трехмерную карту системы тоннелей с помощью энтоптики шлема. – Может, разрубить их, Адр?

Я и сам об этом думал – и кивнул в ответ. Мы теряли время. На борту мы провели уже почти час. «Минтака» оставалась в руках врага. Наши отряды еще не закончили прочесывать верхний уровень – квартал, говоря по-нашему. Мне не слишком хотелось рубить двери. Потом их нельзя будет закрыть, да и других причин, по которым лучше было оставить их запертыми, было множество. Но если верить звуковому анализу дронов-картографов, за дверями находилось обширное пространство.

Трюм.

Весь кормовой отсек съельсинского корабля – та часть, что выходила за границы выдолбленной луны на полсотни миль, – кажется, строился вокруг этого центрального трюма.

– Если наши корабли еще целы, – произнес я, указывая рукой, – то они за этими дверями.

– Можем поискать обходной путь, – предложил Удакс.

Паллино уже нас опередил. Хиляарх, как и я, мог оповещать абсолютно всех солдат, так он и сделал.

– Кто-нибудь нашел, как попасть в центральный трюм? Отбой.

– Нет, сэр, – последовал через секунду ответ.

– Нет.

– Никак нет.

Неудивительно.

– Там слишком большое пространство, – сказал я. – Вряд ли оно заполнено одним лишь воздухом. И зачем тогда запечатывать двери?

Нам ничего не было известно о вычислительных устройствах съельсинов.

– Можем их просто взорвать, – предложил Паллино.

– Что взорвать, что разрубить – та же проблема, – ответил я. – Как только здесь начнется утечка воздуха, другие двери запрут за нами. Они не станут рисковать потерей воздуха.

Я настроил терминал так, чтобы меня слышали только солдаты моей группы и группы Паллино, а также ауксиларии Удакса, и приказал:

– Рассредоточиться, обыскать все уровни. Где-то должен быть аварийный выход. Возможно, даже механический на случай замыкания. Живо!

Я проводил солдат взглядом, не отрываясь от карты, на которой каждый человек и ирчтани были обозначены синими точками на фоне красной схемы корабля. Наблюдая за ними, я почему-то вспомнил пчел из гидропонического отсека «Тамерлана».

– Кому-нибудь удалось подобраться к какой-либо из их важных систем? – спросил я Паллино.

– Если эта штука сконструирована так же, как остальные, то ребята Кейда должны быть совсем рядом с варпеными двигателями.

– Значит, еще нет, – пробормотал я. – Сиран, вызови сюда остатки твоей центурии как можно скорее. Нам не хватает людей.

Я подумал о мертвеце с пустыми глазницами. Зажмурился, мысленно радуясь, что мое лицо скрыто маской. Я не сомневался, что здесь нас поджидают еще более ужасные вещи. После того как ребята Бандита заминировали корабль Улурани, мне показали записи со встроенных в их скафандры камер. Тела, алтари из костей. Низших изтумна, которых уродовали и покрывали шрамами их хозяева-акаранта.

И как я мог думать, что с этими существами можно заключить мир?

– Хилиарх, мы нашли какой-то тоннель! – сообщил по рации солдат. – Дверь маленькая, с каким-то колесным замком. Если верить карте, проход ведет в трюм.

Паллино и Сиран уставились на меня.

– А ты угадал, – сказала Сиран.

– Всегда бы так везло, – развел руками я.

– Да! Это шлюз! Больше пяти-шести человек одновременно не поместятся.

– Хорошо, – ответил я, на карте найдя говорившего. – Все на третий уровень! Шевелитесь!

Тут меня осенило, и я схватил за пернатую руку капитана ирчтани:

– Удакс, если показания верны... то там нет воздуха.

Птица, очевидно, не понимала. Мне даже послышалось щелканье клюва под маской.

– Вы сможете там дышать? – спросил я.

Центурион ирчтани сбросил мою руку и ответил:

– Дома в небе мало воздуха. Вакуум не проблема. – Он постучал когтем по маске. – Воздух есть. Остальное не важно.

Закинув на плечо плазменную винтовку, ирчтани поспешил вперед. Я заметил, что на меня пристально смотрит Паллино и наверняка удивляется. Мы не могли видеть лиц друг друга, но я поднял брови в ответ и почувствовал, что он понял.

Дверь была такой, как я и предполагал: овальный люк с весьма привычным человеку колесом посередине. Солдаты открыли ее. Там оказался узкий круглый шлюз, оканчивающийся такой же дверью, рядом с которой на стене виднелся покрытый фосфоресцирующей краской рычаг. В нишах сразу за дверью висели космические скафандры сьельсинов, глядя на нас безликими визорами. Их чрезмерно длинные рукава свободно болтались.

– Теннер уже прошел, – сообщил нам один солдат.

– Здесь действительно трюм, – раздался в динамике голос, вероятно того самого Теннера. – Темно, как в аду.

– Видишь какие-нибудь корабли? – вмешался Паллино.

– Прямо здесь – не вижу, но пространство огромное, в несколько миль.

– Нужно следовать за ним, – решил я. – В крайнем случае оттуда нам будет легко попасть на корму. Можем встретиться с группой Кейда и помочь вырубить варп-двигатели.

Так мы и поступили. Я ждал, пока солдаты группами по пять лезли в шлюз. Как я и рассчитывал, вся система здесь была механической, шлюз открывался и закрывался с помощью рычага. Паллино отправился в составе первой группы и первым присоединился к Теннеру на другой стороне. Пять человек прошли. Десять. Пятнадцать. Всего нас было шестьдесят.

Мы теряли слишком много времени.

– Валка, – переключился я на личный канал, – каково ваше положение?

– Почти на орбите вражеского корабля. – В этом мрачном месте ее голос подарил мне облегчение. – Как у вас дела?

– Попали в засаду, но все хорошо. Потеряли нескольких человек, смогли приблизиться к центральному трюму. – Мои слова вдруг прозвучали как-то пусто, ломко. – Мы нашли пропавших солдат. Точнее... одного. Они, безусловно, здесь.

– Мертвого? – спустя несколько секунд спросила Валка.

– Полусъеденного.

– Anargoch, – выругалась она на родном пантайском.

«Варвары».

Я с ней согласился. Слышать эпитет, которым она часто награждала меня, в адрес съельсинов было непривычно. Но я решил об этом не задумываться.

Дзынь!

В темноте раздался пустой металлический звон, и несколько солдат подняли фонари, чтобы осветить зал. Мы увидели силуэт, но это оказался лишь возвращающийся разведчик. Уже почти половина нашей группы прошла сквозь шлюз и дожидалась на другой стороне, но я все равно оставил людей в концах зала и на нависающей над чуждой площадью террасе. Они возвращались по одному, с точностью часовых механизмов выполняя распоряжения декурионов.

– Все птички прошли, – доложил младший офицер. – Ваша очередь, лорд Марло. – Он поднял руку, приглашая меня внутрь.

– Пойду последним, – опустил я его руку. – Отзовите разведчиков.

Офицер подчинился.

– Один-два, один-семь, возвращайтесь к шлюзу. Повторяю, возвращайтесь к шлюзу. Ноль-шесть, тебя это тоже касается.

Сквозь помехи я услышал утвердительный ответ. Два утвердительных ответа.

– Ноль-шесть? Ноль-шесть, прием!

Тишина.

Дзынь!

Откуда-то снизу донесся тихий лязг и скрежет металла по камню. У меня на загривке волосы встали дыбом.

– Это еще что за чертовщина? – спросил младший офицер.

– Что происходит? – раздался в ухе голос Валки.

Я не ответил.

– Отправляйте в шлюз остальных, живее! – скомандовал я.

Вне всякого сомнения, с ноль-шестым что-то случилось.

Дзынь. Дзынь-дзынь.

– Оттуда что-то появилось, – заметил тот же офицер.

– Всем построиться! – приказал я. – Пересечь зал!

В ту же секунду внутренняя дверь шлюза захлопнулась, и я расслышал тихий свист воздуха, когда солдаты дернули рычаг. По крайней мере, шлюз закрывался и открывался быстро.

В зале оставалось человек двадцать, даже меньше. Я нетерпеливо постукивал по бедру рукоятью меча.

– Возьмите двоих и встаньте в конце зала. Смотрите в оба! – приказал я младшему офицеру.

Зал был не слишком длинным. От нас до дальнего края и нависавшей над площадью террасы было футов пятьдесят. Если бы кто-то решился на нас напасть, то был бы встречен огнем, но нас ограничивали шлюз и необходимость по нему пройти.

Солдаты поспешно подчинились, застучали сапогами по стали и камню.

Дзынь-дзынь. Дзынь.

В голове зашептал тихий внутренний голос.

– Это шаги, – произнес я.

Как выяснилось, я оказался наполовину прав.

Я как наяву помню тот момент: младший офицер и его триада под аркой в конце зала, освещенные встроенными в скафандры фонарями. Помню, как хлопнула внутренняя дверь шлюза за спиной и как солдаты торопливо полезли внутрь. Нас оставалось чуть больше десятка, и слышны были лишь шаги и порывистый ветер, проникавший в уголки инопланетного корабля, как дыхание сквозь альвеолы невероятно огромных легких. Где-то вдалеке со сталактита в лужу капала вода, заставляя вспомнить пещеры под дворцом Вечного на Воргососе, Братство и наш фамильный некрополь. И Калагах.

С потолка опустились две руки, слишком бледные и чересчур длинные даже для сельсинов. Они схватили среднего солдата и утащили во тьму. Тот закричал. Во мраке засверкала фиолетовая плазма, клиньями вбиваясь в темноту. Другие солдаты тоже закричали и присели, стреляя вверх. Все наполнилось металлическим скрежетом, и мне пришлось повысить громкость динамика рации, чтобы услышать вопросы, которыми меня разом завалили Паллино, Валка и другие.

Крики прекратились, раздался слабый хлюпающий удар мяса и металла о пол. Младший офицер упал. Или его бросили.

– Откройте! – завопил какой-то солдат, молотя по двери шлюза.

– Оно на потолке!

Другой дозорный закричал, но его крик оборвался без предупреждения. Рация замолчала. Снова полыхнула плазма, и среди выстрелов я опять услышал слабый скрежет металла о камень. Затем нечто огромное и ужасное упало вниз из темноты. Бледное, как кость, и неповоротливое, выше и шире любого человека, горбящееся, с невидимой во мраке головой. В тусклом освещении я толком не разглядел существо, сверкавшее, как звезда, когда на него падали лучи фонарей.

На мгновение я увидел, как последний из троих дозорных поднялся и вскинул плазменную винтовку. Он стоял один против теней и противника, жалкое маленькое существо против Тьмы и порожденного ею чудовища. Его винтовка выстрелила, и я смог четко разглядеть тварь. Почти вдвое выше человека, в белой броне, с ногами, выгнутыми, как у собаки, и руками – а их было четыре – столь длинными, что они почти волочились по полу. А лицо! Лицо! На нем была рогатая маска с визором, оканчивавшимся клювом, как у какой-то зловещей птицы, а под маской сверкали серебристо-стеклянистые зубы. Значит, когда-то это был сельсин.

Одной немыслимой металлической рукой тварь схватила солдата за ногу и дернула. Тот ударился спиной о пол.

– Огонь! – крикнул я.

Но демон уже исчез, утащив свою последнюю жертву во мрак.

Меня потянули через порог шлюза.

– Вам пора, милорд! – воскликнул один солдат.

– Мы все не поместимся! – сказал другой. – Бреда, возьмите Марло и остальных и идите!

Он был декурионом: справа на его визоре, сразу под глазом, две короткие полосы.

– А как же вы? – спросил Бреда.

Декурион проверил винтовку.

– За работу, солдат, – ответил он и развернулся; оставшиеся четыре человека – с ним.

С другого конца зала вновь послышалось кланье, а я даже с помощью фонаря ничего не мог разглядеть. Но тварь приближалась. Мы все это понимали.

Мне порядком надоело смотреть, как гибнут люди.

– Как только мы пройдем, живо в шлюз! – приказал я.

– Так точно, милорд!

Дзынь.

Раздался мерзкий звук, похожий на протяжный вой сьельсинов, но еще выше и громче, сопровождаемый металлическим гулом сродни шуму разгоняющейся турбины. Я услышал грохот и в последний раз увидел чудовище, которое пробиравлось по коридору, словно по шахте, пользуясь ребристыми переборками, как поручнями, чтобы удерживать свое чересчур длинное тело параллельно полу.

Кто-то захлопнул шлюз и дернул рычаг. Воздух вырвался наружу. Я услышал по рации крики и через переборку по вибрации пола почувствовал, что снаружи открыли огонь.

Затем все стихло.

– Эта тварь сюда не протиснется, – заметил один солдат.

Внешняя дверь шлюза прогнулась под ударом могучего кулака чудовища. Мы все подскочили. Через мгновение открылась внутренняя дверь, давая нам путь в центральный трюм корабля.

– Вперед! – крикнул я. – Быстрее! Заварить внешний люк!

– А воздух не выйдет? – спросил кто-то, торопясь за мной.

– Этой твари воздух не нужен! – рявкнул я.

Когда последний из нас перевалился через порог, двое солдат развернулись и с помощью винтовок накрепко заварили дверь шлюза. Я по-прежнему чувствовал, как чудовищные кулаки молотят по другой двери. Неужели тварь не додумалась повернуть колесо? Или просто вымещала свою злость, понимая, что не может больше нас преследовать?

Удары прекратились.

– Адр, что случилось? – спросил Паллино, проталкиваясь ко мне.

– Что это была за чертовщина? – сказал кто-то еще.

Я всецело был поглощен мыслями о декурионе и солдатах, оставшихся прикрывать наше бегство. В чувство меня привела Валка.

– Адриан, что случилось? – повторила она вопрос Паллино. – Что это было?

Я откашлялся и ответил всем сразу:

– Один из демонов Эринии.

Глава 24

За воротами Тьмы

- Думаешь, они выбрались?
- Надеюсь, они напихивали урода по самое не хочу.
- Клыки видел?
- Пошевеливайтесь! – поторопил Паллино солдат.

Вокруг было так просторно, что я не видел ни потолка, ни дальней стены. В трюме стоял мрак темнее, чем темнота бесконечного космического дня, лишь на стенах горели тусклые красные лампочки, не ярче, чем свечи. И тишина... внутри было безвоздушное пространство, и поэтому не было слышно ни шагов, ни криков. Мы двигались, словно похоронная процессия, ощущая лишь легкую дрожь в собственных костях.

По правую сторону разверзлась настоящая бездна в тысячи футов глубиной. Через нее тянулись платформы и мосты, скрываясь во мгле. Лестницы поднимались и спускались, а рядом на массивных цепях висели клетки-лифты. В свете фонарей я заметил во тьме еще несколько платформ, не прямых, а извилистых, как умы тех существ, что построили их.

Дроны-картографы сюда не добрались, и нам пришлось ориентироваться по нечеткому звуковому сенсору, который сообщал, что впереди еще больше десятка миль пустоты. По радиации донеслись звуки боя. Сквозь помехи я разобрал приблизительно одно слово из семи.

- Зажаты в секторе цэ-семь!
- Враги у правобортного турбинного отсека!
- Лезут из стен!
- Думаешь, здесь есть еще такие твари? – спросила Сиран.
- Не знаю, – ответил я, замедляясь, чтобы подождать ирчтани.

Они не могли летать в безвоздушном пространстве, и их короткие ноги плохо сгибались. Словно подбитые птицы, ирчтани скакали за нами, не выпуская из покрытых чешуей рук мечи и винтовки.

- Но нам следует быть ко всему готовыми, – сказал я.

– Пал поставил в известность центурионов. Они будут начеку, – коротко доложила Сиран и утвердительно кивнула.

– Хорошо, – выдохнул я, продумывая, как не допустить, чтобы другая группа попала в такую же засаду. – Можно сказать, нам повезло, что первой целью тварь выбрала нас.

Не успел я закончить фразу, как меня осенила мрачная мысль: а почему из всех групп она выбрала именно нашу? Потому что мы забрались дальше всех? Или потому что оказались близко от чего-то важного?

Или того хуже: она искала конкретно меня?

Я почувствовал тяжелый взгляд Сиран. Она сопровождала меня на Эринии и единственная, кроме меня, видела подобное Бледное чудовище.

Я хотел ответить, но не успел: по офицерскому каналу протрещал тонкий голос:

- Мы нашли топливный отсек. Заходим.

Это был Кейд, центурион Паллино.

- Молодцы! – сказал Паллино. – Заблокируйте к нему все подходы. Да хранит вас Земля.
- И вас.

Я подумал о судьбе «Андрозани» и корабля князя Улурани. Возможно, здесь нам придется поступить так же. Если нет, то нельзя позволить съельсидам взорвать собственный корабль, когда у них не останется другого выхода.

– Сэр! Я что-то вижу! – сообщил по радиации посланный Паллино разведчик, и мрачные мысли быстро покинули меня.

– Что именно? – спросил я.

– Корабль, милорд. – Разведчик громко сглотнул, узнав мой палатинский тембр. – Один из наших.

Я протиснулся вперед и подошел к разведчику, светившему через перила вверх, где у шаткой лестницы виднелся силуэт. Острые углы и правильные геометрические формы казались столь же чуждыми в этом месте ребристых арок и естественных изгибов, сколь чуждым было Танаран на мостике «Мистраля» много лет назад. Но это действительно был он. Черный имперский корабль, нависающий над нами во тьме.

– Нужно попасть туда! – приказал я. – Живо! Мигом!

Необходимо было как можно скорее убедиться, что это искомые корабли и что на борту на самом деле не осталось выживших.

– Нашли? – сквозь треск помех спросила Валка.

– Нашли корабль, – ответил я, провожая взглядом разведчиков, группами по трое карабкающихся наверх. – Пока не знаю, наш или другой. Скоро выясним.

– Мы уже почти на орбите.

– Щиты стоят?

– Стоят.

– Передай Аристиду, чтобы сосредоточил огонь по носовой части. Это их отвлечет. Здесь мы в относительной безопасности.

Спустя несколько секунд ответа так и не последовало, и я окликнул:

– Валка?

– Он тебя услышал, – сказала она почти сразу.

– Лорд Марло! – перебил ее голос одного из легионеров. – Мы нашли люк!

Шлюз взломали давным-давно. Вокруг люка были глубокие царапины, как будто дверь могучими когтями вырвало какое-то чудовище. С внутренней дверью то же самое. В самом судне было темно, только длинные аварийные лампы еще светились на полу, напоминая угольки в затухающем костре. Я провел пальцами по табличке, приваренной сразу за переборкой, нащупал буквы.

«Беспощадный».

«Беспощадный». Вышло так, что не пощадили его самого. Сомневаться не приходилось. Напольные панели в коридоре выломали и расцарапали – признак того, что здесь кто-то тащил тяжелое оборудование.

– Мы нашли их, – сказал я, обращаясь сразу ко всем и ни к кому. Мне не верилось. Я ожидал, что вернусь на Форум ни с чем.

– Их мы пока не нашли, – пронзительно сказала Валка.

Ее слова будто подтолкнули меня через порог мрачного корабля. Она была права. Нужно было выяснить, достоверно убедиться, что еще не весь экипаж попал на сельсинский стол. Реагируя на наше приближение, над головой замигали лампы. Из дыры в потолке висельными петлями свешивались провода, отбрасывая мрачные тени на стены коридора.

– Паллино, пройдите на мостик, – сказал я, переступая через провода. – И отправьте команду в моторный отсек. Нужно проверить, может ли корабль лететь. Удакс, оцепите периметр. Не хочу, чтобы нас застали врасплох.

– Сэр? – вопросительно склонил голову Удакс.

– Рано или поздно нам придется поднять этот корабль, – объяснил я и протиснулся мимо пернатого ауксилария в разверстную пасть коридора, ведущего вглубь корабля.

Почти всю свою взрослую жизнь я провел на военных имперских судах. Я изучил их планировку, и пусть никогда прежде не бывал на «Беспощадном», я знал, куда идти: на пять уровней вниз, туда, где под мостиком спал мертвецким сном штатный состав корабля.

Должен был спать. Спеша вперед, я увидел импровизированный стол ксенобитов, на котором лежали человеческие останки. Я мысленно повторял, что спасение даже одного человека станет успехом. Спасение одного человека и избавление Галактики от чудовищ, убивших его товарищей.

Я обязан был знать.

Кубикула была там, где и должна: в трюме в верхнем кормовом отсеке. Мы миновали внутренний шлюз, и, шагнув через порог в ледяное помещение, я набрал команду на термине, щелкнул переключателем у подбородка и открыл шлем. Маска разъехалась, капюшон и широкий фланец, защищавший шею, сложились и втянулись в ошейник. Я освободил волосы, почувствовал на коже холодный пот. Из рта вырвалось облачко пара.

Я тут же пожалел о том, что сделал.

– Во имя Земли, чем здесь воняет? – воскликнула Сиран, которая тоже сняла шлем.

Она прекрасно знала чем. Мы оба знали. Мы столько раз бывали в бою и в сожженных дотла городах. Вдоволь покатались на красном поезде Смерти.

Подобно сотам улья, нас окружали ячейки с яслями для фуги. Ряд за рядом, колонна за колонной выстроились шестигранные капсулы, в которых должны были лежать люди. «Беспощадный» был меньше «Тамерлана», и его экипаж составлял чуть более девяти тысяч человек. Почти все они были заморожены, как соленая рыба, и не должны были покидать свои камеры до окончания перелета, не должны были просыпаться до прибытия на Немаванд. Многим предстояло и дальше оставаться замороженными. На истоптанном и сильно исцарапанном полу виднелись ржавые потеки и синеватые пятна. Пластины были испачканы смесью крионической суспензии и крови. В ярком белом освещении цвета казались непривычно тусклыми.

Множество капсул стояли открытыми. Пол был усыпан осколками стекла и пластика. Ксенобиты не видели нужды прибираться. Медицинские трубки, шланги и спутанные провода свешивались из разломанных яслей подобно кишкам мертвых машин, и мне сразу стало понятно, откуда взялся бедняга со стола. Я подкрался к ближайшей открытой капсуле, чтобы ее осмотреть.

– А почему нет крови? – спросил у нас солдат, и его голос в холодном воздухе прозвучал очень тонко.

Я взглянул на него из-под темной челки. Голос был мне незнаком. Кто-то из группы Паллино? Лично я знал только солдат первой центурии Первой когорты.

– Ты, наверное, новенький? – сказал я ему, надеясь, что замечание не будет воспринято как ехидное или снисходительное.

Солдат промолчал.

– Бледные сливают криораствор, перед тем как достать тела. Когда они голодны, им плевать, жив человек или мертв. – Закончив объяснение, я стиснул зубы и выпрямился.

– Они ждут, пока не сольется реактив, и этого им достаточно, – добавила Сиран.

– Обнаружены тела! – раздался голос из соседнего прохода.

«Или то, что от них осталось», – подумал я.

Прямо в проходе лежали полусъеденные и разложившиеся тела с исковерканными конечностями и посеревшими костями.

– А куда подевались головы? – спросил кто-то.

Голов действительно не было.

– Так нельзя обращаться даже с врагом, – тихо прокаркал один из немногих оставшихся с нами ирчтани.

– Живых не меньше, чем мертвых, милорд, – сообщил солдат, осматривавший капсулы у стены.

Я не ответил, лишь склонился над истерзанными, гниющими трупами, лежавшими у ног. С трудом подавил желание прикрыть нос и рот, снова надеть маску. Я не должен был отводить взгляд. Солдат был прав. Десятки яслей для фуги остались нетронутыми. Сотни. Эти устройства были сконструированы так, чтобы поддерживать автономное питание даже тогда, когда системы корабля отказали. Они могли работать десятки лет – и, по всей видимости, работали.

– Паллино, – отвернулся я, поднеся запястье к лицу, – мы их нашли.

– Живых? – Голос Паллино прозвучал из проводника под ухом четко и ясно, как будто мой друг стоял рядом.

– Довольно много. Возможно, даже большинство. Бледные вытаскивали их по мере необходимости.

Весьма эффективный способ пиратства. С таким уловом они могли жировать – в буквальном смысле, – пока не прилетит следующий.

– Как корабль? – спросил я.

– Они слили топливо с варпа и субсветового, но аварийные батареи в порядке. Жизнеобеспечение функционирует. Запасы воздуха в норме.

Никаких сюрпризов. Съельсины не были дураками и не собирались сидеть на нескольких сотнях килограммов свободного антилития. Они либо перекачали его в собственные резервуары, либо слили летучую антиматерию в космос.

– А вооружение?

Паллино замешкался с ответом. Я услышал, как он выкрикнул команды своим людям и умолк в ожидании ответов.

– Почти все отключено. Палубные орудия, кажется, не тронуты, а вот все, что помощнее, свинтили. Магнитные антимаериальные пушки, ракеты...

Словно придавая его словам весомость, корабль вздрогнул. Вдали как будто бы прогремел гром. Вероятно, «Тамерлан» начал обстреливать планетоидную оконечность съельсинского корабля.

– А лучевые пушки?

– Не могу сказать. Оборудование вроде бы на месте, но...

– Выясни, – приказал я, не убирая левую руку от лица.

– Милорд!

По тону солдата я не понял, зовет он меня или ругается. Я опустил руку, прервав разговор с Паллино, хоть и по-прежнему слышал голос хилиарха в ухе. Говорившего я отыскал за углом и остолбенел. Мои глаза невольно вытаращились, зубы стиснулись, к горлу подкатил ком. Я его проглотил. Сплюнул.

У дальней стены кубикеры располагались компьютерные консоли, сенсорные панели и голографические проекторы, следящие за тысячами упокоенных в этом ледяном мавзолее людей, но на них я не обратил внимания. Между консолями и длинными высокими стеллажами-сотами был промежуток в пять ярдов шириной. С одной стороны выстроились пять погрузчиков, предназначенных для транспортировки яслей для фуги, а посередине...

Посередине...

Существует легенда, согласно которой Земля в глубокой древности была не одной планетой, а двумя. Действительно, на древних картах можно увидеть два шара, плотно прижимающиеся друг к другу. На одной стороне – старый мир с Римом, Багдадом и Цинем, а на другой – так называемая терра инкогнита, и соединяются половины лишь тонкой полоской моря. Полагаю, что это лишь символическое изображение, и Земля, как бы ни утверждала Капелла, всегда была такой же планетой, как все остальные. Тем не менее рассказывается, что люди нашли этот узкий путь в новый свет. Они плыли в поисках богов, золота и, как я однажды

упоминал, вечной молодости – которой так и не нашли в земных водах. Однажды они прибыли в город у озера, что был крупнее всех известных городов, но и ужаснее. Его жители ели детей и приносили жертвы небесам.

Я почувствовал ужас сродни тому, что испытали древние исследователи в том кровавом городе. Как они стояли, окруженные следами жертвоприношений, так и я сейчас стоял у своего образного алтаря.

Мы нашли пропавшие головы.

В промежутке между консолями съельсины возвели черный обелиск. Он возвышался на двадцать футов, а в ширину у основания был в три человеческих роста.

Он был из костей. С великой осторожностью человеческие черепа сложили рядами один на другой; на некоторых еще оставались клочки кожи и волос, растрескавшиеся и пожелтевшие кости были покрыты бурыми пятнами давно засохшей крови. Черепа были скреплены металлическими прутьями и связаны инопланетными шелковыми нитями. Пустые глазницы бдительно смотрели во все стороны. Чтобы возвести такой монумент, понадобились сотни черепов. С шелковых нитей свисали полосы ткани, разукрашенные съельсинскими символами. Разобрать их я не смог, но сразу вспомнил бумажные молитвенные таблички на ветвях деревьев в Саду Кхарна.

Молитвенные таблички.

Каким богам молились эти существа?

Ответ был мне известен. Съельсины поклонялись Тихим, в чьих заброшенных залах и тоннелях они эволюционировали, перестали быть дикими хищниками, живущими во мраке под пропитанной радиацией атмосферой своей планеты.

– За это их ждет смерть, – пообещал я, сжав кулаки. – Клянусь Землей. – Впервые в жизни я поклялся Землей всерьез. – Сколько осталось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.